Отчеты по проектам Программы ОИФН РАН «Текст во взаимодействии в социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации»

Сводные отчеты по направлениям I-VI Программы ОИФН РАН «Текст во взаимодействии в социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации».

Отчет чл.-корр.РАН В.Е.Багно по направлению I «Литературоведческие аспекты исследования текста».

В соответствии с задачами направления программы, в 2009 г. авторскими коллективами велась активная работа по изучению литератур различных стран и эпох в социо-культурном контексте. При всем различии исследуемых в рамках направления проблем (здесь и литературы Азии и Африки, как древние, так и новые; и русская литература периода «золотого века», и творчество значительного поэта начала XX века Игоря Северянина) все проведенные исследования отличает подлинно академическая фундаментальность, что позволяют заключить, что намеченные работы будут выполнены в срок, и их публикация станет весомым вкладом в изучение рассматриваемых вопросов. Следует отметить, что по всем темам, входящим в данное направление, в 2009 году были проведены конференции, семинары и коллоквиумы, позволившие обсудить общие проблемы, встающие перед исследователями и наметившие перспективы работы.

Работа коллектива под руководством академика Б.Л. Рифтина строилась в 2009 г. преимущественно на переводе обширного круга произведений литератур Азии и Африки, наиболее отчетливо отражающих проблемы социокультурного бытования текста. В число данных текстов вошли китайские народные книги XIV-XIX веков, средневековые руководства традиционного индийского театра кутияттам, написанные на санскрите и малаялам, лаосские фольклорные и литературные циклы сказок о Махосоте, эпос манденгов средневекового африканского государства Мали, африканские франкоязычные

и португолоязычные романы XIX-XXI веков, а также произведения современных англоязычных поэтов Тропической Африки. На основе изучения данных текстов, охватывающих широкие географические и временные рамки, был проанализирован ряд важнейших тем, в числе которых взаимопроникновение и взаимодействие языка, этноса и культуры в преломлении к литературному тексту как к художественной модели окружающей действительности; степень и способы влияния этносоциальной и национально-культурной специфики на литературный текст, создаваемый в рамках той или иной локальной восточной культуры; многообразие типов бытования литературного текста в современной и традиционной культуре Востока.

Результатом работы коллектива под руководством М.Н. Виролайнен стало написание введения и первой главы коллективной монографии «Коммуникативные модели русской литературной культуры в эпоху "Золотого века"» общим объемом 4,9 авторских листа, что на 1,5 а.л. превышает объем, предусмотренный техническим заданием. В завершенной части исследования мотивирована актуальность проблемы и исследованы возможности аналитического описания русской литературной культуры Золотого века как самостоятельного и уникального феномена. Теоретически обоснован и частично апробирован способ подобного анализа, базирующийся на методе коммуникативных исследований. Предполагается, что применение его делает возможным выявление особенностей самовоспроизведения и самоописания упомянутой культурной эпохи, что в перспективе позволит составить ее полноценную характеристику в рамках релевантного ей языка описания. Обозначены базовые культурные механизмы, при помощи которых формируются границы, отделяющие Золотой век от предшествующей литературной культуры. Это модификация доминировавших ранее структурных принципов поэтического кода (осуществленная, в частности, Пушкиным в поэме «Домик в Коломне»), а также создание специфического поэтического языка, обусловливающего взаимопонимание участников культурной коммуникации (феномен, исследованный на материале творчества К. Н. Батюшкова). Оба шага направлены на создание особой, сущностной для Золотого века реальности, где поэзия предстает как автономная, самодостаточная область бытия, наделенная онтологическим статусом. Вместе с тем, описаны и некоторые принципиальные для данной системы возможности, позволяющие ей избежать герметичности и обусловливающие, тем самым, ее жизнеспособность. Примером последних выступают «двойной сюжет» поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан», «пропущенных строк» и специфический характер отношений автора и читателя в «Евгении Онегине». В этих случаях взаимодействие участников коммуникации организовано так, чтобы оставить им свободу пребывать и внутри, и вне замкнутого

поэтического мира — отмечая, тем самым потенциальную способность последнего к динамическому взаимодействию с внешним миром без утраты внутренней автономии. Особое внимание уделено предварительному анализу специфических для эпохи Золотого века отношений прозы и поэзии, напоминающих феномен диглоссии — сосуществование в рамках единой культуры не эквивалентных друг другу, взаимно непереводимых и четко разграниченных способов кодирования информации. На примере творчества Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», петербургские повести) в общих чертах обозначены и заложенные в описываемой культуре принципы преодоления этой границы.

Основным результатом работы коллектива под руководством В.Н. Терехиной стало создание хроники жизни и творчества Игоря Северянина объемом 4,5 а.л., представляющая собой первую подробную, последовательную и комментированную жизненную и творческую биографию писателя. В основу работы положена трудоемкая работа с архивными, печатными и музейными материалами о Игоре Северянине, в том числе собранными в рамках проведенной на средства программы научной командировки в Эстонию. Обстоятельно обследованы и изучены материалы к биографии Игоря Северянина, хранящиеся в Эстонском литературном музее (г.Тарту): рукописные книги, дневниковые записи, заметки, письма, афиши и программы поэзоконцертов, журнальные и газетные вырезки о его творчестве. Сделана опись Библиотеки Игоря Северянина, насчитывающая 305 томов. Тщательно изучены авторские пометы на полях книг, дающие богатый материал для понимания их творческой истории, а также дарственные надписи на книгах, позволяющие установить новые биографические данные. В ходе изучения архивных материалов установлены неизвестные ранее события и факты жизни и творчества поэта: самая ранняя из известных рукописей «Сражение при Цусиме», датированная 29 июня 1905 года, но не допущенная цензурой к печати; переводы Ш.Бодлера (1911); рукописная книга «Громокипящий кубок» (1935) и История этой книги; состав подготовленных поэтом и не вышедших в свет книг «Ручьи в лилиях», «Лирика» и др., турне Игоря Северянина (Германия, Польша, Франция Югославия и др.).

Отчет чл.-корр.В.Е.Багно по направлению II «Инновационные стратегии литературной историографии»

В соответствии с задачами направления программы, в 2009 году коллективами велась разработка такой сложной проблемы, как развитие русской и национальных литератур в Петрограде-Ленинграде и Карелии в переходную эпоху начала XX века.

Выбранные подходы к решению проблемы – рассмотрение литературы в ее взаимодействии с культурными институтами и рождение новой литературы из взаимодействия двух национальных литера – в полной мере соответствуют задачам направления. Следует отметить, что фундаментальность выполненных уже на этом начальном этапе работ позволяет заключить об успешном выполнении программы в целом.

Так, коллективом под руководством М.Э. Маликовой подготовлена основа будущей коллективной монографии «Механизмы деятельности институций культуры (издательства, научные и образовательные институты, объединения и проч.) Петрограда/Ленинграда в переходный период от 1920-х к 1930-м годам» общим объемом 23 а.л., включающая в себя подробное описание истории таких важных для литературной и культурной жизни города учреждений, как издательства «Весы» и «Academia» и Государственного института истории искусств, а также подробную хронику культурной жизни Ленинграда 1928 – 1932 гг. Данная работа основана на впервые вводимом в научный оборот обширном массиве историко-литературного материала, который окажет значительное влияние на изучение русской литературы рассматриваемой эпохи. Следует отметить также, что проект определился как действительно, по самой своей сущности, коллективный, вырастающий из взаимодействия его участников, обмена материалами (так, начальный этап работы издательства «Время» реконструируется через обращение к дневникам директора “Academia” Кроленко за 1921-23 гг., а для комментария к дневнику последнего за 1928 г. используются как материалы хроники культурной жизни Ленинграда, так и материалы по истории ГИИИ; деятельность забытого переводчика с испанского В.В.Рахманова восстанавливается, в частности, через обращение к его переводам, сделанным для «Времени», и т.д.).

Исследователями Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН Е.И. Марковой и Е.Г. Сойни также проделана внушительная работа по описанию взаимодействия русской и финской литератур в Карелии в начале XX века. В подготовленных исследователями на основании проделанной работы монографиях общим объемом более 30 а.л. подробно описано, как возникший в связи с публикацией «Калевалы» интерес к Карелии и в России, и в Петербурге способствовал взаимному влиянию русской и финской литератур; как связано с этими процессами творчество Н. Клюева; как активно переводилась и обсуждалась в Финляндии в эти годы русская литература, в том числе классического периода начала XIX века. Использование сравнительного, системно–типологического, структурно–мотивного методов позволило выявить взаимопритяжение обеих культур, базирующихся на общей основе – древней

культуре прибалтийско–финских народов и близкой им севернорусской культуре; охарактеризовать типологическое сходство финского неоромантизма и русского символизма (шире – авангардизма), что особенно отчетливо обнаруживается при изучении языческих и христианских элементов художественной системы, ориентацию на образы и сюжетные коллизии «Калевалы», отождествлении финнами Карелии и «Калевалы», а русскими Финляндии с родиной (см., например, поэзию Е. Гуро). Анализ текстов, с одной стороны, показал, что уход в национальную (свою и чужую) мифологию позволил противопоставить надвигающейся мировой катастрофе идеалы «золотого века» (Э. Лейно, Н. Клюев, В. Хлебников и др.) и спроецировать их на грядущее. С другой стороны, обозначилась значимость русской поэзии в Финляндии как социально заостренной, а образы природы финской и русской Карелии сливались в сознании русских поэтов в единый светлый образ страны–мечты.

Намеченные на 2010 г. планы работ вполне соответствуют намеченной программе работы. Предполагается продолжить исследования по истории издательств «Время» и «Academia», расширить хронику культурной жизни Ленинграда рассматриваемого, подготовить материалы по истории Научно-исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока имени А.Н.Веселовского, а также по истории ленинградской германистике на материале научной эволюции В.М. Жирмунского; исследования взаимодействия русской и финской литератур в Карелии планируется расширить на хронологический этап 1917 – 1940-х гг.

Отчет чл.-корр. РАН А.Л.Топоркова по направлению III «Источниковедение и текстология русской литературы (литературы народов Российской Федерации, зарубежные литературы)»

1. Проект «Анализ средневекового текста» (рук. к.ф.н. Н.А. Бондарко). В 2009 г. участники проекта проводили историко-лингвистические и текстологические исследования средневековых памятников, принадлежащих к разным языковым и жанровым традициям. В частности, исследование латинского описания паломничества св. Эгерии IV в. позволило выявить ряд важных социолингвистических тенденций в раннесредневековом романоязычном мире. На материале ранней новогреческой поэзии Византии удалось показать существование особого поэтического языка, дать его

характеристику и предложить определение поэтической формулы как набора операций, отвечающих за заполнение конкретного слогового пространства некоторой синтаксической структурой. В латинской и кельтской традиции средневековой Ирландии был выявлен круг памятников, представляющих легенду о «Двенадцати пятницах». Специфика языкового варьирования в позднесредневековой Германии была исследована на материале рукописной традиции мистической богословской прозы. Завершен начальный этап текстологического изучения средневерхненемецкого трактата «Зерцало добродетели» Давида Аугсбургского 2-й трети XIII в., представленного в 23 рукописях XIV-XV вв.; установлены основные редакции текста и генетическое соотношение списков внутри редакций. Результаты работы нашли отражение в 4 публикациях и были представлены в 4 докладах на международных конференциях. В 2010 г. планируется проведение коллоквиума по проблематике проекта. Будет проведена серия исследований рукописных текстов нескольких западноевропейских традиций, а также византийской традиции, детально изучены их диалектные, стилистические и функциональные особенности.

2. Проект «Эпистолярное наследие русских писателей-модернистов» (рук. акад. А.В. Лавров) направлен на подготовку научных изданий, которые позволят раскрыть историко-культурное значение эпистолярной традиции модернизма, прежде всего писателей М. А. Волошина и А. М. Ремизова. В 2009 г. был проведен предварительный анализ и отбор писем М. А. Волошина и А. М. Ремизова, предназначенных к публикации, а также их компьютерный набор (переписка М. А. Волошина с М. Сабашниковой; письма М. А. Волошина 1890–1900-х гг.; письма А. М. Ремизова 1900–1920-х гг.). Начата работа над подробными комментариями и аналитическими статьями. В 2010 г. предполагается осуществить сверку готовящихся к публикации писем Волошина и Ремизова с привлечением архивных собраний ИРЛИ, РНБ, РГБ, Национальной библиотеки Франции, Центра русской культуры в Амхерсте (США), а также подготовить к ним историко-литературный комментарий.

3. Проект «Источники научной биографии С.А.Есенина» (рук. к.ф.н. М.В. Скороходов) ставит целью выявление, критический анализ и введение в научный оборот новых материалов, относящихся к биографии С.А.Есенина. В 2009 г. М.В. Скороходов работал с отечественной периодикой 1923–1925 гг., а также с материалами, хранящимися в Отделе рукописных и книжных фондов ИМЛИ РАН; выступил как один из организаторов

международной научной конференции (Москва – Рязань – Константиново), выступил с докладами на конференциях в Вытегре и Томске. В 2010 г. планируется продолжить просмотр книг, периодических изданий, архивных источников; осуществить фронтальный просмотр периодики конца 1925 – начала 1926 г. с целью выявления источников, касающихся последних дней жизни С.А.Есенина; выступить на конференции, посвященной 115-летию со дня рождения С.А.Есенина (Москва), на Восьмых биографических чтениях памяти В.Иоффе (Санкт-Петербург), на международной конференции, организуемой Канадской ассоциацией славистов (Канада, Монреаль).

4. Проект «Текстологические проблемы наследия Н.А. Клюева» (рук. к.ф.н. М.В. Скороходов) направлен на воссоздание творческой истории произведений известного русского поэта. В 2009 г. М.В. Скороходов изучил практически все известные в настоящее время источники текстов клюевских стихотворений 1905–1917 гг., а именно: около 170 автографов и 370 авторских публикаций. Полученные результаты могут стать базой для составления текстологических паспортов каждого из стихотворений поэта, что необходимо для научного издания его сочинений. В 2010 г. М.В. Скороходов продолжит текстологическое исследование творческого наследия Н.А. Клюева, обратившись к периоду с 1918 по 1923 гг. Предполагается воссоздание творческой истории произведений поэта этого времени, в том числе таких, как поэмы «Четвертый Рим» и «Мать Суббота», а также исследование истории подготовки и издания сборника «Львиный хлеб».

Работа над всеми отрецензированными проектами в целом идет в соответствии с намеченными планами, на должном научном уровне. Считаю целесообразным продолжить финансирование всех проектов на 2010 г.

Отчет чл.-корр. РАН А.Л.Топоркова по направлению IV «Фольклор как форма существования текста»

Проект «Аннотированный библиографический указатель: Восточнославянские заговоры» (рук. д.ф.н. Т.А. Агапкина). Цель проекта — составление аннотированного библиографического указателя восточнославянских заговоров, который впервые даст в руки исследователей надежный инструмент для систематизации текстов данного фольклорного жанра. В 2009 г. участники проекта разработали схему описания журнальной (газетной, книжной) публикации, включающую 8 пунктов; выявили и описали в соответствии со схемой около 300 публикаций в периодике 19 - начала 20 в. (губернские и епархиальные ведомости и др.); по проекту опубликовано 2 статьи. В 2010

г. будет продолжен библиографический поиск в периодических и продолжающихся изданиях, а также работа по описанию и аннотированию выявленных публикаций; всего в 2010 г. предполагается подготовить около 300 библиографических описаний.

Проект «Мультимедийная текстология фольклора (экспериментальное издание памятников)» (рук. к.ф.н. Е.В. Минёнок). В 2009 г. проведены три комплексные фольклорные экспедиции: в Смоленскую и Житомирскую области и Сортавальский район Респ. Карелия. В экспедициях целенаправленно разрабатывались темы: «Запись многовариантного исполнения необрядовой лирики» и «Динамика изменения фольклорной традиции в селах метрополии и в переселенческих селах, образованных в начале XX века». Осуществлены аудио и видеозаписи исполнения нарративов, обрядовых песен и необрядовой лирики; разработан каталог видеоэпизодов, каждый видеоэпизод разделен на звуковой трек (сонограмму), видеофайл и текстовый файл (расшифровку). Разработана система соответствия видеофайлов, звуковых файлов (сонограмм), текстовых файлов (расшифровок сонограмм) и текстовых файлов научных комментариев. Проанализировано исполнение фольклорного текста (сказка «Петр I и кузнец») на разных языках (русском и китайском). Результаты докладывались на 4-х конференциях. В 2010 г. будет произведена расшифровка, каталогизация и анализ собранного материала; сведены на едином носителе видеофайлы, сонограммы и текстовые файлы; на этой основе подготовлены статьи для запланированного сборника. Дополнительно планируются контрольные экспедиции в переселенческие села Сибири и в Белоруссию.

Проект: «Манифестация магического текста в фольклорной традиции славян и кельтов» (рук. д.ф.н. Т.А. Михайлова). В 2009 г. коллектив сконцентрировался на заговорной традиции, широко представленной как в кельтском, так и в славянском фольклоре. Основная теоретическая проблема — поиск относительно надежных критериев, которые позволили бы отделить «бродячие формулы» (и приемы) от универсалий, проявляющихся в сходных прагматических контекстах. Возможны также генетическое тождество материала, т.е. возведение его к единой индоевропейской традиции, или калькирование материала из традиции народного христианства, оперирующей латинским и греческим языками. На основании сопоставления кельтского и славянского фольклорного материала был сделан общий вывод о большем тяготении к пережиткам язычества в славянской среде, обусловленном, предположительно, не только более поздним принятием христианства в славянском регионе, но и самой формой бытования в нем официальной религии (большая толерантность православия по сравнению с католицизмом). Был проведен круглый стол и опубликован сборник

материалов: «Магия формулы». М.: Тезаурус. 2009. 65 с. (4 п.л.). В 2010 г. предполагается изучить в сравнительном плане сакральные надписи на камнях; рассмотреть синтаксис надписей с целью выявить влияние римской культуры через романизованную Британию; опубликовать переводы фрагментов ирландских Законов, в которых формулируется отношение к «насмешкам» и оценка вредоносного поэтического слова; проанализировать соотношение прозы и поэзии в традиционном нарративе.

Проект «Биобиблиографический словарь русских фольклористов (XVIII-XIX вв.)» (рук. член-корр. РАН А.Л. Топорков). Целью проекта является подготовка фундаментального Биобиблиографического словаря русских фольклористов, который будет первым изданием такого рода. Русская наука о фольклоре впервые будет представлена в персоналиях ее выдающихся и рядовых деятелей, во всем многообразии их собирательских и исследовательских методов и приемов. В 2009 г. участники проекта разработали общую концепцию Словаря и словник персоналий; опубликовали концептуальные статьи о Словаре в журнале «Антропологический форум. Online»; организовали дискуссию по поводу этих статей; подготовили к печати Пробный выпуск Словаря (15 а.л.). В 2010 г. предполагается завершить подготовку и редактирование Пробного выпуска Словаря и издать его; продолжить работу над статьями, предназначенными для Словаря; написать 0,5 объема Словаря (30 а.л.).

Работа над проектами ведется в соответствии с намеченными планами, на высоком научном уровне, отвечающем мировым стандартам. Считаю целесообразным продолжить финансирование проектов на 2010 г.

Отчет чл.-корр.РАН В.А.Плунгяна по направлению V «Лингвистические аспекты исследования текста».

Направление «Лингвистические аспекты исследования текста» объединяет проекты, в которых основной акцент делается на исследовании *языковых свойств* целостного текста в разных культурно-исторических контекстах и с учетом *современных технологий* представления и обработки языковых единиц. Направление включает 21 проект; проекты выполнялись в Институте языкознания РАН, Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН и Институте славяноведения РАН (Москва), в Институте лингвистических исследований РАН и Музее антропологии и этнографии им. Петра

Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), а также в Институте языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН и в Институте истории, языка и литературы РАН Уфы.

По своей тематике и задачам проекты делятся на три группы.

Первая группа проектов в наибольшей степени сосредоточена на описании *культурно-исторического* контекста возникновения и функционирования текстов, часто используя тексты важных памятников локальной культурной традиции.

Исследования проводились на различном материале. В проекте под рук. И.И. Челышевой (ИЯз РАН) изучались тексты, созданные в переходные периоды развития романских, германских и иранских языков и формирования литературных традиций на этих языках. Были выявлены различные типы переходного состояния языка, отраженного в текстах. Во-первых, это накопление структурных изменений, приводящих к качественно новому языковому состоянию (переход от древнеперсидских текстов к среднеперсидским, переход от латинских структур к структурам преимущественно романским и т.д.). Во-вторых, это изменения, связанные с изменениям культурной парадигмы, общественного устройства, конфессиональной принадлежности, которые также находят свое отражение в тексте, порождая сдвиги в семантике (например, десакрализация древнейших германских текстов или отражение политической обстановки в текстах «на злобу дня» новейшего периода, таких, как документы выборов, политическая пропаганда и др.), которые также наиболее явственно проявляются в переходную для общества эпоху. По проекту подготовлено 9 статей.

В проекте под рук. В.Я. Порхомовского (ИЯз РАН) было начато исследование фольклорных и канонических текстов народов Тропической Африки и получены интересные результаты в плане изучения маргинальных групп лексики (теонимы, каритивная лексика, архаические элементы фольклора); подготовлено 3 публикации.

В проекте под рук. Л.Г. Герценберга (ИЛИ РАН) исследовались древние тексты на «маргинальных» индоевропейских языках (таких, как хеттский, древнеармянский, тохарский и др.). Была проведена подготовительная работа по изучению синтаксических конструкций, выражающих предшествование, в хеттском языке и их возможной связи с аналогичными конструкциями в романских и германских языках. Были рассмотрены отдельные формульные выражения в армянском, индоиранских и древнегреческом

языках, а также просодические клише в древнегреческой элегической поэзии. По проекту подготовлены 2 публикации.

В проекте под рук. Т.В. Михайловой-Цивьян (ИСл РАН) особое внимание уделяется закономерностям построения текста в балканском этнокультурном пространстве. Участники проекта начали полномасштабное исследование балкано-балто-славянского текста на всех языковых уровнях, с учетом сферы культурной антропологии и специфики моделей мира каждой традиции. По проекту подготовлено 5 публикаций и 1 сборник статей, в рамках проекта проведен также целый ряд конференций.

Проект под рук. А.Ф. Журавлева (ИСл РАН) близок предыдущему по методологии и тематике, но направлен преимущественно на тексты славянского фольклора. На основании сведений письменных источников определяются ключевые факторы, влияющие на вариативность славянского текста различных жанров в различные исторические эпохи. Привлекается материал практически всех славянских языков, что позволяет получить широкую многоаспектную картину влияния культурных констант на специфику итогового текста. По проекту подготовлено 8 публикаций.

Проект под рук. Т.М. Николаевой (ИСл РАН) нацелен на комплексное лингвистико-филологическое изучение прецедентных текстов русской литературы, важных для понимания и современного русского языкового универсума. Работы по проекту за первый год Программы подтвердили предположение, что в художественном тексте могут (но необязательно) быть эксплицитно выражены словесные единицы, которые являются «ключами» к раскрытию содержания следующего текста, могут способствовать раскрытию биографии писателя или характеристики персонажа, и т.п. По проекту подготовлено 5 статей и монография, проведен ряд конференций.

Таким образом, в проектах этой группы обеспечивается охват значительного по объему, языковому, жанровому и структурному разнообразию материала; для всех исследований характерна тесная связь языка и культуры и широкий интердисциплинарный характер. Участники проектов подготовили большое количество докладов и публикаций, организовали целый ряд конференций. Заложены прочные основы для дальнейших исследований по программе.

Вторая группа проектов, также опирающихся на разнообразный языковой материал, посвящена теоретической разработке ключевых понятий, связанных с

описанием *структуры текста*. Эти проекты призваны внести существенный вклад не только в описательную проблематику, но и в современные теории дискурсивного анализа. Основными в этой группе являются проекты под рук. А.А. Кибрика (ИЯз РАН), посвященный типологическому исследованию функционированию грамматических категорий в дискурсе, и проект под рук. В.С. Храковского (ИЛИ РАН), специально посвященный типологическому исследованию категории таксиса (относительного времени) в тексте. К этим проектам по проблематике примыкает индивидуальный проект Анны А. Зализняк (ИЯз РАН), посвященный исследованию русских дневниковых текстов как особого вида письменного дискурса.

В рамках проекта под рук. А.А. Кибрика изучались факты устного русского дискурса, жестового языка глухих и языков индейцев Аляски; разрабатывался дискурсивно-ориентированный подход к грамматическим явлениям. По проекту подготовлено 5 статей и опубликована фундаментальная монография под ред. А.А. Кибрика и В.И. Подлесской «Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса» (М., 2009, 46 п.л.), в которой заложены основы принципиально нового подхода к анализу устного текста.

В рамках проекта под рук. В.С. Храковского подготовлен первый вариант коллективной монографии «Таксисные конструкции в славянских языках» (12 а.л.). В главах монографии рассматривается структура, семантика и прагматика таксисных конструкций во всех языках славянской группы. В подготовке глав монографии приняли участие исследователи из 11 стран.

Анной А. Зализняк за отчетный год был разработан концептуальный аппарат лингвистического анализа дневникового текста, позволяющий квалифицировать в том числе «промежуточные» (между дневниковыми и художественными) типы текстов. Показано, что жанр дневника реализует совершенно особую коммуникативную ситуацию, где повествователь совпадает с автором, а автор – с адресатом, но при этом адресат не совпадает с читателем; это обстоятельство определяет уникальность дневника как типа текста и определяет его релевантные лингвистические характеристики. По результатам работы подготовлена 1 статья.

Третья группа проектов так или иначе связана с *корпусной* проблематикой. Современные электронные корпуса – важнейшее средство изучения структуры текста, и в проектах этой группы решаются как задачи формирования и обработки новых корпусов текстов (главным образом, на материале языков народов России, но не только их), так и

задачи проведения масштабных теоретических исследований грамматики и лексики различных языков на основе корпусов. Данное направление считается в современной лингвистике одним из наиболее перспективных.

Проекты, предполагающие разработку и создание новых корпусов включают, прежде всего, масштабный проект под рук. В.Ю. Гусева (ИЯз РАН), в рамках которого была начата работа по созданию корпуса языков народов России. Разработана принципиальная структура корпуса (максимальный набор полей для текстов и для метаинформации о тексте), созданы тестовые корпуса на нескольких языках РФ, принадлежащих к разным языковым ареалам (Кавказ, Северная Сибирь, Дальний Восток, Северо-Запад). Значительный объем нового текстового материала (больше 25 часов записи) был собран в экспедициях участников проекта, подготовлено 2 публикации.

На создание корпусов языков народов России нацелены также проекты под рук. Е.В. Перехвальской (ИЛИ РАН) по документации и описанию нарративных текстов на языках алтайской семьи (в отчетном году было обработано 35 текстов на дербетском говоре калмыцкого языка и 36 текстов на удэгейском языке, начат также сбор нанайских текстов), проект под рук. Н.Г. Зайцевой (ИЯЛИ, Карельский НЦ РАН) по документации исчезающего вепсского языка (в отчетном году переведено в электронную форму и обработано 73 текста общим объемом в 31 тыс. словоупотреблений) и проект под рук. Ф.Г. Хисамитдиновой (ИИЯЛ РАН, Уфа) по документации башкирских диалектных текстов (в отчетном году проведено полевое исследование говоров курганских башкир, расшифрованы полевые записи участников проекта, переведены в электронный вариант материалы экспедиций 1929 и 1954 гг. объемом около 5000 предложений, подготовлены текстовые материалы для портала Института, с которыми, однако, куратору не удалось ознакомиться – портал не функционировал).

Проект под рук. В.Ф. Выдрина (МАЭ РАН) посвящен разработке методики для составления корпусов бесписьменных африканских языков со сложной фонемной структурой. В рамках этого проекта создано первое описание языка леле (фонология, грамматика, лексика), до сих пор остававшегося неизученным. Описана фонология языка мано, изучены вопросы, представляющие теоретический интерес (статус носовых согласных; статус вокалической долготы, и т.д.). Изучена тональная система языка лоома, отличающаяся повышенной сложностью: выявлены правила перехода от глубинного уровня к поверхностному, выделены тональные классы слов лоома.

Существенной частью корпусных проектов данного раздела программы являются теоретические исследования русского языка, основанные на *Национальном корпусе русского языка*. Проекты предполагают как дальнейшее развитие НКРЯ, так и, что наиболее важно, инновационные теоретические исследования с использованием тех мощных инструментов, которые предоставляет Корпус: разных аспектов грамматической вариативности (рук. В.А. Плунгян и М.Д. Воейкова), словообразования (рук. О.Н. Ляшевская), разных аспектов лексики (рук. Е.В. Падучева, И.М. Богуславский), разных аспектов синтаксиса (рук. Е.В. Рахилина, М.Д. Воейкова), поэтического текста (рук. Л.Л. Шестаокова).

В рамках проекта под рук. В.А. Плунгяна (ИЯз и ИРЯ РАН), посвященного корпусному исследованию морфологической вариативности в русских текстах XVIII-XX вв., составлен перечень важнейших зон морфологической вариативности русского языка, проведено пилотное исследование трех типов морфологической вариативности на материале текстов Национального корпуса: деепричастных форм глаголов, форм несовершенного вида с чередованием и форм родительного падежа множественного числа существительных мужского рода с основой на твердый согласный, проанализированы типичные ошибки действующей в корпусе программы автоматического морфологического анализа и подготовлены предложения по их исправлению.

В рамках проекта под рук. М.Д. Воейковой (ИЛИ РАН) были начаты исследования вариативности текстов и сформулированы психолингвистические гипотезы для объяснения бессознательного выбора говорящим той или иной дуплетной формы, а также объяснены некоторые языковые предпочтения и ошибки устной и письменной речи.

В рамках проекта под рук. О.Н. Ляшевской (ИРЯ РАН), посвященного корпусному исследованию механизмов русского словообразования, в отчетный год разработаны общая концепция, порядок и параметры словообразовательной разметки Национального корпуса русского языка, создана автоматизированная система разметки префиксов и сложных слов русского языка и получены статистические показатели употребления приставочных и сложносоставных моделей в корпусе НКРЯ, которые позволяют сопоставить продуктивность разных словообразовательных моделей.

В рамках проекта под рук. Е.В. Падучевой (ВИНИТИ и ИРЯ РАН) разработан концептуальный аппарат для описания корреляций между различными семантическими параметрами глагольной лексемы (семантическим классом глагола, типами и семантическими классами актантов); создана электронная база данных, отражающая

ключевые параметры глагольной лексики разных семантических классов; создан тренировочный корпус текстовых реализаций моделей управления глаголов на базе примеров, извлеченных из Национального корпуса русского языка; создан и апробирован на текстах Национального корпуса русского языка пилотный вариант программы автоматического разрешения неоднозначности глаголов с точностью до семантического класса.

В рамках проекта под рук. И.М. Богуславского (ИППИ РАН) на массиве синтаксически размеченного корпуса русского языка СинТагРус, составляющего часть Национального корпуса русского языка, при помощи лингвистического процессора ЭТАП-3 была внедрена лексико-семантическая и лексико-функциональная разметка. Разработан предварительный интерфейс выдачи результатов поиска по лексическим функциям в корпусе. Всё это создает условия для разработки компьютерных программ, основанных на машинном обучении, способных разрешать лексическую неоднозначность в текстах и обнаруживать в них лексические функции.

В рамках проекта под рук. Е.В. Рахилиной (ИРЯ РАН) был получен пилотный список русских конструкций и грамматикализованных фразем, выражающих значения из универсального грамматического набора (свыше 100 конструкций) и проведен семантико-синтаксический анализ нескольких конструкций из этого списка. Была начата работа над электронным словарем устойчивых сравнительных оборотов по базам данных НКРЯ. В Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) прошел круглый стол «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы».

В рамках проекта под рук. Л.Л. Шестаковой (ИРЯ РАН) была проделана значительная работа по формированию и пополнению поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка. Были собраны и размечены стихотворные тексты первой трети XX века, в том числе авторов акмеистического круга (объемом ок. 1 млн. словоупотреблений) и усовершенствовано программное обеспечение, предназначенное для полуавтоматической разметки стихотворных текстов. В рамках выполненной стиховедческой разметки выработаны новые возможности поиска по множеству несиллабо-тонических текстов. Кроме стиховедческой, проведены грамматическая и семантическая разметки, аналогичные разметкам других подкорпусов НКРЯ.

По всем проектам «корпусного» цикла было издано или подготовлено к изданию значительное количество публикаций, в том числе издано два сборника статей: «Корпусные исследования по русской грамматике» / ред. К.Л. Киселева, В.А. Плунгян,

С.Г. Татевосов, Е.В. Рахилина (М., 2009 – 42 п.л.) и «Национальный корпус русского языка: 2006-2008. Новые результаты и перспективы» / ред. В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова (СПб., 2009 – 16 п.л.).

Таким образом, по всем проектам данного направления велась активная и динамичная исследовательская работа, дающая возможность продолжить все намеченные исследования в будущем году. Несмотря на то, что 2009 г. – первый для данного цикла работ, уже в этом году практически по всем проектам было опубликовано значительное количество статей, а также фундаментальных монографий и сборников, проведено значительное количество конференций и круглых столов.

Для работы по проектам в 2010 г. можно было бы рекомендовать более тесную координацию исполнителей проектов, касающихся близкой тематики или использующих сходную методику исследований и сбора материала. В частности, желательна координация проектов под рук. Н.Г. Зайцевой и под рук. Ф.Г. Хисамитдиновой с большим проектом под рук. В.Ю. Гусева, с тем, чтобы собранные материалы можно было впоследствии поместить в корпус языков народов России. Сказанное особенно касается проекта под рук. Ф.Г. Хисамитдиновой, так как заявленные в отчете темпы работы не представляются оптимальными, а приведенные в отчете ссылки на сайт с материалами проекта оказались неработающими.

Отчет д.ф.н. В.З.Демьянкова по направлению VI «Текст в социокультурном и языковом пространстве РФ».

1. По следующим подразделам раздела VI за 2009 г. проведены следующие работы:

1.1. Коллектив сотрудников Института языкознания РАН под руководством В. З. Демьянкова в рамках подраздела «*Универсальные и идиоэтнические стратегии продуцирования и интерпретации текста; типология дискурсивных стратегий*» исследовал употребление и понимания ключевых терминов, связанных с проблемой универсального и идиоэтнического компонентов понимания текста.

1.2. Коллектив сотрудников Института языкознания РАН под руководством А. Е. Алексеева разработал основные теоретические решения в рамках подраздела «*Перевод Библии и его роль в сохранении и развитии языков народов России*».

1.3. Коллектив сотрудников Института языкознания РАН под руководством С. Е. Никитиной разработал основные теоретические решения в рамках подраздела «*Религиозные тексты в социокультурном пространстве русских конфессиональных групп (молокане, духоборцы, старообрядцы)*» разработал основные теоретические решения.

1.4. Коллектив сотрудников языкознания РАН под руководством Е. И. Кириленко создал и пополняет *сайт Программы* «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации». Проведена работа по координированию и финансированию всех организаций – участников проекта.

2. Содержательные и финансовые отчеты по этим подразделам сданы вовремя и в полном объеме.

3. Работа в рамках этих подразделам проводится в полном соответствии с планом.

Отчеты по отдельным проектам в составе направлений I – VI.

Направление I «Литературоведческие аспекты исследования текста», куратор направления – чл.-корр. РАН В.Е.Багно

1.1. Текст в социокультурном бытовании (на материале литератур Азии и Африки), руководитель проекта – акад. Борис Львович Рифтин

В отчетном году все участники данного проекта, посвященного изучению социально-культурных аспектов создания и функционирования произведений классической и современной литературы в странах Азии и Африки, и отражающего современный подход к изучению словесного текста как к результату взаимодействия многих факторов, проводили сбор и оценку материалов, а также необходимые переводы с восточных и европейских языков по выбранной ими теме.

Б.Л. Рифтин, подготавливающий статью «Китайская простонародная литература (*сувэньсюэ*) и ее социокультурное бытование» в 2009 г. исследовал китайские народные книги XIV-XIX вв., имевшие широкое распространение в городской среде и являвшиеся своеобразными предшественниками современной популярной литературы. Некоторые из этих книг, дошедшие до нас в средневековых изданиях 20-х годов XIV века, легли в основу знаменитых романов (примером может являться народная книга «Пинхуа

“Истории трех царств”», использованная писателем Ло Гуань-чжуном при написании знаменитого романа конца XIV века «Троецарствие». Б.Л. Рифтин выполнил переводы и написал комментарии к избранным отрывкам из народных книг, репрезентативных как с точки зрения текстологических, так и социокультурных особенностей рассматриваемой группы памятников.

Н.Р.Лидова работала над статьей «Санскритская драма в социокультурной ситуации современной Индии (на примере театра *кутияттам*)», посвященной социокультурным аспектам инсценирования произведений классической санскритской драматургии (III-X вв.н.э.) в традиционном театре *кутияттам*, сохранившимся в южноиндийском штате Керала и считающимся одним из памятников ЮНЕСКО. Поскольку сугубо религиозная и, вследствие этого, абсолютно замкнутая традиция этого театра стала доступна для исследования лишь в 70-е годы XX века, подавляющее большинство текстов (в основном это драмы и два типа руководств – āññaprakāra и kramadīpika), до сих пор не опубликованы и доступны лишь в виде манускриптов на пальмовых листьях, написанных на санскрите и местном языке малаялам. И хотя принципиальное изменение экономической и социально-культурной ситуации (упразднение власти раджей и земельные реформы, лишившие храмы исторически принадлежавших им земель) позволили актерам играть вне храмов, это сообщество до сих пор сохраняет кастовую изолированность и иерархическую подчиненность старшему в роде. Только с его согласия возможно получить те или иные манускрипты, до сих пор являющиеся главной ценностью в семьях актеров и передающихся как важнейшее достояние от поколения к поколению. Таким образом, первоначальное изучение и фотографирование этих текстов, как и получение важнейших сведений социокультурного характера от информантов возможно лишь при полевых исследованиях, проведение которых намечено на 2010 г. В 2009 г. Н.Р.Лидова выполнила всю подготовительную работу по подготовке экспедиции, составила полную библиографию работ по *кутияттаму* и выполнила перевод тех разделов «Натьяшастры» (основополагающего трактата по древнеиндийскому театру), которые имеют отношение к символической системе жестов и движений, а также особенностям инсценирования санскритской драматургии.

Е.Н.Афанасьева, подготавливающая статью «Лаосский цикл сказок о Махосоте как дидактический и религиозный памятник» в 2009 г. провела выборку сказочных сюжетов о Махосоте, на протяжении столетий выполнявших важнейшую социально-культурную роль и функционировавших как в виде народных сказок, так и в качестве иллюстраций

для проповедей, переписываемых в буддийских монастырях наряду с каноническими произведениями. Помимо этого, она составила основную библиографию и выполнила перевод с лаоского языка литературного памятника «Повести о Махосоте», позволяющего проанализировать взаимное влияние фольклора и религиозной монастырской литературы Лаоса в эпоху империи Лансанг (XVI-XVIII вв.).

Е.С.Котляр, пишущая статью на тему «Эпический текст и его социальная роль – на материале государственного эпоса *манденгов* средневекового Мали», в 2009 г. проанализировала основные существующие версии эпоса манденгов, являющегося единственным государственным эпосом у народов африканского континента. Он был непосредственно связан с функционированием государства Мали – зачитывался на ежегодных торжествах и церемониях и имел громадное социально-культурное значение. Опираясь на эпическую историю, правители возводили свою родословную к основателю государства Мали Сундьяте, впоследствии трансформировавшемся в главного эпического героя. Сказания о Судьяте дошли до нас во множестве вариантов, среди которых принято выделять два основных типа текстов – народные легенды и «официальные» предания, хранимые профессиональными сказителями *гриотами* или *дьели* (мастерами слова). Официальные предания отличаются большей статичностью текста и его относительной строгостью, своего рода «историчностью», на которую претендует данная сказительская традиция. В отчетном году Е.С.Котляр перевела и откомментировала те разделы эпоса, которые касаются предков и потомков Судьяты и наиболее важны в социокультурном контексте.

О.А.Власова, подготавливающая статью на тему «Проблемы книгоиздания, авторских прав и цензуры в странах Северной Африки» в 2009 г. составила полную библиографию по исследуемой проблеме на арабском и французском языках, и установила контакты с Союзом магрибинских издателей, получив ряд актуальных материалов по проблемам авторских прав и интеллектуальной собственности в странах Арабского Магриба, что позволило ей аргументировано проанализировать функционирование изданий художественной литературы на арабском языке в одной из стран Магриба – Алжире.

Н.Д.Ляховская, пишущая на тему «Африканский франкоязычный роман об этнических войнах 90-х годов XX века как отражение молодежного экстремизма во внутриполитических конфликтах Африки» выполнила перевод избранных отрывков романа «Джонни Бешеный пес» (Э. Донгала), являющегося одним из двух сочинений, на

примере которых будет раскрыта актуальная проблема развития молодежной культуры Африки на рубеже XX-XXI веков.

Е.А.Ряузова, подготавливающая статью на тему «Роман Балтазара Лопеса «Шикиньо» в социокультурном контексте Кабо Верде» составила полную библиографию по данной проблеме и выполнила перевод тех глав романа «Шикиньо» (1947), которые являются актуальными с точки зрения анализируемой в статье проблематики становления характера молодого креола в зависимости от жизненных обстоятельств. Появление этого произведения Балтазара Лопеса, ставшего первым в кабовердианской литературе романом воспитания, оказалось важным культурным событием и вызвало большое число подражаний среди неореалистических сочинений схожей тематики.

Н.С.Фролова, рассматривающая тему «Элементы субкультуры в творчестве англоязычных поэтов Тропической Африки», в 2009 г. перевела и проанализировала подборки стихотворений современных англоязычных поэтов Кении и Уганды, использующих в своем творчестве язык «пиджин», являющийся основным элементом анализируемой африканской субкультуры.

Как видно даже из этого, сравнительно небольшого числа избранных тем, страны Востока являют огромное разнообразие форм исторического, социально-экономического и культурного (в том числе и литературного) развития, что, несомненно, затрудняет их в рассмотрение рамках одного проекта. Дополнительные сложности создают и полиэтнический состав населения, наличие множества разговорных и литературных языков, а также мозаичная структура культурного развития на Востоке, частным случаем которой является асинхронность литературного процесса, определяющая сосуществование современных литературных форм с традиционными эстетическими представлениями и исторически сложившейся системой литературных и фольклорных жанров. И хотя влияние литературы на становление отдельной личности и целых народов является общепризнанным, изучение текстов классических и современных произведений часто осуществляется в отрыве от исторического и социально-культурного фона, исследование которого требует больших усилий, широты научного кругозора, глубоких знаний истории не только одной страны, но и всего региона в целом. Недаром, исследование процессов функционирования текстов в странах Азии и Африки традиционно являлось прерогативой исследователей других специальностей (историков, социологов и т.д.), а не литературоведов, больше склонных к изучению текста как такового.

Принципиальная новизна данного проекта состоит в рассмотрении художественных текстов восточных литератур в их социокультурном бытовании, что позволяет преодолеть определенную замкнутость литературоведческого подхода и, выйдя за рамки изучаемого текста, проанализировать литературное произведение не только как факт литературы, но и как факт культуры. Поскольку главным результатом проекта должен стать коллективный труд под названием «Текст в социокультурном бытовании (на материале литератур Азии и Африки)» уже на первом этапе исследования была определена общая для всех исследователей стратегия и методология исследования, а также выделено несколько «сквозных» тем, в числе которых: 1) взаимопроникновение и взаимодействие языка, этноса и культуры в преломлении к литературному тексту как к художественной модели окружающей действительности; 2) степень и способы влияния этносоциальной и национально-культурной специфики на литературный текст, создаваемый в рамках той или иной локальной восточной культуры; 3) многообразие типов бытования литературного текста в современной и традиционной культуре Востока и т.п.

6. **Общее число опубликованных по проекту работ** (в том числе монографий и сборников) – нет.

7. **Список опубликованных монографий и сборников статей**, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации (до 0,5 стр.) – нет.

8. **Список опубликованных по проекту статей** (объемом не менее 1 п.л.) – нет.

9. Список книг, сданных в печать или поданных на издательские гранты (указать ожидаемое время издания, объем в а.л.) – нет.

10. **Экспедиции, проведенные в рамках проекта** (регион, руководитель, сроки, тематика исследований, полученные результаты, их значимость – до 2 стр.) – нет.

11. **Конференции, организованные в рамках проекта** (название, место и сроки проведения, обсуждаемые проблемы, результаты):

Круглый стол по теме: «Социокультурное бытование произведений классической и современной литературы в странах Азии и Африки», ИМЛИ РАН, октябрь 2009 г. На круглом столе с докладами и в прениях выступили все участники данного проекта. Были прочитаны доклады по темам:

Б.Л. Рифтин. «Китайская простонародная литература и народный лубок».

Н.Р.Лидова. «Натьяшастра и современный санскритский театр Кералы *кутияттам.* Исторические и социокультурные аспекты».

Е.Н.Афанасьева. «Лаосский цикл сказок о Махосоте и его роль в построении буддийской проповеди».

Е.С.Котляр. «Сундьята как исторический персонаж и эпический герой в государственном эпосе *манденгов*».

О.А.Власова. «Цензура как социокультурный механизм в странах Северной Африки».

Н.Д.Ляховская. «Роман «Джонни Бешеный пес» Э. Донгала как отражение внутриполитических конфликтов Африки».

Е.А.Ряузова. «Роман воспитания в социокультурном контексте Кабо Верде».

Н.С.Фролова. «“Пиджин” как основной элемент субкультуры в творчестве англоязычных поэтов Тропической Африки».

Проведение Круглого стола позволило уточнить общую концепцию исследования, конкретизировать ряд методологических моментов и проследить на различном культурно-историческом и литературном материале те аспекты, которые будут прослежены во всех работах данного проекта.

12. Важнейшие научные результаты работы по проекту (ок. 0,5 стр. для публикации на сайте программы):

В рамках реализации данного проекта, посвященного изучению социально-культурных аспектов создания и функционирования произведений классической и современной литературы в странах Азии и Африки, и отражающего современный подход к изучению словесного текста как результату взаимодействия многих факторов, была проведена оценка и сбор материалов, а также выполнены переводы с восточных и европейских языков значительного числа текстов, репрезентативных с точки зрения исследуемой проблематики. В число данных текстов вошли китайские народные книги XIV-XIX веков, средневековые руководства традиционного индийского театра кутияттам, написанные на санскрите и малаялам, лаосские фольклорные и

литературные циклы сказок о Махосоте, эпос манденгов средневекового африканского государства Мали, африканские франкоязычные и португолоязычные романы XIX-XXI веков, а также произведения современных англоязычных поэтов Тропической Африки. На основе изучения данных текстов, охватывающих широкие географические и временные рамки, был проанализирован ряд важнейших тем, в числе которых взаимопроникновение и взаимодействие языка, этноса и культуры в преломлении к литературному тексту как к художественной модели окружающей действительности; степень и способы влияния этносоциальной и национально-культурной специфики на литературный текст, создаваемый в рамках той или иной локальной восточной культуры; многообразие типов бытования литературного текста в современной и традиционной культуре Востока. Был проведен Круглый стол, позволивший уточнить ряд конкретных методологических моментов и проследить на различном культурно-историческом и литературном материале сквозные темы данного исследования.

13. Наиболее значимый научный результат проекта (5-6 строк для сводного отчета в Президиум РАН):

На основе изучения фольклорных и литературных текстов, переведенных с восточных и европейских языков, были проанализированы степень и способы влияния этносоциальной и национально-культурной специфики на литературный текст, создаваемый в рамках той или иной локальной восточной культуры; рассмотрено взаимопроникновение и взаимодействие языка, этноса и культуры в преломлении к литературному тексту как художественной модели окружающей действительности; показано многообразие типов бытования литературного текста в традиционных и современных культурах Востока.

1.2. Коммуникативные модели русской литературной культуры в эпоху «Золотого века», руководитель проекта – д.ф.н. Мария Наумовна Виролайнен

Работа проделана в соответствии с планом. Написаны введение и первая глава монографического исследования, посвященного аналитическому описанию русской литературной культуры Золотого века как самостоятельного феномена. Завершенная часть, в соответствии с техническим заданием к проекту, содержит четыре раздела: два раздела «Введения» и два тематически выделенных раздела Главы 1 (предварительный анализ ключевых для поэзии Золотого века коммуникативных моделей и общее описание

феномена двуязычия, отличающего культуру изучаемой эпохи). Объем этой части составляет 4,9 а. л. (что превышает запланированные в техническом задании 1,5 а. л.).

Во «Введении» содержится развернутое обоснование поставленной проблемы и предварительная разработка методологических принципов ее решения. Отмечается актуальность и научная значимость предпринятого исследования, обусловленные парадоксальной ситуацией, сложившейся на сегодняшний день в литературоведении в отношении Золотого века. Составляя один из ключевых этапов развития русской культуры и будучи объектом пристального внимания специалистов, эта эпоха как целостное явление до сих пор не изучена, не определены основные параметры, определяющие ее уникальность. Причиной этому служит тот факт, что устоявшийся метод изучения литературной эпохи «по направлениям», эффективный для описания других периодов русской культуры, в данном случае оказывается несостоятельным. Содержащийся в первом разделе Введения подробный анализ этого метода применительно к литературе Золотого века выявляет несоответствие традиционного подхода специфике исследуемого материала. Ставится вопрос о поиске и разработке новых, ранее не использовавшихся способов описания эпохи Золотого века, позволяющих составить ее полноценную характеристику как особого феномена.

Подробное теоретическое обоснование предложенного нами метода содержится во втором разделе Введения. Он предполагает исследование уникальности сформированных культурой Золотого века коммуникативных моделей. Под последними понимаются виды связей, отношений и взаимодействий, в которые может вступать литературный текст. Основанием подобного подхода служат базовые положения русской и зарубежной коммуникативистики, представленные в работах Р. Якобсона, У. Эко, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, М. Маклюэна, Н. Лумана и других исследователей. Одним из таких положений является представление о закрытости, операциональной замкнутости коммуникативной реальности, ни одна из ключевых составляющих которой (сообщение, код, информация) не имеет абсолютного, отдельного от этой реальности значения и способа существования. Таким образом, коммуникация являет собой систему, которая в процессе функционирования порождает собственные условия и основания. Поскольку же речь идет о системе *информационной*, или, шире, семиотической, любой акт ее само-создания или самовоспроизведения одновременно является и актом *самоописания.* Соответственно, интерпретация культуры как пространства коммуникации позволяет отказаться от исследования ее при помощи метаязыка, не органичного для изучаемой

реальности, привнесенного в нее извне или заданного a priori (как, например, упомянутый выше принцип исследования эпохи «по направлениям»).

Рассматривая литературную культуру Золотого века как пространство коммуникации, мы трактуем последнее как живое динамичное единство. Проблемой, требующей решения, является вычленение и описание ключевых структурно-смысловых *различений,* внутренних и внешних границ этого мира, релевантных его природе. Главным предметом исследования в этих условиях выступают осуществляемые в рамках культуры взаимодействия, выявляющие механизмы ее самовоспроизведения и самоописания. Последние не требуют и не предполагают создания абстрактных или искусственных метаязыков, поэтик и риторик, а находят воплощение в самом способе существования литературной реальности.

Первая глава нашего исследования посвящена именно вычленению и рассмотрению ключевых механизмов этого процесса. Как мы попытались показать, Золотой век являет собой замкнутое коммуникативное пространство, порождающее условия и основания собственного бытия. Создание такой реальности изначально требовало от эпохи проведения границ, отделяющих ее от предшествующей культуры, стержнем которой служил мир, внеположный словесности и обслуживаемый ею. Описание некоторых способов реализации этой задачи содержится в первом разделе Главы 1. Один из ряда подобных культурных механизмов находит воплощение в поэме Пушкина «Домик в Коломне». Это произведение отчетливо демонстрирует, каким образом коммуникативная реальность осуществляет процесс самоструктурирования и самоописания, не покидая уровня живого, органического бытия ради метаязыковой абстракции. Замысел поэмы изначально предполагал намеренное нарушение поэтом ожиданий, предъявленных ему литературным и социальным окружением. Подобный шаг сам по себе служит исходным импульсом и условием подлинной коммуникации, поскольку являет собой необходимую предпосылку различения, проведения смыслообразующих и структурирующих границ, порождения плана информации. В пушкинском «Домике в Коломне», однако, этот шаг имеет кардинальный характер: нарушение ожиданий системы касается не смысловых оттенков или отдельных элементов организации. Он предполагает перестройку базового механизма всей коммуникативной системы, принятого в ней принципа кодирования информации. Отношения между ключевыми составляющими семиотического кода: означаемым (денотатом), означающим и значением — подвергаются в поэме переструктурированию. В рамках небольшого художественного произведения

осуществляется шаг, демонстрирующий принцип создания особой, сущностной для Золотого века реальности, где поэзия предстает как автономная, самодостаточная область бытия.

Если «Домик в Коломне» демонстрирует характер осуществляемой Золотым веком модификации поэтического *кода*, внутреннего, неявленного механизма осуществления коммуникации, то принцип перестройки ее видимых условий находит яркое воплощение в поэзии Батюшкова. Речь идет о создании *контекста,* обусловливающего взаимодействие и взаимопонимание адресанта и адресата. Батюшкову было свойственно острое ощущение невозвратно ускользающего времени, которое переживалось им не только как личное время человеческой жизни, но и как время историческое. Тема памяти и воспоминания соединяется у него со стремлением возвратить, возродить утраченное прошлое в рамках и усилиями поэтической речи. Это исключительно важный шаг. Временна́я разорванность, дискретность взаимодействий, осуществляемых в контексте литературной культуры, в потенциале отменяет саму возможность адекватной коммуникации, превращая ее в свободную и — вместе с тем — необязательную и ни к чему не обязывающую игру смыслов. Интенция же поэтического творчества Батюшкова направлена на преодоление этой дискретности, на создание полноценной коммуникации, в рамках которой бесконечная трансформация значений, которыми оперируют разделенные временем адресант и адресат, сменяется возможностью их совпадения, взаимопонимания. Осуществление этого шага требует наличия общего для взаимодействующих сторон *контекста,* области референтов или денотатов. Место смысловой игры должна заступить *реальность*. Парадокс заключается в том, что эту реальность творит абсолютно, казалось бы, условный, клишированный язык поэзии Золотого века. Денотаты этого языка обладают собственным онтологическим статусом — но лишь в сфере поэтического пространства, которая в этих условиях и предстает подлинным пространством коммуникации, противопоставленным внешнему миру, где взаимодействие более не осуществимо. Поэзия Золотого века создает собственный мир, способный, как любая полноценная коммуникативная система, к самовоссозданию и самоописанию.

Функционирование подобного замкнутого мира невозможно без наличия не совпадающей с ним реальности — то есть, вне существования «Другого», подтверждающего самобытность — и само бытие — поэтической вселенной. Согласно принципам бытования коммуникативной реальности, литературная культура Золотого

века творит своего «Другого», причем осуществляет это в рамках собственного коммуникативного пространства и его средствами. Эта тенденция, в частности, находит воплощение в так называемом «двойном сюжете» поэтических произведений. Примером здесь может служить поэма Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Первый, внешний и динамичный сюжет совпадает с планом фабулы, то есть, с событиями мира, пребывающего за пределами поэтической реальности. Второй, внутренний и статичный, формируется композицией произведения, ее поэтической организацией. Противоречие между этими сюжетами, по сути, есть противоречие между двумя сопряженными измерениями коммуникативного пространства: планом трансмиссии и референции, с одной стороны, и самоописания, с другой.

Кажется, на первый взгляд, что в культуре Золотого века вторая функция доминирует над первой и подавляет ее — однако это не буквально так. Внутри самого поэтического языка Золотого века формируются механизмы, дающие герметичной, казалось бы, реальности возможность разомкнуть собственные границы, впустить в свое пространство «Другого», обеспечив, таким образом, свою жизнеспособность. В качестве одного из подобных механизмов в поэтических произведениях Пушкина («Бахчисарайском фонтане», «Евгении Онегине») выступают фигуры умолчания — отточия, так называемые «пропущенные строки». Пропуск, недосказанность есть апелляция к воображению читателя, адресованный ему автором призыв к взаимодействию. Это взаимодействие как будто должно осуществиться за пределами поэтического мира, то есть, на первый взгляд — вне создаваемого поэтическим языком коммуникативного пространства. В действительности же оно являет собой его органическую составляющую. Проведенная и, одновременно, преодоленная граница между замкнутым (сугубо поэтическим) и разомкнутым (открытым «большому» миру) планами бытия также пролегает здесь между разными уровнями коммуникативной модели — структурным (включающим в себя адресата и адресанта) и виртуальным (связанным с феноменами информации, кода и контекста). Их очевидная взаимозависимость, неспособность существовать друг без друга, в сочетании с явно возникающим между ними напряжением и творит пространство коммуникации, обладающее подлинной экзистенциальной интенцией и способностью к ее осуществлению. Показательным примером функционирования такой реальности служит роман Пушкина «Евгений Онегин», где граница замкнутого поэтического мира способна разомкнуться — но только для автора романа и для его читателя. Взаимодействие участников коммуникации организовано так, чтобы оставить им

свободу пребывать и внутри, и вне замкнутого поэтического мира — отмечая, тем самым потенциальную способность последнего к динамическому взаимодействию с внешним миром, не предполагающую, в то же время, утраты внутренней автономии.

Ситуация одновременного проведения и преодоления границ в пределах динамичного коммуникативного пространства изучаемой культурной эпохи подробно анализируется во втором разделе Главы 1 нашего исследования. Он посвящен предварительному анализу принципов взаимодействия поэзии и прозы Золотого века. Их отношения напоминают описанный Б. А. Успенским феномен диглоссии, предполагающий наличие в рамках единой культуры двух языковых систем — то есть, двух способов кодирования информации, не эквивалентных друг другу и не поддающихся безболезненному взаимному переводу. Существование четкой границы между ними обнаруживается при сопоставлении поэзии и прозы Пушкина. Это отдельные миры, способы организации которых не просто отличны — но и принципиально противоположны друг другу. Вместе с тем, культура Золотого века знает не менее яркий пример преодоления упомянутой границы. Оно осуществляется Гоголем, чьи произведения (например, «Вечера на хуторе близ Диканьки» или петербургские повести) строятся по законам не прозаического, а поэтического мира. Гоголевская проза принципиально не ставила перед собой миметических задач, творя, подобно поэзии, мир собственных денотатов, обладающих — в пределах созданного автором художественного мира — онтологическим статусом. Следует подчеркнуть, что отношения между прозой и поэзией Золотого века, моделируют работу одного из ключевых механизмов коммуникации, с одной стороны, требующей принципиального различения взаимодействующих феноменов, а, с другой — оставляющей возможность их соприкосновения. Удачное определение подобного явления дал Н. Луман, заметив, что в коммуникативном пространстве любая граница проводится лишь затем, чтобы быть впоследствии преодоленной.

Последнее высказывание справедливо в отношении внутренних различительных границ коммуникативной реальности, проведение и преодоление которых обусловливает саму возможность ее функционирования, самовоспроизведения и самоописания. Вместе с тем, коммуникация, как любая замкнутая система, обладает внешними границами, не подлежащими преодолению. Стирание последних предполагает разрушение системы как таковой. Это может происходить в случае взаимодействия культуры Золотого века с принципиально внеположной ей семиотической реальностью, утратившей способность понимания законов

существования ушедшей в прошлое эпохи. Подобную ситуацию демонстрирует характер восприятия пушкинского романа в стихах или гоголевской прозы критиками и читателями, чье мировоззрение сформировалось за пределами культуры Золотого века. Постановка вопроса о проблематичности подобного восприятия и предварительное выявление некоторых актуальных для данного материала культурных и литературных тенденций также содержится в описываемом разделе первой главы монографического исследования.

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников)

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации (до 0,5 стр.)

8. Список опубликованных по проекту статей (объемом не менее 1 п.л.)

9. Список книг, сданных в печать или поданных на издательские гранты (указать ожидаемое время издания, объем в а.л.)

10. Экспедиции, проведенные в рамках проекта (регион, руководитель, сроки, тематика исследований, полученные результаты, их значимость – до 2 стр.)

11. Конференции, организованные в рамках проекта (название, место и сроки проведения, обсуждаемые проблемы, результаты)

В рамках проекта организован научный семинар по теме «Коммуникативные модели русской литературной культуры в эпоху Золотого века» в период с 14 по 16 сентября 2009 г. Место проведения — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Семинар был посвящен проблемам, непосредственно связанным с задачами проекта. Первая его часть была ориентирована на обсуждение методологических вопросов: рассматривались сложившиеся к настоящему времени принципы описания эпохи Золотого века, ставились вопросы о характере соответствия их специфике изучаемого материала; обсуждались возможные способы восполнения имеющейся на сегодняшний день исследовательской лакуны, связанной с целостным и систематизированным описанием русской культуры Золотого века. Особое внимание было уделено проблемам применения базовых принципов современной коммуникативной теории к исследуемому материалу. Вторая часть семинара была

посвящена вопросам апробации гипотез, очерченных в первоначальном описании проекта, на конкретном историко-литературном материале. Среди обсуждавшихся проблем наибольшую значимость для проекта представляли следующие: вопрос о принципах переструктурирования поэтического кода в поэме Пушкина «Домик в Коломне»; функции клишированного языка поэзии Золотого века (на материале творчества К. Н. Батюшкова); специфика отношений автора и читателя в поэтической структуре романа Пушкина «Евгений Онегин»; предварительное описание феномена русско-французского двуязычия в культуре первой трети XIX века; отношения поэзии и прозы Золотого века как вариант диглоссии (на примере творчества Пушкина); специфика поэтической организации ранней прозы Гоголя в свете проблемы «двуязычия». Результаты докладов и обсуждений нашли отражение в завершенной в 2009 году части (Введении и Главе 1) монографического исследования.

1.3. Научная биография Игоря Северянина, руководитель проекта – д.ф.н. Вера Николаевна Терехина

В соответствии с планом работы над проектом на 2009 г. была проведена архивно-разыскательская и собирательская работа и подготовлена документальная Хроника жизни и творчества Игоря Северянина (наст. имя И.В.Лотарев, 1887-1941) объемом 4,5 а.л.

Впервые была составлена подробная, последовательная, комментированная житейская и творческая биография писателя, соединяющая события его жизни в России до 1918 г. и эмигрантский период жизни в Эстонии. В дальнейшем Хроника послужит структурной и тематической основой написания текста планируемой монографии.

Создание научной биографии такого писателя как Игорь Северянин требует новых методов отбора и структурирования материалов, сочетания углубленного постижения творческой личности с раскрытием особенностей литературного процесса, связей с общественной и культурной средой, следования за сменой дружеских и любовных привязанностей, за путешествиями и поэзовечерами, за сотнями критических отзывов и, безусловно, погружения вглубь стихотворения или книги на фоне отечественной и мировой традиции, преобразуемой поэтикой модернизма и футуризма. Сформулированные в общем виде, основные исследовательские принципы сталкиваются в нашем проекте, как отмечалось, с явлением неординарным, во многом уникальным для русской литературы, требующим пересмотра многих привычных представлений о жизненном и творческом пути Игоря Северянина, чья репутация певца пошлости и сомнительных литературных вкусов выводила его творчество за пределы научного

изучения. Недостаточное внимание к проблеме его творческой эволюции, к внутренней целостности его художественного мира, особенностям поэтики, текстологическим вопросам сказывается в том, что поэтическая индивидуальность Игоря Северянина нередко предстает обедненной, разъятой на случайные фрагменты, его поэтическое наследие остается недостаточно выверенным и комментированным, а текстология его произведений не стала предметом научного осмысления.

Принципиально новым для создаваемой биографии Игоря Северянина является выделение первого периода его творчества от поэтического дебюта в 1904 г. до выхода в свет книги «Громокипящий кубок» в марте 1913 г. как самостоятельного и значительного для понимания его дальнейшей эволюции. Остановимся на его характеристике подробнее.

Основное содержание этого периода, несомненно, становление поэтической индивидуальности Игоря Лотарева-Северянина, наиболее ясно отразившееся в малотиражных брошюрах, изданных на средства родных. Впервые все 36 ранних брошюр Игоря Северянина были собраны, а их полный состав и авторская последовательность воспроизведены нами в томе произведений Игоря Северянина из серии «Литературные памятники» (М.:Наука, 2004). Описание книг было сделано de visu с указанием места хранения, имеющихся дарительных надписей, авторских исправлений и других значимых помет. Ни одна библиотека или архивохранилище не обладает их исчерпывающей коллекцией. «Поэзы его, тетради его, - писал И.В.Игнатьев,- мне невольно хочется сравнить с раритетами антиквария, настолько привлекательно оживают под его пером образы и, порою, приемы времен «старого Петергофа с Альфами и Омегами грядущих дней».

Анализ ранних брошюр дает уникальную возможность исследователю решать проблемы появления псевдонимов, изменения датировок, выбора основного текста. Сравнивая состав и расположение стихов в ранних брошюрах с тем, какое место они занимают в книгах «Громокипящий кубок» и «Ананасы в шампанском», можно оценить композиционное мастерство Игоря Северянина, которое будет специально рассмотрено в монографии. При разрозненности и частичном отсутствии архива и рукописей, стихи в брошюрах являются источником текста, дают варианты заглавий, датировок, пунктуации и даже лексики, некоторые могут рассматриваться как ранние редакции произведений, вошедших в «Громокипящий кубок», «Ананасы в шампанском» и другие книги поэз. Отметим, что нами была обнаружена последняя из брошюр – «Элегантные модели», объявленная в сентябре 1912 г., но оставшаяся в

рукописи (РГАЛИ), поскольку Северянин начал работу над книгой «Громокипящий кубок». Указанный раздел дополнен в результате командировки в Эстонский литературный музей (Тарту) текстом неопубликованного по цензурным причинам стихотворения «Сражение при Цусиме», датированного 29 июня 1905 г. (из цикла «Морская война»).

В целом эти брошюры характеризуют почти десятилетний период творчества Игоря Северянина, ранее не рассматривавшийся в качестве самостоятельного. Это повышает научную ценность их подробного анализа и определения истинного места в творческой эволюции поэта.

Для биографии поэта необходимо подчеркнуть, что этот период – время интенсивного вхождения в литературу, обретения творческих наставников в лице Л.Андреева, Л.Афанасьева, К.Фофанова, Ф.Сологуба, Ан.Чеботаревской, В.Брюсова. В интервью «Синему журналу» Северянин подчеркиал: «В 1907 г. я познакомился с К.М.Фофановым, сразу же восторженно меня приветствовавшим. Он посвятил мне около десяти стихотворений, в которых пел меня. Я очень его люблю. Это – самый *вдохновенный* русский поэт. Он и Мирра Лохвицкая. Даже все их недостатки очаровательны. Впрочем, их *непринято* хвалить – Фофанова и Лохвицкую…»

Вот как выглядит в Хронике знакомство Северянина с Блоком:

> **1911. Декабрь, 3. Д**елает дарственную надпись Блоку на своей книге "Ручьи в лилиях", где вспоминает его слова из речи на похоронах Врубеля.
>
> "Александру Александровичу Блоку:
>
> Поэт! Я слышал Вас на похоронах Врубеля. Незабвенна фраза Ваша о гении, понимающем слова ветра. Пришлите лишь Ваши книги: я должен *познать* их.
>
> Игорь=Северянин.
>
> 1911 -- XII, 3. СПб."
>
> В библиотеке Блока (ИРЛИ РАН) сохранилось еще две книги, подаренные ему Северяниным: "Очам твоей души" с дарственной надписью: "Александру Блоку -- автор. 912" (с исправлением опечаток)

и "Эпилог "Эго=футуризм" -- "Александру Блоку -- с сочувствием и уважением. 1912". На смерть Блока Северянин откликнулся стихами.

В 1925 г. напишет "медальон" "Блок", который завершается словами:

У рая слышен легкий хруст шагов:

Подходит Блок. С ним - от его стихов

Лучащаяся - странничья котомка..

Декабрь, после 3. Блок присылает Северянину свой сборник «Ночные часы» с надписью «Поэту с открытой душой. 1911. Декабрь» (Эстонский литературный музей).

Знаменательным для начального периода стало создание Северяниным программы эгофутуризма и кружка, а затем Академии эгопоэзии, в которой состояли молодые поэты К.Олимпов, Грааль-Арельский, Г.Иванов, И.Игнатьев и др.

Следует отметить, что первые упоминания в периодике о его стихах появились уже в 1905 г., однако Северянин связывал свою известность с реакцией Л.Н.Толстого, услышавшего его стихи из «Интуитивных красок». «Критика меня заметила только на 26-й брошюре, в которой шла «Хабанера II» («Вонзите штопор в упругость пробки…»). Это было в 1909 г. Меня принялись ругать, а я смеялся и читал “Fleurs du mal” !..» Характерно упоминание о книге Бодлера «Цветы зла», читанной в оригинале. В это время Северянин перевел несколько стихотворений – «Больная муза», «Креолка» и др. Критические отзывы, порой походившие на травлю, Северянин сравнивал с «одной из позорнейших и нелепейших страниц в истории Франции», с судебным процессом против Бодлера – «Я заклеймен, как некогда Бодлер». В автобиографической справке о себе Северянин назвал Бодлера среди любимых поэтов. Свой сборник стихов «Предгрозье» (бр. 29), подготовленный к 90-летию со дня рождения поэта, он посвятил «Памяти Шарля Бодлера». Другое уподобление критики – «О, критика – проспавший Шантеклер!» ведет к персонажу пьесы Э.Ростана «Шантеклер», многообразно вошедшему в стихи этих лет.

Есть случаи, когда установлению авторской воли и комментированию помогает сам источник текста, например, заглавие стихотворения "Тень апельсинной ветки (Из Тин=Тун=Линг)", вошедшего в «Громокипящий кубок». В большинстве изданий книги печаталось «апельсинной». Но в 5-ом издании заглавие было поправлено: "Тень апельсиновой ветки (Из Тин=Тун=Линг)" и так воспроизводилось в последующих и современных изданиях Игоря Северянина.

Как удалось определить, источником стихотворения является перевод современного китайского поэта Тин=Ту=Линга "Тень апельсин<н>ой ветки", приведенный в статье А.Элиасберга "Любовь и поэзия у китайцев", перепечатанной в газете "Нижегородец" (1912. 20 июля (2 авг.), где постоянно печатались стихи Северянина, из газ. "Утро России": "Девушка работала весь день в своей одинокой комнатке, и вдруг до нее доносится звук флейты, звуки ее волнуют.

И ей грезится, что она слышит голос юноши.

Тень апельсинной ветки падает из окна на ее колени.

И ей грезится, что кто-то разорвал ее шелковое платье".

Здесь же дана характеристика китайской поэзии, которая не прошла мимо внимания Северянина: "По словам знатоков китайского языка, прелесть китайской поэзии заключается не только в интимности образов и переживаний, но в удивительной вычурности формы, сложности просодии и музыкальности". Северянин очень близко к подлиннику передает содержание стихотворения, буквально воспроизводит заглавие, но "укорачивает" часть первой фразы до одного глагола, неологизма -- "одиночела".

Важным моментом является единство поэтического становления Игоря Северянина от его взросления как человека, от первых утрат (смерть отца в 1904 г. и сводной сестры в 1907, смерть Фофанова в 1911 г.), надолго оставивших след в его поэзии. Традиционное «жизнь и поэзия – одно» приобретает у Северянина свойство интимного, дневникового исповедания (поэма «Злата» о «любви к единственной», стихи о рождении первой дочери Тамары Гуцан, донжуанский список). Актриса Лидия Рындина, которой посвящено стихотворение «Качалка грёзерки», писала в дневнике: «… душа Игоря мне близка, мучительно тянет меня к себе его талант, и я не знаю, что просто всё это не обойдется. И вот стоят присланные им на столе роза и лилия, и я думаю о том, что он придет сегодня или нет. И Сологубы, желая его

оттолкнуть от меня, не подозревают, что нельзя обойти меня, нельзя взять у меня то, что я не отдам. И вот эти мои две недели в Петерб<урге> я дарю Игорю, их я буду жить для него, это моя плата, моя дань его таланту, его мукам. Сумеет ли он их принять?»

Обозначим кратко и другие этапы творческой биографии поэта, позволяющие также раскрыть неизвестные прежде черты его облика. В марте 1913 г. в издательстве «Гриф» выходит первое издание книги «Громокипящий кубок» с предисловием Федора Сологуба. Книга открывает новый этап творческой биографии поэта (1913-1918). "Счастливое чудо" (А.Измайлов), "нечаянная радость" (Ф.Сологуб), "большое культурное событие" (Н.Гумилев), - так определили появление книги современники Северянина. А.Блок, прочитав «Громокипящий кубок», пишет в дневнике об Игоре Северянине: «Отказываюсь от многих своих слов, я преуменьшал его, хотя он и нравился мне временами очень. Это настоящий, свежий, детский талант (я недооценивал его)».

Северянин много и успешно гастролировал, вначале по приглашению Сологуба и Чеботаревской, а затем – вместе с футуристами Маяковским, Д.Бурлюком и др. Позднее, в 1939 г. поэт подсчитал, что всего за пять лет, с 1913 по 1918, выступил около 130 раз, из них в Петербурге - 55, в Москве - 26, в Харькове - 10, в Тифлисе - 4, а также во многих других городах. Избрание Игоря Северянина королем поэтов 27 февраля 1918 г. завершает второй этап.

Третий период жизни и творчества Северянина определяется от начала эмиграции в эстонской Тойле до издания в 1931 г. итоговой книги «Классические розы». В 1919-1920 гг. в издательстве Одамес (Юрьев-Тарту) выходят книги «Crème des Violettes», в которой Игорь Северянин собрал избранные стихи своих книг, «Puhajogi» и «Вервена. Поэзы 1918 – 19 гг.». В письме А.С.Ященко от 20 дек. 1920 г. он с благодарностью отмечал: «Если я до сих пор жив, то только благодаря чуткой Эстии; эстонский издатель выпустил три книги моих стихов, эстонская интеллигенция ходит на мои вечера (1-2 раза в год), крестьяне-эстонцы дают в кредит дрова, продукты. Русские, за редкими исключениями, в стороне. А русские издатели (заграничные, т.к. в Эстии их вовсе нет) совсем забыли о моем существовании, напоминать же им о себе я не считаю удобным». В декабре 1921 г. Северянин венчался с Фелиссой Круут, которой посвящены стихи в разделе «9 октября» в книге «Классические розы». Книга, изданная в Белграде попечительством

Академии наук, предварялась посвящением Ее Величеству королеве Югославии Марии и стихотворением в ее честь. Идея книги и ее заглавие возникли значительно раньше, чем появилась возможность ее напечатать. 23 октября 1927 г. в Тарту, 25 января 1928 г. в Таллине и 26 февраля 1928 г. в Вильно прошли вечера Северянина «Классические розы». Его выступление 2 ноября 1927 г. в Даугавпилсе (Двинске) носило название «От «Громокипящего кубка» до «Классических роз». 13 стихотворений 1923-1924 гг., позже напечатанных в «Классических розах», включались автором в рукописный сборник «Лирика: 1918-1928». В ноябре 1930 г. в газете «Сегодня» сообщалось о том, что Русский культурный комитет в Югославии приобрел и выпускает книгу Северянина «Стихи о России». В рецензии Петра Пильского говорилось: «С этим именем связана целая эпоха. Игорь Северянин был символом, знаменем, идолом лет петербургского надлома/…/. Умер Петербург, переродился Игорь Северянин/…/ Столичные наваждения оказались минутными. Сейчас Игорь Северянин – поселянин». Однако «ни скорбь по России, ни мечтательные надежды на ее новое воскрешение, ни любовь к родной стране, ни жизненные потрясения, ни седина, ни годы не изменяют, не разрушают основного строя души, не умерщвляют коренных, врожденных, взращенных пристрастий» Северянина, которые более всего проявлялись в «склонности к словесной изобретательности».

Завершающий период биографии Игоря Северянина (1932-1941) связан с подведением итогов творческого пути: поэт создает несколько рукописных книг, которые включают произведения разных лет, от детского стихотворения «Звезда и дева» до последних стихов о русских реках. Изданные на собственные средства сборники «Адриатика», «Медальоны» встречены критикой холодно. Поездки с выступлениями по европейским странам не приносят доходов. Расставшись с Фелиссой Круут, Северянин последние годы испытывал душевный надлом, много и тяжело болел. 20 декабря 1941 г. он умер в Таллине от сердечной недостаточности и был похоронен на Александро-Невском православном кладбище. Материалы из Эстонского лиературного музея (Тарту) составят основу биографического исследования последних двух периодов жизни и творчества Игоря Северянина.

Осуществление предлагаемого проекта нами задумано впервые на широкой источниковедческой базе, с учетом всего рукописного наследия Игоря Северянина, документальных и мемуарных источников, обширной переписки.

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников)

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации (до 0,5 стр.)

8. Список опубликованных по проекту статей (объемом не менее 1 п.л.)

9. Список книг, сданных в печать или поданных на издательские гранты (указать ожидаемое время издания, объем в а.л.) :

В.Н.Терехина, Н.И.Шубникова-Гусева. Творчество Игоря Северянина в текстологическом аспекте//Контекст. Сб.9 (1,5 а.л., в печати, 2010).

В.Н.Терехина, Н.И.Шубникова-Гусева. Новые материалы из архива Игоря Северянина в Тарту//Вестник истории, литературы, искусствознания РАН (1,5 а.л., в печати, 2010).

10. Экспедиции, проведенные в рамках проекта (регион, руководитель, сроки, тематика исследований, полученные результаты, их значимость – до 2 стр.)

В рамках проекта «Научная биография Игоря Северянина» состоялась командировка в Эстонский литературный музей (Тарту) исполнителей проекта Терехиной Веры Николаевны и Шубниковой-Гусевой Натальи Игоревны с 5 по 13 сентября 2009 г. Целью поездки была научно-разыскательская работа в фондах музея, где хранится архив и библиотека Игоря Северянина. Для работы над монографией эти материалы, в большинстве своем не введенные в научный оборот, представляют особую ценность. Игорь Северянин – крупнейший русский писатель, живший и работавший на территории Эстонии в течение 1913-1941 гг., в начале как дачник, а с 1918 г. как житель поселка Тойла. Архив писателя был передан музею его женой Фелиссой Круут. Он состоит из 70 единиц рукописно-документального фонда Игоря Северянина и 305 томов личной библиотеки. Были просмотрены de visu все имевшиеся в фонде материалы и сделаны ксерокопии с важнейших документов (свыше 400 листов). Среди них следует отметить наиболее раннюю из известных рукописей поэта – стихотворение «Сражение при Цусиме», датированное 29 июня 1905 г. и

принадлежащее циклу «Морская война». Беловой автограф, подписанный настоящим именем автора «Игорь Лотарев», имеет цензурную правку и помету красным карандашом «кат<егорически> запрещ<ается> 6 июля 1905 г.» Таким образом, юношеское стихотворение должно было следовать за опубликованной брошюрой «Конец “Петропавловска”», разрешенной цензором к печати 20 июня 1905 г. Другим важным источником являются рукописные книги, составленные Игорем Северяниным в 1930-е годы, когда возникли трудности с изданием книг. Творческую биографию уточняют письма, сохраненные афиши выступлений в Болгарии, Латвии, Литве, Польше, Сербии, Эстонии, вырезки из газет на нескольких языках с рецензиями, интервью, стихами.

В библиотеке Северянина ценнейшие автографы поэта и маргиналии, уточняющие тексты его книг, дающие представление о круге его общения. Среди книг немало привезенных из России томов с автографами Блока, Сологуба, Чеботаревской, Брюсова, Ремизова и др. Сохранилась книга с автографом К.М.Фофанова, где впервые в январе 1908 г. зафиксирован псевдоним Игоря Лотарева – Северянин. Значительная часть полученных в архиве материалов вошла в подготовленную хронику жизни и творчества Игоря Северянина, поскольку именно эмигрантский период недостаточно документирован в существующих работах. Ряд текстов будет опубликован впервые.

Во время командировки в магазине «Русская книга» (Тарту) при участии преподавателей Тартуского университета состоялась презентация книги «Игорь Северянин глазами современников»/Сост., вступ.ст., коммент. В.Н.Терехиной и Н.И.Шубниковой-Гусевой. – СПб.:Росток, 2009.- 520 с., илл.

11. Конференции, организованные в рамках проекта (название, место и сроки проведения, обсуждаемые проблемы, результаты)

Н.И.Шубникова-Гусева организовала Международную научную конференцию "Проблемы научной биографии С.А.Есенина". Москва, ИМЛИ РАН - Рязань - Константиново, 15-17 октября 2009 г. Обсуждались принципиальные вопросы создания научной биографии писателей XX века. Шубникова-Гусева Н.И. сделала вступительный доклад "Научная биография Есенина как проблема". С докладом "Вопросы рецепции Игоря Северянина в Польше" выступила В.Н.Терехина.

На Международной научной конференции "Литература русского зарубежья:текстология и источниковедение" (Москва, ИМЛИ РАН, 19-20 ноября 2009 г.) В.Н.Терехина выступила с докладом "Архив Игоря Северянина в Тарту: новые материалы". Н.И.Шубникова-Гусева сделала доклад "Игорь Северянин как текстолог своих поэз". В дискуссии ставились вопросы комплексного изучения жизни и творчества писателей русской эмиграции, сведения о которых еще недостаточно широко введены в научный оборот.

12. Важнейшие научные результаты работы по проекту (ок. 0,5 стр. для публикации на сайте программы)

Обстоятельно обследованы и изучены материалы к биографии Игоря Северянина, хранящиеся в Эстонском литературном музее (г.Тарту): рукописные книги, дневниковые записи, заметки, письма, афиши и программы поэзоконцертов, журнальные и газетные вырезки о его творчестве. Сделана опись Библиотеки Игоря Северянина, насчитывающая 305 томов. Тщательно изучены авторские пометы на полях книг, дающие богатый материал для понимания их творческой истории, а также дарственные надписи на книгах, позволяющие установить новые биографические данные.

В ходе изучения архивных материалов установлены неизвестные ранее события и факты жизни и творчества поэта: самая ранняя из известных рукописей «Сражение при Цусиме», датированное 29 июня 1905 года, но не допущенная цензурой к печати; переводы Ш.Бодлера (1911); рукописная книга «Громокипящий кубок» (1935) и История этой книги; состав подготовленных поэтом и не вышедших в свет книг «Ручьи в лилиях», «Лирика» и др., турне Игоря Северянина (Германия, Польша, Франция Югославия и др.).

На обширном архивном материале впервые составлена Хроника жизни и творчества Игоря Северянина, дающая объективную основу для научной биографии.

Сделано свыше 400 ксерокопий важнейших архивных документов.

Результаты работы изложены в двух статьях и докладах на двух Международных конференциях.

Направление II – «Инновационные стратегии литературной историографии», куратор направления – чл.-корр.В.Е.Багно

2.1. Механизмы деятельности институций культуры (издательства, научные и образовательные институты, объединения и проч.) Петрограда/Ленинграда в переходный период от 1920-х к 1930-м годам. Руководитель проекта – к.ф.н. Мария Эммануиловна Маликова

Основная задача проекта – описать судьбу институтов культуры Ленинграда на переходе от 1920-х к 1930-м годам, выявить способы функционирования культуры в переломные исторические эпохи, описать стратегии выживания укорененного еще в дореволюционной, модернистской традиции поля культуры 1920-х относительно нового, советского (переходного от нэповского к сталинскому) поля власти. В первый год работы была поставлена следующая задача: обозреть основные архивные источники в Санкт-Петербурге; составить дифференцированное представление о социально-политическом контексте (основные релевантные для деятельности институтов культуры события в области политики, общественной жизни и законодательстве); начать описание истории важнейших институтов культуры Ленинграда, архивы которых до сих пор не исследованы. К сотрудничеству, помимо основных участников – сотрудников Отдела взаимосвязей русской и зарубежных литератур ИРЛИ, были привлечены специалисты в исследуемой области из СПбГУ (доцент, к.ф.н. Н.А.Гуськов, автор книги о советской драматургии 1920-х гг.), РО РНБ (И.В.Дацюк, к.ф.н., автор кандидатской диссертации об А.А.Кроленко), других отделов ИРЛИ (старший научный сотрудник К.А.Кумпан, исследователь истории ГИИИ; старший научный сотрудник, испанист к.ф.н. К.С.Корконосенко; заведующий хранилищем РО ИРЛИ Е.Б.Фомина).

В 2009 году были достигнуты следующие научные результаты: описана, по новым архивным материалам, история ленинградского издательства «Время» (1922-34) и история Государственного Института Истории Искусств (ГИИИ) конца 1920-х; подготовлен к публикации дневник директора ленинградского издательства «Academia» А.А.Кроленко за 1928 год; составлена хроника культурной жизни Ленинграда 1928-32 гг.; исследован один, но весьма показательный аспект эволюции как советской переводческой школы, так и жизни Ленинградского университета – судьба группы университетских испанистов второй половины 1920-х. Все перечисленные исследования продолжаются – это связано как с большим объемом материала, так и с тем, что необходим постоянный обмен результатами между участниками проекта, поскольку все занимаются пересекающимися темами.

1. Издательство «Время» (исполнители М.Э.Маликова, П.Р.Заборов, М.Ю.Коренева. Общ. объем представленной работы – ок. 8 а.л.).

Обширный (почти 2000 ед.хр.) архив ленинградского кооперативного товарищества «издательство “Время”» (1922-1934), хранящийся в РО ИРЛИ (ф. 42) с 1935 г., до сих пор не разобран и в полном объеме не доступен исследователям. Появлявшиеся до сих пор спорадические публикации материалов из этого архива были сфокусированы на отдельных писателях, для которых сотрудничество со «Временем» было частным эпизодом (О. Мандельштам, С. Цвейг, Р. Роллан), и почти не касались собственно системы работы самого издательства. Кроме того, в этих, а также в работах по истории ленинградских кооперативных издательств и книжных магазинов 1920-х гг. устойчиво повторяется одна ошибка: ленинградское «Время» путают с одноименным московским издательством П.Д.Ярославцева (гораздо менее интересным, издававшим довольно случайные разношерстные книжки и незаметно прекратившего свое существование в конце 1920-х гг.), приписывая ленинградскому издательству московские издания, магазины и сотрудников. Получив уникальную возможность работать со всем корпусом архива «Времени», мы не только смогли исправить отдельные ошибки предыдущих публикаций, но, главное, -- дифференцированно, буквально по годам, реконструировать тактику частных и кооперативных издательств в адаптации к новым и постоянно менявшимся условиям книжного рынка в различных его аспектах -- читательского спроса, экономических условий работы издательств, советского законодательства, требований цензуры, взаимодействия с заграничной и эмигрантской средой, условий авторского права и др.

За первый год работы над проектом был сделан общий обзор сданных в архив материалов; определены основные периоды жизни издательства; подробно описаны стратегии и содержание работы издательства в начальный период его существования (1922-23 и 1924-25 гг.) и основные проекты начала 1930-х. (издание авторизованных полных собраний сочинений Р.Роллана и С. Цвейга). Реконструкция работы «Времени» 1922-23 гг. была произведена через обращение к архиву ленинградского отделения Главлита (ЦГАЛИ СПб), переписке главного редактора «Времени» Г.П.Блока с Б. Садовским (РГАЛИ), дневнику директора «Academia» А.А.Кроленко (РО РНБ) и др., что позволило описать прежде всего экономические обстоятельства издательской работы тех лет: постепенное нахождением «Временем» своей издательской «ниши» на книжном

рынке (начав с книг лично знакомых главному редактору Г.П.Блоку современных отечественных писателей-попутчиков, мемуаров о русской культуре XIX века и научной литературы, оно вскоре, сохранив презумпцию перфектного издательского оформления всей своей продукции, разработало оригинальную программу, включавшую уникальные серии «Занимательная наука» и «Физкультура и спорт», а также новейшую переводную беллетристику) и разнообразные (неудачные) попытки объединения с другими частными и кооперативными издательствами, без участия государства, для взаимного кредитования и распространения книг. Издательская стратегия 1924-25 гг. реконструирована в основном по отложившимся в архиве многочисленным внутренним рецензиям на предлагавшиеся для перевода книги (основным автором рецензий в эти годы был стиховед, поэт и переводчик Н.Н. Шульговский) -- за 1924-25 гг. издательство выпустило всего 19 переводных книг, а отрецензировано за этот период было около 200. Удалось, кстати, установить, что в эти годы книжные новинки «Время» получало из-за границы через Д.А.Лутохина, активного деятеля культуры, издателя и экономиста, высланного в 1922 г. из Петрограда и осевшего в Праге (в 1927 г. он вернулся) – его роль в деятельности «Времени» удалось установить, сличив почерк анонимных сопроводительных характеристик посылаемых книг, отложившихся в архиве «Времени», с рукой Лутохина в его Дневнике за эти годы (РО ИРЛИ, ф. 592). Анализ внутренних рецензий позволяет понять, как развивалось представление издательства о запросах нового читателя, умение предвосхищать цензурные претензии, увидеть сложную реакцию издателей с дореволюционной выучкой на принятую в советском книгоиздании тех лет практику редактирования оригиналов и выпусков больших кусков (зачастую необходимую для цензурности книги, однако вызывавшую недоверие читателя к переводам и вообще «некультурную»). Материалы Гублита этого же периода позволяют увидеть стратегию государства в борьбе с частными и кооперативными издательствами как сильным врагом, путем легальных и нелегальных репрессий «со стороны Совпартиздательств, Гублита и финансовых органов» -- при этом издательства «продолжают расти, развиваться и крепнуть. Их основные капиталы и оборотные неуклонно растут. Способность приспособляться к рынку несомненная и умелая, часто мешающая, конкурирующая и опережающая Государственные издательства» (ЦГАЛИ СПб., ф. 31, оп. 2, ед.хр.57, л. 40).

Удалось определить причины резких перемен в политике издательства в 1930 г., восстановив, по ответу на наш запрос из ГУВД, историю ареста и обвинения в 1930 г. И.В.Вольфсона, главного учредителя и финансиста «Времени» (Вольфсон был осужден по двум статьями, экономической и политической, причем последняя была связана с

«академическим делом» и анонимным обращением писателей из России против советской цензуры «К писателям мира», опубликованном в 1927 году в эмигрантской прессе). После ареста Вольфсона «Время» пригласило возглавить свой редакционный совет А.В.Луначарского, а правление – члена ВКП(б) Н.А.Энгеля и изменило издательскую политику.

Описаны также два основных издательских проекта последнего этапа деятельности «Времени» -- издание полных авторизованных собраний сочинений Р. Роллана и С. Цвейга, работа над которыми велась в тесном контакте с авторами. Это уникальные издания, для которых и Роллан, и Цвейг писали специальные предисловия, послесловия, обращения к советским читателям и комментарии; где, по договору со «Временем», новинки этих авторов выходили одновременно и иногда даже раньше их публикаций на языке оригинала; где переводчики имели возможность постоянно консультироваться с авторами. Восстановлена хронология и содержание переписки, составлены аннотированные перечни двусторонней переписки издательства с Ролланом (ок. 80 писем, в основном на французском, включая письма другим лицам по поводу этого издания), и Цвейгом (ок. 60 писем на немецком). Они раскрывают ранее неисследованный аспект работы советских издательств в условиях отсутствия в стране авторского права на иностранные книги: «Время» самостоятельно, путем сложных переговоров с Ролланом и Цвейгом, консультаций с отечественными юристами, а также конфликтов с русскими эмигрантскими издательствами (тоже издававшими названных авторов в русских переводах) разработало оригинальный договор с иностранным автором, который давал «Времени» возможность выпускать эксклюзивные издания и при этом сохранять с автором, в отличие от других советских издательств, цивилизованные, гонорарные отношения.

Проделанная в первый год проекта работа над описанием истории издательства «Время» в контексте эпохи позволила значительно уточнить и дифференцировать существующее в современной литературе представление об издательской работе в 1920-30-х гг., об отношениях культуры и власти, производителя культуры и ее нового потребителя, о связи советской культурной ситуации эпохи нэпа с европейским послевоенным контекстом.

2. История Государственного Института Истории Искусств (ГИИИ) (К.А.Кумпан, об. 6 а.л.)

До последнего времени все сведения о ГИИИ, сыгравшем, как известно, огромную роль в культурной жизни Петербурга 1920-х гг., основывались на мемуарных источниках, (собраны в: Российский институт истории искусств в мемуарах / Под общей ред. И. В. Сэпман. СПб., 2003), представлявших в идиллическом тоне его функционирование и лишь кратко упоминавших его ликвидацию как внезапную катастрофу. Огромный корпус документов ГИИИ, сохранившийся в ЦГАЛИ СПб. (ф. 82 и 59) и отчасти в фондах различных инстанций Наркомпроса (ГАРФ) позволяет гораздо точнее реконструировать деятельность института на протяжении десяти лет его существования. В архиве хранятся как документы «внутреннего пользования» (протоколы административных заседаний, деловая переписка, программы научных заседаний и курсов, планы и отчеты, переписка, связанная с сохранением дворцов, музеев и произведений искусства и проч.), дающие представление о предпринятых замечательными учеными героических усилиях по сохранению культурных ценностей и о тщетных попытках отстоять самостоятельность науки перед лицом репрессивной государственной машины; так и «внешние» документы (масса циркуляров советских чиновников различных рангов и ведомств, рескрипты, уставы, разнарядки и прочие распоряжения, поступающие в институт сначала в хаотическом, а потом во все более целенаправленном порядке), которые выявляют механизмы постепенного удушения института (сначала финансового, а потом и идеологического) и уничтожения созданной им научной «школы».

Предмет нашего рассмотрения -- наиболее сложный и драматический период истории ГИИИ второй половине 1920-х гг., после отъезда за границу его создателя В. П. Зубова -- именно с этого времени можно говорить о постепенной ликвидации ИИИ. Нарастающий идеологический нажим, навязывание политических тем и марксистского метода изучения искусства (редукционного социологизма) при помощи создания внутри Института Соцкома и марксистского семинария для младших сотрудников, внедрение членов ВКП (б) в стены института, зыбкая позиция нового директора Шмита, а также постепенная сдача позиций некоторыми сотрудниками, в первую очередь возглавляющими научные отделы Гвоздева, Асафьева, и в какой-то мере Жирмунского, вынужденных лавировать и уступать требованиям администрации, – все это привело к расколу, скандалам, разложению и постепенной деградации учебной и научной работы ИИИ. Ситуация осложнялась тем, что во второй половине 1920-х гг. в институте появляются замечательные ученые (Гуковский, Пиотровский, Пунин, Ларин), которых вполне искренно интересует возможность социологического подхода к произведениям искусства, литературы, языка, театра и кино. Они начинают с разной степенью активности, выступать против академизма и формального метода, расшатывая

институтскую науку изнутри. В то же время многие сотрудники, не афишируя своих установок, а подчас и маскируя их под спущенные сверху реляции, пытаются продолжить свои исследования в прежнем ключе (дольше всего, благодаря таким усилиям, сохраняется серьезная научная работа на словесном и искусствоведческом отделениях, а также свободный и в то же время научный стиль учебного процесса на институтских курсах).

Следует иметь в виду, что вопрос, в какой мере документы этого периода отражают реальную картину функционирования Института, а в какой являются декларацией, требует детального изучения. Более того во второй половине 1920-х гг. начинают фальсифицироваться протоколы заседаний. Однако, в ряде случаев пассивное сопротивление сотрудников можно дешифровать сопоставляя отчеты и планы научных работ отделов и сотрудников с циркулярами чиновников и требованиями внедренных в институт функционеров. Иногда активный отпор нажиму администрации на заседаниях и совещаниях оказывается не отраженным в протоколах, но зафиксирован в частной переписке сотрудников. Настоящая работа посвящена доскональному изучению документов по «ликвидации» ГИИИ и реконструкции по ним институтской жизни этого периода

3. Хроника культурной жизни Ленинграда 1928 – 1932 гг. (Н.А.Гуськов, об. 5 а.л.)

Представленные материалы к хронике культурной жизни Ленинграда имеют своей целью максимально подробное воспроизведение картины культурного быта города в его динамике за 4 сезона: 1928/1929, 1929/1930, 1930/1931, 1931/1932. В качестве материала, включаемого в хронику, привлекаются прежде всего события культурной жизни Ленинграда, а также иные релевантные факты. Основные виды фактов, включенных в хронику: политические события, постановления правительства; рождение и смерть деятелей культуры и политики; написание или выход литературных текстов, книг, журналов, газет, статей и т. д.; собрания литературных (или включающих в себя также литераторов) организаций, кружков, объединений, салонов и т. д.; дискуссии, митинги, вечера, чтения и т. д.; театральные спектакли, музыкальные концерты; важнейшие события кинематографической жизни; открытие и закрытие художественных и иных выставок, музеев и т. д.; празднества, чествования, торжества; важнейшие события научной и в религиозной жизни; факты взаимодействия государственного аппарата с литераторами (награды, назначение пенсий, цензурные и политические преследования);

литературные и театральные конкурсы, премии, награды; установка памятников известным людям и иные градостроительные мероприятия, отразившиеся, в частности на литературе; важные бытовые перемены, оказавшие влияние на литературу; даты приезда в Ленинград и отъезда деятелей культуры; сведения о личных встречах и беседах деятелей культуры; важнейшие события личной жизни деятелей культуры.

В качестве источников в первую очередь привлекаются: уже опубликованные хроники жизни и творчества деятелей культуры, литературной, театральной, кинематографической, общественной, научной жизни и т. д.; периодические издания, прежде всего ленинградские («Красная газета», «Ленинградская правда», «Смена», «Звезда», «Ленинград», «Жизнь искусства» и т. д.); дневники; переписка; мемуарные и биографические источники; документы по истории общественных, научных, художественных организаций и учреждений, стенограммы собраний, нормативные документы и т. д.; словари, энциклопедии и справочники по различным областям знаний.

Практическое применение данная работа в первую очередь обретает при комментировании, изучении биографии писателей, изучении литературного процесса и объяснении логики возникновения отдельных его фактов и закономерностей в целом, а также при краеведческих исследованиях.

На настоящий момент подневная хроника (об. 5 а.л.) является результатом фронтального просмотра около 50 разнообразных источников, работа над ней далеко не закончена. Ориентиром во многом служит составляемая под руководством А. Галушкина в рамках большого коллективного проекта летопись «Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография», из которой пока вышел только первый том (в двух частях), описывающий жизнь Москвы и Ленинграда 1917-1922 гг. Однако, в отличие от проекта Галушкина, методологической доминантой нашего проекта является не столько описание деятельности партийно-государственных структур 1920-х гг. по регламентации литературы и литературной жизни, сколько более широко понимаемое понятие «быта»: мы исходим из презумпции, что на творческий процесс художника влияние оказывает «культура» в самом широком смысле, в том числе актуальные события в мире техники, медицины, спорта, градостроения, судопроизводства и проч., которые как раз обычно не входят в поле зрения последующего исследователя, что и делает нашу хронику необходимой.

3. Подготовка к публикации дневника директора издательства «Academia» А.А.Кроленко за 1928 год (И.В.Дацюк, объем 3 а.л.)

А.А.Кроленко (1889-1970), директор знаменитого издательства “Academia” в основной, ленинградский период его существования (1921-1929), вел подневные дневники на протяжении полувека (хранятся в РО РНБ, Ф. 1120), в них нашли отражение как частная жизнь издателя, так и общественно-политические события в стране за период с 1918 по 1970 гг., в том числе все время работы в “Academia”. Для настоящего проекта выбран дневник за 1928, поскольку это был переломный год в судьбе издательства и самого Кроленко. Еще 31 декабря 1927 года издательство весело отпраздновало свое шестилетие (среди приглашенных были М. А. Кузмин, А. А. Франковский, А. А. Смирнов, Е. И. Замятин, Вс. Рождественский, Н. П. Акимов, М. Л. Лозинский, Г. А. Гуковский и многие другие), и в 1928 году продолжало выпускать книги, в том числе из серии “Памятники литературного быта” (были опубликованы такие образцово подготовленные издания, как “Литературные воспоминания” И. И. Панаева под ред. и с примеч. Р. И. Иванова-Разумника, “Литературные воспоминания” П. В. Анненкова под ред. и с примеч. В. М. Эйхенбаума, “Записки” Е. А. Сушковой под ред. и с примеч. Ю. Г. Оксмана и др.; серия “Сокровища мировой литературы” (в 1928 г. вышли “Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера» Свифта в новом переводе под ред. А.А.Франковского, “Гаргантюа и Пантагрюэль” Ф. Рабле в пер. В.А.Пяста, “Метаморфозы, или Золотой Осел” Апулея в пер. М. Кузмина и др.). Однако в том же 1928 году, в рамках государственного курса на типизацию и укрупнение издательств, “Academia” в ее старом, ленинградском виде, под руководством Кроленко, т.е. та “Academia”, которая вошла в историю культуры, была уничтожена. Несколько частных и кооперативных ленинградских издательств было в 1928 просто закрыто, “Academia” же, издательство по сути частное, было защищено своим официальным статусом издательства Государственного института истории искусств, поэтому борьба с ним была более продолжительной и изощренной. Дневник Кроленко за 1928 позволяет подробно реконструировать как повседневную творческую и организационную работу издательства, так и стратегию власти в его уничтожении (назначение ревизионной комиссии по формальному, экономическому поводу -- обвинения в нарушениях условий труда и его оплаты, в действительности инспирированное ГПУ; проверка реальной принадлежности издательства ГИИИ; массированная атака в прессе, упрекавшей издательство в элитарности выпускаемой продукции, а также в том, что в нем «творятся» «уголовные дела» и установилась «атмосфера тихой семейственности и явного делячества» и проч.). Однако дневник позволяет увидеть и множество оттенков этого процесса – то, что о

начале преследований ГПУ Кроленко загодя узнал от своих знакомых в Москве; что, хотя пресса отказывалась печатать опровержения, в “Ленинградской правде” все же было опубликовано коллективное письмо, где перечислялись заслуги Кроленко, подписанное, среди многих других, М. Горьким, Е. И. Замятиным, М. М. Зощенко, Л. Н. Сейфуллиной, А. Н. Толстым, К. А. Фединым, М. А. Чеховым, К. И. Чуковским, Е. Л. Шварцем, Б. М. Эйхенбаумом и др. (о том же в большом частном послании писал А.В.Луначарский председателю Совнаркома РСФСР А. П. Смирнову). Однако в ноябре ревизионная комиссия отстранила А. А. Кроленко от обязанностей заведующего издательством, после чего он был уволен, издательство получило новый статус (государственного акционерного общества “Academia”, состоящего в ведении Наркомпроса РСФСР) и было переведено в Москву. Сам Кроленко попал под суд и был обвинен во множестве серьезных прегрешений, однако приговорен лишь к 4 месяцам общественных работ (пребывание в тюрьме также подробно описано в дневнике). Для целей проекта написано обширное обзорное предисловие о судьбе Кроленко и издательства, с цитатами из его дневников за многие годы, произведен отбор релевантных фактов из дневника 1928 года, набрано и прокомментировано начало дневника (январь-февраль 1928). Во второй год работы над проектом подготовка к публикации дневника за 1928 год будет закончена.

4. О школе ленинградских переводчиков с испанского языка, 1920-е гг. (К.С.Корконосенко, об. 1 а.л.)

Группа испанистов — переводчиков и литературоведов, объединенных общими принципами и активно сотрудничавших друг с другом -- возникла в Ленинграде в середине 1920-х годов вокруг филологического факультета ЛГУ. Ее ядро составили А. А. Смирнов, Б. А. Кржевский, Д. И. Выгодский, К. Н. Державин, В. В. Рахманов, отчасти В. А. Пестовский (Пяст), Г. Л. Лозинский и К. В. Мочульский. Творческое сотрудничество этих авторов заключалось в том, что они писали рецензии и предисловия к переводческим работам друг друга, выступали их редакторами, а порой занимались и совместным переводом. Объединяло их также эксплицированное ученичество у основателя испанистики в Ленинграде профессора Д. К. Петрова (1872 –1925), памяти которого они посвятили первый том коллективного перевод «Дон Кихота» (1929), и который, в свою очередь, считал себя и фактически являлся прямым учеником А. Н. Веселовского. Деятельность этой группы переводчиков-универсантов исследуется в трех направлениях: личной судьбы (впервые, по архивным материалам, реконструирована судьба В.В.Рахманова (1900–1940)); возникновения новой, советской теории перевода; и

переводческой практики в условиях того времени. Подробно реконструируется история выхода коллективного перевода «Дон Кихота» под редакцией Б.А.Кржевского и А.А.Смирнова со вступительной статьей Смирнова, специально посвященной художественному переводу с испанского на русский язык и истории переводов «Дон Кихота» в России, и фундаментальными комментариями; а также история совместной работы Б. А. Кржевского и В. В. Рахманова -- перевода романа Р. Переса де Айялы «Белярмин и Аполонио» (1925), который подвергается подробному стилистическому анализу в контексте переводческой традиции того времени. Школа испанистики ленинградского университета 1920-х годов впервые выделена как единый институт, со своим генезисом, хронологическими границами, принципами бытования; она помещена в синхронический историко-литературный контекст; прослежены биографические обстоятельства ее участников; выявлены общие для этой школы переводческие принципы, их развитие и связь как с предшественниками, так и влияние на более позднюю переводческую практику.

Первый год работы над проектом, в основу которого были положены две взаимосвязанные доминантные задачи – исследование и введение в оборот новых материалов из петербургских архивохранилищ и микроисторический анализ собранных материалов по истории институтов культуры в контексте советской истории конца 1920-х – начала 1930-х гг. – показал, что особенно значимыми оказываются рядовые события широко понимаемого литературного, точнее, культурного быта, представленного в динамике; и что этот микроисторический подход адекватен для описания НЭПа -- переходного периода между двумя большими тоталитарными политико-культурными «проектами», революцией/авангардом и сталинизмом/соцреализмом, который, в отличие от них, представлял собой гетерогенное, фрагментированное, неопределенное, постоянно менявшееся пространство, место полного деталей и оттенков взаимодействия власти и культуры. Кроме того, благодаря микроисторическому описанию культурного быта удается уйти от «тоталитарного», катастрофического типа понимания советской культуры в традиции «больших дискурсов» Б. Гройса и, напротив, описывать культуру в рамках той методологии, которая была выработана в последние годы, во многом с опорой на В. Беньямина, для описания повседневности и массовой культуры (работы Э. Наймана, Н. Лебиной, Ш. Фицпатрик и др.) с ее акцентом на антропологическом аспекте культуры.

Следует отметить также, что проект определился как действительно, по самой своей сущности, коллективный, вырастающий из взаимодействия его участников, обмена материалами (так, начальный этап работы издательства «Время» реконструируется через обращение к дневникам директора “Academia” Кроленко за 1921-23 гг., а для комментария к дневнику последнего за 1928 г. используются как материалы хроники культурной жизни Ленинграда, так и материалы по истории ГИИИ; деятельность забытого переводчика с испанского В.В.Рахманова восстанавливается, в частности, через обращение к его переводам, сделанным для «Времени», и т.д.). Кроме того, коллективная природа проекта ясно определила способ его будущей публикации – в электронном виде, на сайте Отдела взаимосвязей русской и зарубежных литератур в рамках портала Пушкинского Дома, поскольку такая форма дает возможность перекрестных отсылок к другим работам в рамках проекта и постоянному пополнению хроники культурной жизни Ленинграда этого периода.

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников).

Нет

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации (до 0,5 стр.)

Нет

8. Список опубликованных по проекту статей (объемом не менее 1 п.л.)

Нет

9. Список книг, сданных в печать или поданных на издательские гранты (указать ожидаемое время издания, объем в а.л.)

Нет

10. Экспедиции, проведенные в рамках проекта (регион, руководитель, сроки, тематика исследований, полученные результаты, их значимость – до 2 стр.)

Нет

11. Конференции, организованные в рамках проекта (название, место и сроки проведения, обсуждаемые проблемы, результаты)

Нет

12. Важнейшие научные результаты работы по проекту (ок. 0,5 стр. для публикации на сайте программы)

Исследовательский проект, цель которого – описать судьбу институтов культуры Ленинграда на переходе от 1920-х к 1930-м годам, выявить способы функционирования культуры в переломные исторические эпохи – основывается на новых материалах петербургских архивохранилищ, которые подвергаются микроисторическому анализу. За первый год работы были описаны история ленинградского издательства «Время» (архив в РО ИРЛИ) и Государственного Института Истории Искусств (ЦГАЛИ СПб.); составлена хроника культурной жизни Ленинграда 1928-32 гг. по мемуарным и иным литературным источникам и периодике; подготовлен к публикации дневник директора ленинградского издательства «Academia» А.А.Кроленко за 1928 год (РО РНБ); описана судьбы группы университетских переводчиков-испанистов. Все перечисленные исследования продолжаются, что связано как с большим объемом материала, так и с постоянным обменом результатами между участниками проекта.

2.2. Значение русской поэзии первой половины XX века в социо–культурном пространстве Карелии и Финляндии, руководитель проекта – д.ф.н. Елена Ивановна Маркова

Написано исследование объемом 3 а.л., характеризующее развитие русской поэзии в Карелии и Финляндии в период с 1900 по 1917 годы, в эпоху, когда оба региона входили в состав Российской Империи.

Топоним Карелия в данной работе употребляется как страноведческий, соответственно охватывает не только пространство Олонецкой губернии, но места компактного проживания карелов в Архангельской губернии и территорию Карельского перешейка, причем последний для финнов отождествляется с русской Карелией, для русских – с Финляндским княжеством.

Известно, что Финляндия и Карелия как единое культурное пространство характеризуется общностью фольклорного наследия. Если в Финляндии эпическая (рунопевческая) традиция угасала, то Карелия сохранила эту традицию в лице широко известных и рядовых рунопевцев, которые воспринимались финнами в качестве представителей их культуры и, наоборот, созданная Э. Лённротом на материале

карельского и ингерманландского фольклора «Калевала» воспринималась в Карелии как этническое достояние карелов. Вышедшее в 1915 году новое издание эпоса в переводе Л. Бельского стимулировало архетипическое сознание русских поэтов обеих русских столиц и заставило их обратить внимание на культуру Финляндии.

В свою очередь, Карелия для финских неоромантиков рубежа веков стала своеобразной Меккой, куда совершали паломничества представители художественной интеллигенции, для которых Карелия и «Калевала» воспринимались как нерасторжимые понятия (см.: Карху Э.Г. История литературы Финляндии. XX век. Л.: Наука, 1990. С. 93).

Если финская лирика начала XX века представляла собой развитую художественную систему, то Карелия была представлена поэтами–любителями. Но с 1904 года в русскую литературу вошел Николай Клюев, который поначалу подписывался как Николай Олонецкий (или Клюев, олонецкий крестьянин).

В исследовании впервые показано, что, несмотря на то, что прямых контактов с финскими романтиками у Клюева не было, но общие типологические черты характеризуют как гениального финского поэта Э. Лейно, так и гениального русского поэта Н. Клюева. В рамках конкретного исследования важно подчеркнуть, что неоромантика Лейно называли «самым древним поэтом», а символиста Клюева можно назвать как древнерусского поэта XX века. Стремление к синтезу влекло в поэзии обоих сочетание языческих и христианских элементов, постоянный интерес к фольклору. Причем Клюев настаивал на устном бытовании своей поэзии (см., например, предисловие к сборнику 1912 г. «Братские песни»). И это подтверждают современники. Так, летом 1906 года вышедшего из Петрозаводской тюрьмы Н. Клюева встречали не просто как революционера, а как поэта, которого знают, несмотря на скудость публикаций в российской прессе и полное отсутствие в карельской. Если Лейно воспринимался как первый поэт, то Клюев изначально позиционировал себя как пророка. Не случайно его первая публичная речь (Петрозаводск, Курган, 1906) была воспринята как «апостольская».

Для обоих поэтов «Калевала» стала одной из главных книг. В названный период у Клюева нет прямых отсылок к ее тексту, но в подтексте «Поддонного псалма» (1916) тот же поиск магического слова, что и в великом эпосе.

Уход в архаику, в фольклор позволял обоим поэтам остро ощущавшим углубляющийся кризис, чреватый глобальными катаклизмами, обрести гармонию в прошлом и спроецировать ее на будущее время.

Если говорить о непосредственных контактах, то Клюев, отказавшись от военной службы, был заключен в финскую тюрьму (Сен–Михель, Выборг, 1907), чему он посвятил ряд стихотворений, правда, без указания на место заключения.

Что касается функционирования русской поэзии в Финляндии, то она присутствовала в качестве переводных произведений, в рефлексии финских критиков. Хотя русская поэтическая диаспора еще не была сформирована на данной территории, но эпизодически русские поэты путешествовали по княжеству.

Одинаковый ландшафт питал творчество литераторов Финляндии и России, общей была языческая древность у прибалтийско-финских и славянских племен, живших на Севере. Русская литература в начале XX века влияла на общественные движения в Финляндии, возможно, больше, чем на творчество финских писателей.

Финской общественности в 1900-е годы нужна была литература с «конкретной реальной основой», изображающая социальные конфликты. Именно такой финны хотели видеть русскую литературу. «Историческая заинтересованность» диктовала выбор книг, прежде всего классиков реализма и на самые злободневные темы. В 1900–1910-е годы в Финляндии публиковались стихотворения: А. Жемчужникова, Н. Некрасова, М. Лермонтова, поэма А.Пушкина «Бахчисарайский фонтан» и драматические произведения в стихах: «Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого и «Борис Годунов» А. Пушкина. «Влиятельнейшим вкладом» в финскую литературу, финские критики считали басни и сатирические стихи И. А. Крылова в переводе С. Путро 1913г. Его стихи вышли отдельным сборником.

В 1904 году знаток русской литературы, переводчик Рафаэль Линдквист выпустил в издательстве «Гелиос» в Хельсинки сборник «Из поэзии России» («Ur Rysslands säng»). Он удостоил большим вниманием только К. Бальмонта, представив его как революционера. Атмосфера предреволюционной Финляндии была накалена до такой степени, что стихи Бальмонта о бурях как нельзя лучше соответствовали времени. В. Соловьев написал в Финляндии 16 стихотворений, которые словно иллюстрируют его идеи всеединства и двоемирия. («Сайма», «На Сайме зимой», «Иматра», «Июньская ночь на Сайме»). Валерий Брюсов бывал в Финляндии в 1905 и 1913 годах, в 1905-м создал цикл стихов «На Сайме», где показывает свое знание финской мифологии, а в поэтическом сознании О. Мандельштама, К. Фофанова, Е. Гуро Финляндия порой ассоциируется с родиной, а финская природа называется родной.

В поэзии русского авангарда финский пейзаж был настолько духовно, социально, культурно наполнен, что сам становился знаком культуры. Выход из печати второго издания «Калевалы» в переводе Леонида Бельского (1915,) совпал со временем расцвета русского футуризма. Поэты Г. Петников, С. Городецкий, Л. Лайцен, С. Алымов, Н. Асеев, В. Хлебников и Е. Гуро почувствовали в «Калевале» много близкого своему мироощущению.

Наряду с интересом к космогонии Востока и славянскому язычеству В.Хлебников погружается в стихию финского фольклора. В его стихах обнаруживаются параллели с образом Куллерво и с одной из важнейших, сюжетообразующих линий «Калевалы». Поэт называет Финляндию Финностаном, а себя отождествляет с поющим калевальским рунопевцем.

Григорий Петников, собрат Хлебникова по футуризму, в «Финских стихах», посвященных Елене Гуро, конкретизируя северный пейзаж, вспоминает героев «Калевалы», употребляет местные названия озер и даже лодок. У Сергея Городецкого, часто бывавшего в Куоккале и слышавшего финскую речь, имена собственные включены в стихи о финском озере.

Автором пересказа «Калевалы» для детей (1915) был Николай Асеев. На материале «Калевалы» поэт-пересказчик воспитывает у детского читателя самое необходимое: трудолюбие, мужество, чувство любви к родине « … здесь в чужой земле – каждая ветка дерется, каждое дерево грозит мне! Лучше дома из башмака пить воду, чем в чужой стране – мед из золотого сосуда!». Участник группы «Творчество», друг Николая Асеева С.Алымов отозвался на «Калевалу» в стихотворении «Смена легенд».

В Финляндии творчество поэтов русского авангарда пропагандировалось писателями – «пламеносцами», близкими к экспрессионизму. Именно в изданиях пламеносцев, на страницах журнала «Туленкантаят» появлялись статьи о русском футуризме и репродукции с картин Василия Кандинского.

Все перечисленные наблюдения подтверждают заявленную идею единого социо–культурного пространства Карелии и Финляндии в 1900–1917 годы и особую роль русской поэзии в этом пространстве.

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников)

Опубликовано 2 монографии

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема (в п. л. и количество стр.), а также их краткие аннотации.

Е.И. Маркова. Родословие Николая Клюева. Тексты. Интерпретации. Контексты. Петрозаводск: карНЦ РАН, 2009. 354 с. + вкл. 16 уч.-изд. л. + 0,8 (вкл.)

Аннотация.

Монография представляет собой первую реконструкцию родословия Николая Клюева как «народного завета», рассмотренного в евангельском, фольклорно-мифологических контекстах. Начатая ранее работа соотносится с заявленной по проекту темой. Рассматривается изустный характер бытования автобиографических текстов (1919–1930 гг.) поэта, что подтверждает его особую приверженность к фольклору (см.: Введение), типологическую близость его суммарному суммарному тексту автобиографическому тексту севернорусских сказителей (главка «Пестунья–память»), ориентацией на образы «Калевалы» (подглавка «Калевальско–есенинский подтекст в «Гагарьей судьбине»). Если «Калевала» воспринимается им как *родственный эпос*, как книга–ориентир, то пребывание в финской тюрьме описывается как пребывание не просто в *чуждом*, но *чужом пространстве* (подглавка «Испытание пятое. Муки»). Означенная амбивалентность позволяет рассматривать монографию в качестве работы, отвечающей на ряд вопросов по проекту.

Е.Г. Сойни. Финляндия в литературном и художественном наследии русского авангарда. М.: Наука, 2009. 223 с. + илл. 15,3 уч.-изд. л.

Аннотация

В ранее начатой работе присутствует материал, проецирующийся на данный проект. Рассматривается образ Финляндии в живописи и поэзии, на большом архивном материале изучаются финские эпизоды в биографиях художников и литераторов-авангардистов. В сознании Е. Гуро, В. Хлебникова, Н. Асеева, Г. Петникова образы финской мифологии, образы природы финской и русской Карелии сливались в единый светлый образ «мечтательной страны, северной стороны», современность менялась местами с архаической древностью, хотя финские критики увидели в их творчестве прежде всего урбанистическую и технократическую тематику.

Изучается истории создания первой советской «Калевалы» 1933 г., ее восприятие в творчестве русских поэтов–футуристов и художников филоновской школы, увидевшие в эпосе первообразы, созданные в эпоху прибалтийско-финской общности народов.

Публикуется «Дневник» Михаила Цыбасова, письма П. Филонова, В. Кандинского.

8.Список опубликованный по проекту статей – нет.

9. Список книг, сданные в печать или поданных на издательские гранты – нет

10. Экспедиции, проведенные в рамках проекта – нет

11. Конференции, организованные в рамках проекта – нет.

12. Важнейшие научные результаты работы по проекту:

Проведено обстоятельное исследование значения русской поэзии 1900–1917 годов в социо–культурном пространстве Карелии и Финляндии. Использование сравнительного, системно–типологического, структурно–мотивного методов позволило выявить взаимопритяжение обеих культур, базирующихся на общей основе – древней культуре прибалтийско–финских народов и близкой им севернорусской культуре; охарактеризовать типологическое сходство финского неоромантизма и русского символизма (шире – авангардизма), что особенно отчетливо обнаруживается при изучении языческих и христианских элементов художественной системы, ориентацию на образы и сюжетные коллизии «Калевалы», отождествлении финнами Карелии и «Калевалы», а русскими Финляндии с родиной (см., например, поэзию Е. Гуро).

Анализ текстов, с одной стороны, показал, что уход в национальную (свою и чужую) мифологию позволил противопоставить надвигающейся мировой катастрофе идеалы «золотого века» (Э. Лейно, Н. Клюев, В. Хлебников и др.) и спроецировать их на грядущее. С другой стороны, обозначилась значимость русской поэзии в Финляндии как социально заостренной, а образы природы финской и русской Карелии сливались в сознании русских поэтов в единый светлый образ страны–мечты.

Направление III – «Источниковедение и текстология русской литературы (РФ, зарубежной)», куратор направления -- чл.-корр. РАН Андрей Львович Топорков

3.1. Анализ средневекового текста, руководитель -- к.ф.н. Николай Александрович Бондарко

Задачей, поставленной на 2009 г. являлось изучение языка единственной рукописи «Путешествия Эгерии к святым местам» («Itinerarium Egeriae abbatissae») – codex Aretinus 405. В связи с этим была исследована проблема восстановления подлинного текста Эгерии IV в.

Исходя из того факта, что рукопись «Путешествия» упоминается в трех раннесредневековых каталогах библиотеки аббатства св. Марциала в Лиможе (Maraval: 18), была выдвинута и подвергнута проверке гипотеза о том, что в Италию текст Эгерии попал из Галлии. В пользу этого предположения свидетельствуют следующие палеографические данные:

1) Неэтимологическое *h*-. В обыденной речи *h*- исчезло с рано, но сохранялось в написании и речи образованного общества вплоть до V в. н. э. Норма была установлена довольно поздно и весьма произвольно: *h*- отсутствует в anser, ср. рус. гусь, нем. *Gans*,

обратные случаи: *(h)umerus* ‘плечо’, *(h)umor* ‘влага’, *(h)umidus* ‘влажный’, ср. еще гиперкоррекции типа *hinsidias* в известной эпиграмме Катулла (Cat. 84), (см. Leumann 1977: 173–174). Подобные случаи встречаются и у Эгерии, ср. III, 4 *hostium* = III, 7; IV, 2 etc., всего 10 примеров (Lex. Aeth. 92b s. v.) вместо *ostium* ‘дверь’ XXXVII, 3 etc. (3 примера) (вероятно, по аналогии с *hospes* ‘гость’/ ‘хозяин’, *hospitium* и т. д.). Но в ст.-фр. huis и *huissier* ‘швейцар’ это бродячее *h*- удержалось (см. P. Geyer в ALLG IX: 300).

2) *-o/-um*. В этом смешении окончаний проявляется (реализуется) не только конкуренция или, наоборот, стирание различий между abl. и acc., но и естественное романское развитие конца слова, ср. ит. *lupo*, исп. *lobo* < *lupum* (в других языках отпадает и гласный). Аналогичные случаи наблюдаются и в «Паломничестве», ср. II, 1 *in long<um> ... in lat<um>*; 3 *in long<um>*; 6 *per gir<um>*; 6 *in ill<um>*; III, 2 *in e<um> id est locum*; 6. *per gir<um>*; IV, 1 *in ali<um> monte<m>*; VII, 2 *per herem<um>*; IX, 3 *in Pelusi<um>*? = 6 p*erueni* P.; 5 *per bidu<um>*. Количество их в первых 9 главах вроде бы невелико, но у в целом довольно грамотной Эгерии оно сравнимо только с беневентским -m mobile или с античным *ae*/*e*. Еще более интересен тот факт, что в 9 случаях *in + eo* (*ipso, alio*) *loco* с глаголами движения нет ни одного примера с acc., ср. I, 2 *in eo ergo loco cum uenitur* = V, 8; VI, 3 (bis); VII, 4 и т. д.

Из этого был сделан вывод, что Эгерия хорошо знала элементарную грамматику (она регулярно употребляет даже такую непростую конструкцию как acc. direct., ср. III, 8 *mittit Alexandriam* etc.). Точно также наряду с *per giro* встречается и *per girum*, рядом с *per heremo* стоит *per heremum* и т. д. Таким образом, все ошибки такого рода надо относить на счет копиистов.

История текста «Паломничества» в самой Испании, для которой оно писалось, прослеживается, благодаря немногочисленным упоминаниям:

1) «Эпистола во хвалу блаженной Эгерии, написанная Валерием для монашеской братии из Биерсо». Валерий располагал полным текстом, поскольку он знает о восхождении Эгерии на гору Хермон и о путешествии в египетскую Фиваиду;

2) Liber glossarum некоего Ansileubus, составленное около 750 г. Глосса *Egeriae Cepos tu agiu Iohanni grece quod latine dicitur <h>ortus sancti Iohanni* (Mountford 1923; LGA 110, n. 377) ценна тем, что сохранила правильное написание имени паломницы: в «Эпистоле» оно встречается трижды, но в рукописях имеются значительные расхождения;

3) идет толедская рукопись IX в. (Excerpta Matritensia), на двух страницах которой размещены выписки из «Паломничества» Эгерии.

Таким образом, в X в. Эгерию еще читали, по крайней мере, в Галисии. Испанское влияние в «Паломничестве» проявляется в первую очередь слова: хорошо известные (*se*) *plicare > llegar, tam magnus > tamaño. sexta feria > sestaferia* (диал.), *fui ad ecclesiam, superare > sobrar, singulos, -as > sendos, -as, adhuc > aún*, а также менее известное *maturare > madrugar, madrugada*.

Результаты проведенных исследований отражены в статье А.Б. Черняка: «Путешествие Эгерии к святым местам» 6: К проблеме восстановления подлинного текста Эгерии // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского 22–24 июня 2009 г. С. 532-537.

2. В ходе первого года исследования был осуществлен комплексный языковой аналих одного из основных текстов ранней новогреческой литературы — эпоса о Дигенисе Акрите. Текст этот возник около XII в. Он сохранился в семи рукописях, обнаруженных в разных концах Византийской империи, и в виде героических, т. н. акритских песен. Одна из наиболее существенных проблем, связанных с этим текстом, заключается различиях между разными версиями (прежде всего, старейшей Гротто-Ферратской = ГФ, датируемой XIV в., и наиболее близкой к «народному» языку Эскуриальской = Еск., возникшей в XVI в.). Исследование показало, что различия между этими версиями затрагивают разные языковые уровни. Приведем отдельные примеры из фонетического и морфологического уровней: 1. Фонетический: Еск. τέντα ГФ. τένδα: италь. – tenda Еск. γαμπρός: н.елл. – συχνότερα γαμπρός ГФ. γαμβρός: арх.елл. – γαμβρός Еск. θάλασσα: н.елл. – θάλασσα ГФ. θάλαττα: атт.д. – θάλαττα Еск. γέρακας: н.елл. – γέρακας ГФ. ιέραξ: арх.елл. – ιέραξ Еск. τριακόσια κιντηνάρια (проíка) ГФ. είκοσι κεντηνάρια: италь. – centenario Еск. τρείς καβελλάροι ГФ. τρείς καβαλλάροι: н.елл. – καβαλλάροι Еск. μέρεμνα ГФ. μέριμνα; 2. Морфологический: в Эскуриальской версии дат. п. повсеместно заменен родительным или винительным: Еск. ποιόν μαντάτο υπάγωμεν την ταπεινήν μας μάννα ГФ. ποιόν μητρί ελεεινή μήνυμα κομιούμεν Еск. λέγει των αδελφών του (в Эскуриальской версии дат. п. есть только в таких выражениях как Δόξα σοι, ο Θεός, но это также и в новогреческом; в Гротто-Ферратской дат. п. иногда и вместо вин.п. ГФ. υπέστρεφεν εν τω ιδίω οίκω Еск. απήλθεν εις τον οίκον του), изменения в склонении: м. р. на –ης: Еск. του Ακρίτη: род. п. ед. ч. ГФ. του Ακρίτου Еск. απελάτες/ απελάτας: вин.п.мн.ч. ГФ. απελάτας Еск. αρπάκτες : νεοελλ.αρπαχ(κ)τής: им. п. мн. ч. ГФ. άρπαγες: арх.елл. άρπαξ,γος Еск. απέσω εις το καλάμιν (н.елл. – το καλάμι) ГФ. από του καλαμιώνος (арх.елл. – ο κάλαμος) Еск. αυθέντη μου: зв. п. ГФ. αυθέντα μου Еск. ο Χάρος/ ο Χάροντας: им. п. ед. ч. ГФ. ο Χάρων, Ж. р. на –α Еск. παρηγοριές: им.п.мн.ч. ГФ. παρηγορίαι/ παραμυθίαι Еск. τρείς λίτρες: вин.п.мн.ч. ГФ. πεντακόσιας λίτρας, предложные конструкции: Эскуриальская — вин. п., Гротто-Ферратская – дат. п., Эскуриальская – вин. п., Гротто-Ферратская – род. п. Еск. εις τους κλώνους ГФ. εν τοις κλώνοις Еск. χαίρεται μετ’

αύτην/ μετ’ αύτης ГФ. εύφραίνεται μετ’ αυτής Εσκ. κ’ εκ το κάλαμιν ‘ξέβηκεν ГФ. εξήλθεν εκ του άλσους ! Εσκ. εκ της γής ! ГФ. από γής, в одной строке один и тот же предлог и с род. и с вин. п. Εσκ. κ’ εκ τα ιππάρια εγνώρισα και εκ της φορεσιάς !ГФ. εκ τον Ανατολικόν εξ ευγενών Ρωμαίων, в Эскуриальской часто ср. р. заменяет м. или ж. р. Εσκ. το αδέλφι (πιο σπάνια αδέλφη) ГФ. η αδελφή Εσκ. το άλογο/ το ιππάρι ГФ. ο ίππος Εσκ. τα τέσσερα ονύχια ГФ. ονυχάς τε τους τέσσερας (ο όνυξ, υχος) Εσκ. τα χέριά του (πιο σπάνια χείρας), ‘ς το χέριν ГФ. τας χείρας, εν τη χειρί. В глагольной морфологии наблюдается исчезновение инфинитива и употребление новогреческих форм. Это, казалось бы, подтверждает распространенную точку зрения о разговорном характере Эскуриальской версии, однако в тексте встречаются многочисленные аллюзии на средневековые и поздние древнегреческие произведения, а ближе к концу наблюдается немало отрывков пуристического толка. Сопоставление с акритскими песнями демонстрирует крайне малочисленные совпадения на сюжетном уровне, в то же время есть ряд поэтических памятников относительного большого размера (Песни Армуриса и Сын Андроника), крайне похожие по языку, выражениям и сюжету на Эскуриальскую версию. Это позволяет рассматривать язык последней не просто как разговорный язык, а как один из вариантов языка поэтической традиции. Проведенное исследование позволило сделать вывод о существовании языка поэтической традиции, характеризуемого наддиалектным характером, фактом зависимости выбора форм/конструкций от метрики и употреблением поэтических формул, отвечающих за заполнение конкретного слогового пространства некоторой синтаксической структурой: поэтические формулы ограничивают количество компонентов структуры, заполняющей данное слоговое пространство, и регулируют порядок составляющих в рамках этой структуры. Данные выводы были использованы при подготовке издания двух соответствующих друг другу отрывков из Гротто-Ферратской и Эскуриальской версий с переводом и комментариями и соответствующими акритскими песнями. Полученные результаты будут в дальнейшем использованы как при анализе и подготовке текстов к изданию. Они представлены в статье М.Л. Кисилиера: Что это такое — язык поэтической традиции // Кисилиер М. Л., Васильков Я. В., Клейнер Ю. А. (ред). Язык традиции. Сборник статей. (В печати). 2 а. л.

3. В рамках заявленной темы выяснилась необходимость расширить круг исследуемого материала, поскольку представления и идеи, отраженные в тексте «Чистилища св. Патрика», неразрывно связаны с кругом эсхатологической и визионерской литературы, бытовавшей в средневековой Ирландии. Выявление общих представлений, лежащих в основе конкретных текстов, следует в русле активно развивающегося в отечественной и зарубежной науке направления истории понятий, которое подразумевает по возможности максимально широкий охват текстов разной временной отнесенности. В связи с этим подготовительная работа проводилась в двух аспектах: 1) изучение легенды о знамениях пятнадцати дней перед Страшным судом и 2) изучение легенды о Двенадцати пятницах.

1) Легенды о знамениях характерна для западноевропейской литературной традиции и, видимо, возникает не ранее X-XI вв. Обилие рукописей, в которых она засвидетельствована, и число народных языков, на которые она переводилась, позволяет заключить, что она пользовалась весьма широкой популярностью, скорее всего, не только в среде literati, но и в народной среде.

2) Легенда о Двенадцати пятницах представлена не только в западно-, но и в восточнохристианской традиции. Ее бытование в славянских рукописях было изучено А.Н. Веселовским, выделившим две главные редакции – «климентьевскую» и «элевферьевскую». Вместе с тем следует отметить, что западнохристианские, в том числе

ирландские, параллели к этим текстам до сих пор недостаточно исследованы. Однако, как показали наши предварительные исследования, эта легенда была весьма распространена, о чем свидетельствуют многочисленные рукописи. Стоит отметить тот факт, что в западной традиции она связывается только с именем папы Климента, а следов «элевферьевской» редакции обнаружить не удалось. Существуют отдельные издания текста по разным рукописям (в общей сложности около 8-ми), однако они далеко не охватывают и треть уже известных рукописей, в которых был записан этот текст. В дальнейшем мы предполагаем продолжить работу по изучению этой легенды, ее рукописной традиции, возможных связей между западными и восточными версиями и, в конечном итоге, истоков ее зарождения.

Данные результаты представлены в статье И.В. Иванова «Латинские источники и ирландская традиция в тексте Airdena inna cóic lá n-déc ria m-Bráth» (1 п.л.), принятой к печати в сборнике «Поэтика традиции» (отв. ред. Я.В. Васильков, М.Л. Кисилиер, Ю.А. Клейнер).

4. Произведено коллационирование избранных мест из трактата «Зерцало добродетели» (“Der Spiegel der Tugend”) францисканского духовного писателя Давида Аугсбургского (1200/1210-1272), а также завершена транскрипция и первичная нормализация обоих текстов по рукописи Cgm 183 (Баварская Государственная библиотека), л. 1^{r}-71^{r}.

По завершении начального этапа текстологического анализа 22 списков было выявлено пять редакций трактата «Зерцало добродетели». Кроме того, в ходе изучения немецких средневековых рукописей, имеющих отношение к традиции южнонемецкой францисканской духовной прозы, исполнителем и руководителем проекта Н.А. Бондарко была отождествлена еще одна – шестая – неизвестная до сих пор компилятивная версия исследуемого трактата в рукописи Баварской Государственной библиотеки Cgm 5067 (л. 351^{v}-352^{v}) сер. XV в. При этом исходным критерием для вычленения редакций являлось наличие как минимум механического вмешательства переписчиков в текст в виде пропусков или небольших вставок: 1) исходная полная редакция *A (10 рукописей, из которых 2 утеряны); 2) редакция *B, сохранившаяся в 4 рукописях «Сада духовных сердец»; 3) редакция *C, вошедшая в состав одного из сборников переработанных проповедей францисканца Бертольда Регенсбургского (X 42) (формирование текста относится к 1-й пол. XIV в.; всего 5 рукописей). Сильно сокращенные редакции представлены каждая – в одной рукописи: (4) *D (сер. XIV в.); (5) *E (сер. XIV в.); (6) *G (сер. XIV в.). Кроме того, один рукописный фрагмент из Университетской библиотеки Базеля (Fragm. N I 3 95c) (1-я пол. XIV в.) содержит контаминацию трактатов «Зерцало добродетели» и «Семь первых правил добродетели» (*F).

Текстологическое изучение рукописей, относящихся к основной редакции *A, позволило выделить особую ветвь $*A^{1}$, к которой относится один из трех старейших списков «Зерцала добродетели» – Cgm 183 (M), вышедший из скриптория францисканского конвента в городе Аугсбурге, а также 2 рукописи 2-й пол. XV в., написанные на верхненемецких диалектах. Данный вывод был сделан по результатам анализа разного рода маркеров текстового членения в рукописях. Особое положение среди прочих рукописей M занимает благодаря тематическому членению трех из пяти

текстов Давида Аугсбургского в форме глосс на полях, которые представляют собой отчасти заголовки, а отчасти – краткие обобщения тематических разделов.

По ряду косвенных признаков были сделаны следующие выводы:

1. Сам Давид Аугсбургский не мог быть автором глосс. Ни малейшего намека на существование подзаголовков не содержится ни в одном из списков XIV в. и, самое главное, в рукописях «Сада духовных сердец», который представляет собой самую раннюю ступень рецепции трактатов Давида.

2. Не был автором заголовков и переписчик рукописи M. Несколько случаев слишком грубого членения текста «Зерцала добродетели», а также непоследовательного и нерегулярного членения «Семи первых правил добродетели» и трактата о жизни Христа наводят на мысль, что здесь речь идет не столько о непоследовательности редактора-глоссатора, сколько, скорее всего, о невнимательности переписчика.

Последний вывод подкрепляется данными двух рукописей XV в., в которых трактат «Зерцало добродетели» дошел с теми же самыми заголовками, которые переместились в них с полей листов в сам текст: а) рукопись 2-й пол. XV в., происходящая из доминиканского монастыря св. Екатерины в Нюрнберге (Городская библиотека Нюрнберга, Cent. VII 73) (N); б) рук. из женского бенедиктинского аббатства Ноннберг в Зальцбурге (Nonnberg 23 B 7) (S).

Как удалось установить в процессе коллационирования списков «Зерцала», нюрнбергский текст является прямым списком с рукописи M. Об этом свидетельствуют не только те же самые заголовки – внесенные, правда, в текст, но и наличие явных описок, которые обнаруживаются в мюнхенской рукописи M и нигде больше. Но самое важное подтверждение находится в самом кодексе M: на небольшом листе, вклеенном между последним листом и переплетом, мы обнаруживаем запись о том, что эта книга принадлежала монастырю св. Екатерины в Нюрнберге (*Das puechlein gehort closter zu sant katherin orden in nuernberg*).

Зальцбургский список весьма близок к мюнхенскому, поскольку содержит многие общие лакуны – в том числе и в латинских цитатах из Библии. С другой стороны, он не копирует ошибок списка M и имеет большое число разночтений, в том числе и испорченных мест, не встречающихся больше нигде. Поэтому зальцбургская рукопись стоит от Мюнхенской значительно дальше, чем нюрнбергская.

Из анализа некоторых индивидуальных вариантов в заголовках рук. S следует предположить, что либо переписчик Леонхард Цайльхофер не всегда мог правильно понять текст, который он списывал, либо что он, не задумываясь, копировал ошибки своего протографа. Последнее, однако, выглядит менее вероятным, поскольку в большинстве индивидуальных вариантов этого списка смысловых ошибок не наблюдается. Несколько примеров показывают, что иногда писец либо сам допускает ошибки понимания, либо пытается не слишком удачным образом исправить ошибку, сделанную до него. Есть и примеры, свидетельствующие о невнимательности писца. Они связаны с графическим оформлением заголовков. Так, заголовок № 24 – так же как и № 38 – не выделен ни рубрикацией, ни иными заметными способами, - и потому визуально

едва различим в тексте. Ясно, что оба заголовка на предыдущих стадиях рукописной традиции должны были выглядеть иначе. Здесь следует усмотреть косвенное свидетельство в пользу того, что писец рукописи S не предпринимал никакой специальной редактуры заголовков. Что касается заглавий № 17, 18, 25 и 41, отсутствующих в мюнхенском кодексе, то они должны были присутствовать уже в протографе списка S. Сложнее судить о заголовках списка M № 31, 32 и 37, которые отсутствуют в зальцбургском кодексе. Все ли особенности текстового членения в рукописи S являлись конституирующими признаками архетипа *S, не поддается определению в виду нехватки рукописного материала.

Итак, можно со всей уверенностью утверждать, что многочисленные индивидуальные чтения зальцбургской рукописи исключают его прямую зависимость от мюнхенского кодекса. Соответственно, возможны два варианта родственных отношений между этими списками:

1) S восходит к протографу или архетипу M, в котором уже присутствовало текстовое членение в виде глосс.

2) S все-таки восходит к M, но через несколько промежуточных стадий.

Если первое предположение справедливо, то можно было бы допустить существование более последовательно проведенного текстового членения в архетипе M, которое не ограничивалось «Зерцалом добродетели», а распространялось и на другие тексты малого корпуса. Главное же, что дает рассмотрение зальцбургского списка, - это уверенность в том, что раннюю мюнхенскую рукопись M с ее глоссами нельзя рассматривать изолированно как частный случай членения текста переписчиком, не релевантный для всей остальной традиции. Напротив, мы имеем дело с самым ранним свидетельством особой субредакции малого корпуса Давида Аугсбургского, которая имела хождение в южнонемецком ареале вплоть до середины XV в. Этот факт следует рассматривать в качестве основания для отдельного критического издания трактата «Зерцало добродетели» в субредакции *A^1.

Изложенные выводы и результаты представлены в статье Н.А. Бондарко – Bondarko N. Besonderheiten der Textgliederung in der handschriftlichen Überlieferung der deutschen Traktate Davids von Augsburg // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского 22–24 июня 2009 г. С. 655-681. (1 а.л.).

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников)

4

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации (до 0,5 стр.)

8. Список опубликованных по проекту статей (объемом не менее 1 п.л.):

1) Кисилиер М.Л.: Что это такое — язык поэтической традиции // Кисилиер М. Л., Васильков Я. В., Клейнер Ю. А. (ред). Язык традиции. Сборник статей. СПб., 2009 (В печати). 2 а.л.

2) Иванов И.В. «Латинские источники и ирландская традиция в тексте Airdena inna cóic lá n-déc ria m-Bráth» // Кисилиер М. Л., Васильков Я. В., Клейнер Ю. А. (ред). Язык традиции. Сборник статей. СПб., 2009 (В печати). 1 а. л.

3) Bondarko N. Besonderheiten der Textgliederung in der handschriftlichen Überlieferung der deutschen Traktate Davids von Augsburg // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского 22–24 июня 2009 г. СПб., С. 655-681. 1 а.л.

3.2. ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-МОДЕРНИСТОВ, руководитель – Александр Васильевич Лавров, доктор филол. наук, академик РАН

Настоящий проект направлен на изучение специфики и места эпистолярного жанра в культуре модернизма. Конечным результатом работы должны стать научные издания, раскрывающие историко-культурное значение эпистолярной традиции модернизма, в частности, научное, академическое, издание серии томов, посвященных эпистолярному наследию выдающихся представителей русского модернизма – М. А. Волошина и А. М. Ремизова.

Работа по исполнению проекта, рассчитанного на три года, велась в рамках утвержденного календарного плана на 2009 год. Первый год проекта, объединяющего научную подготовку к публикации сборников писем М. А. Волошина и А. М. Ремизова (с подробными комментариями и аналитическими статьями), включал в основном работу по отбору предполагаемых к публикации материалов, их компьютерному набору всего сложившегося корпуса эпистолярного наследия этих писателей. В частности, были запланированы следующие виды научной деятельности:

– подготовка к публикации текстов переписки М. А. Волошина с М. Сабашниковой;

– подготовка к публикации писем М. А. Волошина 1890–1900-х гг.;

– подготовка к публикации писем А. М. Ремизова 1900–1920-х гг.

5.2. **Полученные результаты.**

В виду значительности эпистолярного наследия каждого из писателей, проект был разделен на два самостоятельных направления, соответственно – «ремизовский» и «волошинский».

В результате проделанной работы исполнителями проекта достигнуты следующие индивидуальные результаты:

– А. В. Лавров подготовил к публикации тексты писем М. А. Волошина за 1893-1902 гг. (всего около 250 писем к различным адресатам, выстроенных в хронологической последовательности); проведен их компьютерный набор; в настоящее время ведется составление комментария к этим эпистолярным документам. На основании проделанной работы, помимо заявленного результата, представляется возможным подготовить к печати и включить в состав Собрания сочинений М. Волошина два тома его писем (первые семь томов из девяти книг, составляющих полный корпус сочинений писателя, уже вышли в свет).

– Р. П. Хрулева провела копирование, компьютерный набор и подготовку к печати полного корпуса переписки М. А. Волошина с его первой женой М.В.Сабашниковой; общий объем переписки – более 500 писем.

– Е. Р. Обатнина осуществила отбор и компьютерный набор текстов переписки А. М. Ремизова с Д. В. Философовым (1903–1921; 43 письма из фондов РНБ, ИРЛИ); писем Ремизовых к Розановым (1905–1918; 9 писем из фондов РГАЛИ), переписки Ремизова и С. Я. Осипова (1913–1923; 53 письма из фондов ИРЛИ и Центра русской культуры в Амхерсте (США)); выявлены и отобрана для публикации переписка Ремизова и М. А. Кузмина.

– А. М. Грачева осуществила отбор текстов корпуса писем А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву (1902–1918; 133 письма; ИРЛИ. Ф. 627); проведен компьютерный набор этих текстов.

– И. Ф. Данилова провела работу по выявлению в архивохранилищах сохранившихся писем Ремизова и Л. Шестова: определен основной корпус текстов и необходимый объем

комментариев; произведено копирование и частичная сверка текстов писем; начата работа по их комментированию; составлен примерный список лиц, упоминаемых в переписке. В настоящее время скопированы и сверены с оригиналами письма Шестова к Ремизову 1905–1919 гг. объемом около 8 а. л. В ходе разысканий в собрании П. Л. Вакселя (РНБ. Ф. 124) среди писем к неустановленным лицам обнаружено письмо Шестова от 31 января 1913 г. Собран архивный и научный материал для работы над примечаниями.

5.3. **Новизна полученных результатов исследования**.

Новизна проделанной работы, обуславливается тем фактом, что объектом исследования – культурологического осмысления, научного комментирования и в конечном итоге публикации – являются уникальные эпистолярные комплексы материалов, расширяющие сложившиеся представления о творчестве и индивидуальных особенностях крупнейших писателей начала XX века. Помимо рукописей художественных произведений, творческое наследие М. А. Волошина и А. М. Ремизова, включает в себя обширную переписку с современниками, многие из которых являлись представителями художественно-литературной элиты своего времени. Богатейшее собрание писем, сохранившееся в личных фондах писателей, в настоящее время рассредоточено по государственным и частным архивам России и зарубежья, что требует не только их объединения в единый эпистолярный текст (сборник), но и всестороннего историко-литературного осмысления.

Ремизов и Волошин принадлежали к одному поколению писателей-модернистов. Каждый из них, по-своему ярко и своеобразно, объективировал творческие тенденции эпохи. Однако соединение двух имен в рамках настоящего проекта обуславливается множеством личностных и творческих пересечений. Личностно Ремизов и Волошин сопоставимы на уровне осознанного построения автомифологии. Дарование этих писателей не ограничивалось собственно литературным творчеством: каждого из них отличало стремление расширить сферу литературного труда, обогатив его устойчивыми связями с графическим искусством. Яркие талантливые рисовальщики Ремизов и Волошин внесли существенные коррекции в понятие литературного быта, нередко используя свой художественный талант в эпистолярной практике.

Новизна проделанной работы, в частности, заключается в том, что в научный и читательский оборот, в максимально полном объеме, впервые вводится эпистолярный корпус М.Волошина. Лишь часть писем Волошина за 1893–1902 гг. и малая часть его писем к М.Сабашниковой ранее были опубликованы. Письма Сабашниковой к Волошину никогда ранее не печатались. Впервые эти документы будут сопровождаться

развернутыми комментариями. По своей историко-литературной значимости этот большой эпистолярный корпус сопоставим с таким выдающимся памятником эпистолярной культуры модернистской эпохи, как переписка Александра Блока с женой. Это – своего рода «роман в письмах», эмоционально предельно насыщенный и очень характерный в плане отображения внутреннего мира корреспондентов и круга культурно-исторических интересов и ассоциаций, отличительных для носителей символистского «жизнетворческого» сознания. Итоговой целью выполненной подготовительной работы является подготовка к печати по возможности полного корпуса писем Максимилиана Волошина в общем хронологическом ряду, сосредоточенных в фонде Волошина в Рукописном отделе Пушкинского Дома, а также в других архивохранилищах Петербурга и Москвы. Лишь малая часть этого эпистолярного свода, который должен составить несколько томов, была до сих пор опубликована. Работа над этим проектом явиляся естественным продолжением и завершением собрания сочинений Волошина в семи томах (девяти книгах), который осуществлен Пушкинским Домом в 2003–2008 гг.

Характеристика новизны проделанной работы касается и исследования эпистолярного наследия А. М. Ремизова. Впервые собирается и представляется как личностное и художественное целое значительная часть эпистолярного наследия писателя. Готовится том переписки Ремизова с такими известными представителями русской дореволюционной культуры, как П. Е. Щеголев, Л. И. Шестов, Д. В. Философов, М. А. Кузмин , С. Я. Осипов.

Инновационный характер исследования в данном случае определяется тем, что эпистолярная практика Ремизова характеризуется стремлением писателя к яркому самовыражению, сменой стилистической манеры, разнообразием декоративных элементов (применением разных шрифтов, каллиграфического искусства, миниатюрных спонтанных зарисовок и пр.). Накопленный участниками проекта исследовательский опыт в этой сфере творчества Ремизова дает возможность выявлять различные типы его эпистолярия. Издание писем Ремизова подразумевает осмысление эдиционных принципов воспроизведения особенностей ремизовского «письма». Пристального внимания в этом смысле заслуживает переписка Ремизова с Л. И Шестовым, Д. В. Философовым и М. А. Кузминым, изобилующие не только бесценными сведениями о творческом развитии писателя, но и представляющие собой уникальный образец ремизовской графики, передающей интонационные обертоны эпистолярного стиля общения, свойственные писателю. Отсутствие знаков препинания в этих посланиях в большинстве случаев возмещается специфическим расположением строк, сменой цвета чернил, что соседствует

с вполне нормативным применением правил пунктуации, являясь выражением авторской индивидуальности.

5.4. **Научная и практическая значимость результатов исследования**. Научная и практическая значимость проделанной работы заключается в том, что современному читателю будет предоставлена возможность ознакомиться с эпистолярным наследием М.Волошина и А. М. Ремизова в максимально полном объеме. Вводимые в оборот документы представляют большую значимость для изучения биографии писателей-модернистов, их творчества и истории русского литературного процесса начала XX века в целом.

5.5. **Актуальность результатов исследования**.

В настоящее время эпистолярная культура, к сожалению, либо сходит на нет, либо утрачивает свои привычные, канонические, формы. Актуальность проделанной работы объясняется тем, что одной из важнейших специфических особенностей творческого самовыражения русских писателей модернистской эпохи являлось отсутствие четкой демаркационной линии между собственно художественным творчеством и теми формами творческого поведения, которые в символистском кругу определялись как «жизнетворчество». Писатели творили не только свои книги, но и свою жизнь, бытовые обстоятельства преображались и перекодировались под эстетическим, религиозным, «жизнестроительным» углом зрения. Конкретным образом этот культурный феномен находил свое воплощение не только в собственно творческих текстах, но и в тех документах, которые обычно рассматриваются и оцениваются в чисто биографическом плане, но в данном случае обретают и дополнительные смысловые обертоны. В указанный исторический период переписка писателей-модернистов играла исключительно важную роль – не только в плане обычной житейской коммуникации, но и как форма воплощения символистского творческого самосознания.

5.6. **Соответствие полученных результатов исследования мировому научному уровню**. Данный проект не имеет аналогов в научной литературе, посвященной писателям первой половины XX столетия. На сегодняшний день важнейшие эпистолярные документы этой эпохи еще не введены в исследовательский и читательский оборот. Биография писателей, поставленных авторским коллективом настоящего проекта в центр изучения, вобрала ключевые события дореволюционной истории России, советского строя первой трети XX века и жизни русской эмиграции 1920-1950 гг. Сквозь переписку этих писателей проходит смена культурных и исторических кодов, соответствующих

различным социокультурным отношениям. Результаты проекта должны стать своего рода академическим ориентиром для последующих работ по изучению эпистолярного наследия эпохи литературного модернизма.

6. **Общее число опубликованных по проекту работ**

7. **Список опубликованных монографий и сборников статей**

8. **Список опубликованных по проекту статей**

9. **Список книг, сданных в печать или поданных на издательские гранты**

10. **Экспедиции, проведенные в рамках проекта**

11. **Конференции, организованные в рамках проекта**

12. **Важнейшие научные результаты работы по проекту**

Подготовлены к публикации тексты писем М. А. Волошина за 1893-1902 гг. (всего около 250 писем к различным адресатам, выстроенных в хронологической последовательности); проведен их компьютерный набор; в настоящее время ведется составление комментария к этим эпистолярным документам. На основании проделанной работы, помимо заявленного результата, представляется возможным подготовить к печати и включить в состав Собрания сочинений М. Волошина два тома его писем (первые семь томов из девяти книг, составляющих полный корпус сочинений писателя, уже вышли в свет).

Проведено копирование, компьютерный набор и подготовка к печати полного корпуса переписки М. А. Волошина с его первой женой М.В.Сабашниковой; общий объем переписки – более 500 писем.

Осуществлен отбор и компьютерный набор текстов переписки А. М. Ремизова и Д. В. Философова (1903–1921; 43 письма из фондов РНБ, ИРЛИ); писем Ремизовых к Розановым (1905–1918; 9 писем из фондов РГАЛИ), переписки Ремизова и С. Я. Осипова (1913–1923; 53 письма из фондов ИРЛИ и Центра русской культуры в Амхерсте (США)); выявлены и отобрана для публикации переписка Ремизова и М. А. Кузмина. Осуществлен отбор текстов корпуса писем А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву (1902–1918; 133 письма; ИРЛИ. Ф. 627); компьютерный набор этих текстов. Проведена работа по выявлению в архивохранилищах сохранившихся писем Ремизова и Л. Шестова (1905–1919 гг. общим объемом около 8 а.л.): определены основной корпус текстов и необходимый объем

комментариев; произведено копирование и частичная сверка текстов писем; начата работа по их комментированию; составлен примерный список лиц, упоминаемых в переписке.

13. **Наиболее значимый научный результат проекта**

На основании разносторонней архивной, текстологической и организационной работы по подготовке эпистолярного наследия писателей-модернистов к публикации были проведены предварительный анализ и отбор писем М. А. Волошина и А. М. Ремизова, предназначаемых к публикации, а также их компьютерный набор. Начата работа над подробными комментариями и аналитическими статьями, как для соответствующих сборников (итоговых в данном проекте), так и для других, дополнительных, публикаций.

17. **Краткое обоснование, цели и задачи проекта на 2010 г.,**

Проект «Эпистолярное наследие писателей-модернистов», рассчитанный на три года, направлен на подготовку научных изданий, которые позволят раскрыть историко-культурное значение эпистолярной традиции модернизма. Предполагается выполнить на основе проекта работу по научному, академическому, изданию серии томов, посвященных эпистолярному наследию выдающихся представителей русского модернизма – М. А. Волошина и А. М. Ремизова.

В рамках исполнения данного проекта и согласно утвержденному на 2010 год календарному плану предполагается осуществить сверку готовящихся к публикации писем Волошина и Ремизова, а также подготовить к ним необходимый историко-литературный комментарий. Для осуществления намеченных целей планируется решение следующих задач:

– завершить начатую ранее сверку текстов для корпуса писем по двум направлениям проекта (на основании эпистолярных документов из архивных собраний ИРЛИ, РНБ, РГБ, Национальной библиотеки Франции, Центра русской культуры в Амхерсте (США));

– осуществить работу по хронологической организации отобранного эпистолярного архивного материала;

– провести обширную работу по составлению историко-литературного комментария;

– осуществить предварительную работу по составлению именных указателей к корпусу писем Волошина и Ремизова.

3. 3. Источники научной биографии С.А.Есенина, руководитель кандидат филологических наук Максим Владимирович Скороходов

Создание научных биографий особенно актуально применительно к отечественной литературе XX века. Нынешний этап ее изучения характеризуется наличием большого числа публикаций литературного наследия, изданием монографий, посвященных различным вопросам творчества, созданием очерков жизни и деятельности. Однако научные биографии писателей XX века еще не написаны. В связи с этим изучение вопросов, связанных с источниковедением и подготовкой научных биографий, представляется актуальным. Впервые в рамках реализации данного проекта начата работа по подготовке научной биографии С.А.Есенина.

В 2001 году в ИМЛИ РАН завершилось издание Полного собрания сочинений С.А.Есенина в 7 томах (9 книгах), в подготовке томов которого руководитель данного проекта принимал активное участие (текстологическая и источниковедческая работа, подготовка текстов, научный комментарий, создание «Хроники жизни и творчества С.А.Есенина»). С 2003 года издается пятитомная (в 7 книгах) «Летопись жизни и творчества С.А.Есенина», в подготовке которой руководитель проекта также участвует (составитель и соавтор томов 1, 3–5, ответственный редактор последних томов).

Таким образом, степень изученности творческого наследия и жизненного пути С.А.Есенина делает возможным и актуальным создание его научной биографии. Ее первым этапом является создание полной источниковедческой базы данного научного труда. Выявление источников и их всестороннее изучение – необходимое условие создания научной биографии.

При исследовании источников нередко обнаруживается, что некоторые из них противоречат друг другу. Это может быть связано с тем, что воспоминания создавались спустя много лет после описываемых в них событий, поэтому в них отразились «ошибки памяти», произошло совмещение или наслоение эпизодов, отнесение событий к другому периоду и т. п. Эти противоречия нужно осмыслить и обсудить при анализе источников научной биографии, отметив наиболее достоверные и подтвержденные другими биографическими материалами.

Задачи проекта: выявление, критический анализ и систематизация источников научной биографии С.А.Есенина; введение в научный оборот новых материалов, связанных как с жизнью и деятельностью поэта, так и с литературным процессом первой четверти XX века.

С целью реализации этих задач проводилась работа в 2009 году. Она шла в нескольких направлениях.

Приоритетное внимание в 2009 году уделялось выявлению источников научной биографии С.А.Есенина в отечественной периодике 1923–1925 годов, прежде всего просмотру подшивок тех изданий, которые ранее были мало известны (в период подготовки Полного собрания сочинений С.А.Есенина значительная часть журналов, хранящихся в РГБ, была заштабелирована). Выявленные материалы позволяют расширить представление о значимости творчества С.А.Есенина для его современников, раскрывают страницы литературной жизни первой половины 1920-х годов.

Приведем подтверждающий это пример. Есенин в августе 1923 г. сообщает корреспонденту газеты «Трудовая копейка» (1923, № 5) о планируемом издании журнала «Вольнодумец». «Из личной беседы с Есениным выяснилось, – пишет газета, – что им налажено в Москве издание нового журнала “Вольнодумец”, который будет отражать новое культурстроительство, а не заниматься прикладничеством и агитками, как “Леф”. В работе “Вольнодумца”, кроме возглавлявшего <так!> журнал Есенина, ближайшее участие будут принимать Ан. Мариенгоф и Вад. Шершеневич».
Это сообщение о том, что после возвращения на родину из заграничной поездки для Есенина значимым стало создание собственного журнала, подтверждают воспоминания Рюрика Ивнева. Он приводит слова поэта: «Я имажинизма не бросал, но я не хочу видеть этой “Гостиницы”, пусть издает ее кто хочет, а я буду издавать “Вольнодумец”». Журнал «Вольнодумец» упоминается и в мемуарах М.Д.Ройзмана.

Весной 1924 г. Есенин обращается в правление Ассоциации вольнодумцев с заявлением: «Совершенно не расхожусь с группой и работаю над журналом “Вольнодумец”, в который и приглашаю всю группу.
В журнале же “Гостиница” из эстетических чувств и чувств личной обиды отказываюсь участвовать окончательно, тем более что он мариенгофский.
Я капризно заявляю, почему Мариенгоф напечатал себя на первой странице, а не меня» (ПСС Есенина, VII (2)).

11 апреля 1924 г. Есенин пишет В.Г.Шершеневичу: «Милый Вадим! Дай, пожалуйста, статью о совр<еменном> стих<отворном> искус<стве> и стихи для журнала “Вольнодумец” (ПСС Есенина, VI, 165).

Таким образом, информация газеты «Копейка», выявленная в ходе реализации данного проекта, является еще одним свидетельством того, что С.А.Есенин на протяжении нескольких месяцев активно занимался вопросом создания собственного журнала (замысел не был реализован), а также свидетельствует о том, что этот замысел возник у Есенина уже в августе 1923 г.

Выявленные материалы позволяют расширить контекст восприятия творчества С.А.Есенина его современниками. Так, в рецензии на берлинское издание книги С.А.Есенина «Собрание стихов и поэм», опубликованной в литературно-художественном, научно-популярном и иллюстрированном альманахе «Возрождение» (1923), творчество поэта сопоставляется с наследием А.А.Блока, рассматривается отношение к С.А.Есенину представителей русского зарубежья.

Неоднократно упоминается С.А.Есенин на страницах петроградского (ленинградского) еженедельного журнала «Жизнь искусства». Например, сообщается о посещении поэтом Центральной агитстудии Политпросвета (бывшей театральной студии В.В.Шимановского; Петроград, Стремянная ул., 10). Обсуждалась возможность постановки моноспектакля по драматической поэме С.А.Есенина «Пугачев». Эти сведения подтверждаются воспоминаниями современников поэта – Вс. Рождественского, С.Г.Вышеславцевой, А.Г.Вышеславцевой (с 1925 г. – жены В.В.Шимановского).

Отметим, что обращение к мемуарным источникам необходимо в ходе работы постоянно для прояснения и уточнения содержащейся в газетных и журнальных материалах информации. Так, для прояснения вопроса о встречах С.А.Есенина в 1924 г. с В.А.Мануйловым и К.Л.Зелинским были изучены не только их собственные мемуары, но и воспоминания других современников С.А.Есенина.

Внимательно изучались и книги первой половины 1920-х годов с целью выявления упоминания в них С.А.Есенина. Например, проведен сопоставительный анализ разных издания книг В.Я.Брюсова «Основы стиховедения. Курс В.У.З. Части первая и вторая. Общее введение. Метрика и ритмика», П.С.Когана «Литература этих лет. 1917—1923», В.Л.Львова-Рогачевского «Новейшая русская литература», Л.Д.Троцкого «Литература и революция», «Зеленый шум: Хрестоматия для трудовой школы. Первый год»

(составители Е.Е.Соловьева, В.И.Волынская и другие), В.Флерова «Ясное утро: Вторая книга для чтения» и др. Была выявлена эволюция взглядов авторов в анализе жизни и творчества С.А.Есенина.

Однако приоритетное внимание уделялось изучению тех изданий, которые ранее не попадали в поле внимания исследователей творчества поэта. Интересной находкой стала книга Анатолия Машкина «Литература и язык в современной школе. Эскизы» (Государственное издательство Украины, 1923), в которой рассмотрению С.А.Есенина уделяется значительное внимание. Автор книги, пытаясь прийти «по его произведениям к определению его классовой сущности», пишет: «Перед нами поэзия Есенина, с его деревней, озерами, лугами, коровами, собаками, с ее легендами. Деревня в привольном краю, где классовые противоречия еще не выявились, довольства-достатка много. Есенин — детище таких отношений. Анализ его стихов указывает на это. В результате — решение философской проблемы». В книге А.Машкина сопоставляется творчество С.А.Есенина и его современников.

С октября 2009 г. начался просмотр есенинских материалов, хранящихся в Отделе рукописных и книжных фондов ИМЛИ им. А.М.Горького РАН. Автографы самого поэта были обследованы и введены в научный оборот при подготовке его полного собрания сочинений. Однако воспоминания современников, непосредственно не связанные с историей создания есенинских произведений, изучены не полностью. Отметим, что изучение этого массива источников важно не только для разработки научной биографии С.А.Есенина, но и для раскрытия литературного контекста 1920-х годов. Многие мемуаристы рассматривают жизнь и творчество поэта разных периодов, поэтому эти материалы требуют систематизации и сопоставительного анализа с другими источниками.

В 2009 году выявленные в ходе реализации проекта материалы были введены в научный оборот благодаря выступлениям руководителя проекта на конференциях с докладами:

– «Выявление источников и определение степени их достоверность как этап биографического исследования» на Седьмых биографических чтениях памяти В.Иофе (Санкт-Петербург. Апрель 2009). В докладе рассматривались вопросы, связанные с выявлением степени достоверности источников научной биографии, в том числе на материалах, обработанных в ходе реализации данного проекта;

– «"Плач о Есенине" Н.А.Клюева в контексте поэтических откликов на смерть поэта» на научной конференции «Первые всероссийские Клюевские чтения» (Томск, Томский гос. университет, 23–25 окт. 2009).

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников) –

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации (до 0,5 стр.) –

8. Список опубликованных по проекту статей (объемом не менее 1 п.л.) –

9. Список книг, сданных в печать или поданных на издательские гранты (указать ожидаемое время издания, объем в а.л.) –

10. Экспедиции, проведенные в рамках проекта (регион, руководитель, сроки, тематика исследований, полученные результаты, их значимость – до 2 стр.) –

11. Конференции, организованные в рамках проекта (название, место и сроки проведения, обсуждаемые проблемы, результаты)

В рамках реализации проекта проведена Международная научная конференция «Проблемы научной биографии С.А.Есенина», посвященная 114-й годовщине со дня рождения С.А. Есенина (ИМЛИ РАН, Рязанский государственный университет имени С.А.Есенина, Государственный музей-заповедник С.А.Есенина). Руководитель проекта – организатор конференции от ИМЛИ им. А.М.Горького РАН. Конференция прошла с 15–17 октября 2009. Прозвучало свыше 70 докладов ученых России, Беларуси, Украины, США, Франции. На конференции рассматривались вопросы, связанные с научным изучением биографии Есенина, введены в научный оборот новые материалы, охарактеризованы малоизвестные факты общения С.А.Есенина с современниками. Руководитель проекта выступил на пленарном заседании с докладом на тему «Создание научной биографии С.А.Есенина как актуальный исследовательский проект».

12. Важнейшие научные результаты работы по проекту

Приоритетное внимание в 2009 году уделялось выявлению источников научной биографии С.А.Есенина в отечественной периодике 1923–1925 годов, прежде всего

просмотру подшивок тех изданий, которые ранее были мало известны (в период подготовки Полного собрания сочинений С.А.Есенина значительная часть журналов, хранящихся в РГБ, была заштабелирована). Выявленные материалы позволяют расширить представление о значимости творчества С.А.Есенина для его современников, раскрывают страницы литературной жизни первой половины 1920-х годов.

Ведется просмотр есенинских материалов, хранящихся в Отделе рукописных и книжных фондов ИМЛИ им. А.М.Горького РАН. Воспоминания современников, непосредственно не связанные с историей создания есенинских произведений, изучены не полностью. Введение в научный оборот этого массива источников важно не только для разработки научной биографии С.А.Есенина, но и для раскрытия литературного контекста 1920-х годов.

В рамках реализации проекта проведена международная научная конференция (Москва – Рязань – Константиново), прозвучали доклады руководителя проекта на научных конференциях в Вытегре Вологодской области и Томске.

В 2010 г. планируется продолжение работы по выявлению и систематизации источников научной биографии С.А.Есенина (просмотр книг, периодических изданий, архивных источников). В первом полугодии 2010 г. будет продолжена работа в Отделе рукописных и книжных фондов ИМЛИ им. А.М.Горького РАН. Параллельно с выявлением источников будет проводиться сопоставительный анализ выявляемых в них фактов со сведениями, содержащимися в других материалах. Это позволит отсеять те воспоминания и другие архивные материалы, степень достоверности которых вызывает серьезные сомнения. Будет проведен фронтальный просмотр периодики конца 1925 – начала 1926 г. с целью выявления источников, наиболее полно описывающих последние дни жизни С.А.Есенина.

Для введения в научный оборот материалов, выявленных в ходе реализации проекта, планируются выступления руководителя проекта на конференциях в Москве (конференция, посвященная 115-летию со дня рождения С.А.Есенина), Санкт-Петербурге (Восьмые биографические чтения памяти В.Иофе), на международной научной конференции, организуемой Канадской ассоциацией славистов (Канада, Монреаль).

3. 4. Текстологические проблемы наследия Н.А. Клюева, руководитель -- Субботин Сергей Иванович, к. ф. н.

Десять лет назад вышел свод стихотворений и поэм Н.А. Клюева «Сердце Единорога» (СПб.: Изд-во РХГИ, 1999), снабженный комментариями, в которых приводится ряд вариантов текстов, включенных в книгу. Однако это репрезентативное по составу издание, к сожалению, оказалось далеко не свободным от ошибок (как в самих текстах поэта, так и в вариантах к ним). После выхода «Сердца Единорога» в свет число проблем, встающих перед исследователями и издателями Клюева, не уменьшилось, а, скорее, возросло. Ошибки, о которых идет речь, ныне стали тиражироваться во вновь издаваемых книгах поэта (назовем, к примеру. новейшую из них: *Клюев Н.* Избранное. М.: ОГИ, 2009). Таким образом, специальное исследование истории создания поэтических произведений Клюева – насущная и весьма актуальная задача.

В соответствии с планом деятельности на 2009–2011 гг., представленным нами организаторам настоящей программы, в отчетном 2009 г. была проведена систематическая текстологическая работа со стихотворениями Клюева 1905–1917 гг.

Были изучены следующие рукописные и печатные источники:

*А. **Автографы** поэта:*

– приложенные к его письмам А. Блоку и А. Ахматовой (РГАЛИ; 59 текстов, 1907–1911 гг.);

– отложившиеся в архиве В.С. Миролюбова (ИРЛИ; 6 текстов; 1907 и 1914 г.) и примыкающие к ним 4 текста того же времени, числящиеся в разрядной описи ИРЛИ;

– приложенные к одному из его писем В. Брюсову (РГБ, 5 текстов, 1911 г.);

– являющиеся частью его личного архивного фонда в отделе рукописей ГЛМ (18 текстов середины 1910-зх гг.);

– отложившиеся в архивных фондах ОР РНБ (4 текста 1915-1916 гг.);

– входившие в состав первого варианта рукописи книги «Песнослов» (в двух «ковчежцах»), сданной издателю М.В. Аверьянову (ИРЛИ, 72 текста; 1917 г.).

Кроме того, в некоторых письмах Клюева (напр., В.С. Миролюбову) содержатся поправки к текстам, уже напечатанным. Это также было принято во внимание.

Б. *Публикации*:

– в авторских сборниках: «Сосен перезвон» (35 текстов; 1911), «Братские песни» (32 текста; 1912), «Братские песни: (Песни голгофских христиан)» (8 текстов; 1912), «Лесные были» (37 текстов; 1913), «Сосен перезвон» (34 текста; 1913, 2-е изд.), «Мирские думы» (21 текст; 1916);

– в журналах, газетах, альманахах, коллективных сборниках (около 200 текстов; 1905–1917 гг.).

Кроме того, в поле нашего зрения находились также книги Клюева с его правкой, в т. ч. экземпляры первого издания сборника «Сосен перезвон» (1911) с его дарственными надписями А. Блоку, В. Брюсову, Вяч. Иванову, Н. Гумилёву, Муни (С. Киссину) и др.

Изучение совокупности вышеуказанных материалов позволило проследить этапы работы поэта над целым рядом текстов своих произведений. Это, в свою очередь, дало возможность воссоздать их творческую историю.

Среди этих стихотворений 1907–1911 гг.– «Осенюсь могильною иконкой…», «Я говорил тебе о Боге…», «Обидин плач», «Песня о Соколе и о трех птицах Божиих», «Осинушка», «За лебединой белой долей…», «Помню я обедню раннюю…», «Ты всё келейнее и строже…», , «», «Я был в духе в день воскресный…», «Я надену черную рубаху…», «Сердцу сердца говорю…», «Не оплакано былое…», «Я за гранью, я в просторе…», «Нам закляты и заказаны…», Александру Блоку («Верить ли песням твоим…»), «Не жди зари, она погасла…», «Ты не плачь, моя касатка…», «Темным зовам не верит душа…», «Ветхая ставней резьба…», «Брачная песня», «Старый дом зловеще гулок…», «Я был прекрасен и крылат…» и «Отвергнув мир ,врагов простя…» (фрагмент творческой истории двух последних стихотворений, первоначально составлявших единое целое под заголовком «Что листья осени шептали», продемонстрирован в табл. 1).

Таблица 1

Первая редакция (автограф РГАЛИ, 1910 г.)	*Последующие редакции (1911 г.)*
Что листья осени шептали	**Изгнанник** *(журн. «Новая земля»)*

Я до рожденья был крылат В надмирном ангелов жилище. И райских кринов аромат Мне был усладою и пищей. Но смертной матерью рожден И человеком ставший ныне, Люблю я сосен перезвон, В лесной блуждающий пустыне. Светил заоблачных милей Мне тучи медленные стали, И крик осенних журавлей, Чем душ, представленных печали. Трудом рыбачьим проживя У моря зим и вёсен много, Седой и мудрый, как дитя, Сижу у хижины порога. Как эхо гор и крики цапль Над морем жалостны сегодня… Прибудет к берегу корабль И… воля сбудется Господня. На труп простертый Листопад Сухих навеет листьев груду… Я до рожденья был крылат И по отбытьи светел буду.	*Я был прекрасен и* крылат В надмирном ангелов жилище. И райских кринов аромат Мне был усладою и пищей. *Блаженной родины лишен* И человеком ставший ныне, Люблю я сосен перезвон, В лесной блуждающий пустыне. *Лишь одного недостает* *Душе в изгнания юдоли,* *Чтоб нив просторы, лоно вод* *Не оглашались стоном боли.* *Чтоб не стремил на брата брат* *Враждою вспыхнувшие взгляды* *И ширь полей, как вертоград,* *Цвела для мира и отрады,* *И чтоб похитить человек* *Венец Создателя не тщился,* *За что, посрамленный навек,* *Я рая светлого лишился.* *** * *** *(автограф РГАЛИ)* *Отвергнув мир, врагов простя,* *Собрат букашке многоногой,* *Как простодушное* дитя, Сижу хижины порога. *Внимаю морю, крику* цапль

	И белозобых пингвинов, *Ступить на радужный* корабль В душе надежды не отринув. *Уже в дуброве* Листопад *Намел смарагдов, меди* груду… Я *здесь бездумен и* крылат *И за морями* светел буду.

Кроме того, систематизированы материалы к творческой истории таких стихотворений Клюева, напечатанных в 1912–1917 гг., как, например, «Отгул колоколов, то полновесно-четкий…», «Братская песня», «Песнь похода», «Усладный стих», «Он придет! Он придет! И содро́гнутся горы…», «Свадебная», «Плясея», «Беседный наигрыш, стих дописный», «Поддонный псалом» и др.

На основе анализа рукописи первого варианта книги Клюева «Песнослов» (1917) прослежена также дальнейшая творческая эволюция текстов произведений поэта 1900-х годов.

В целом полученные результаты изучения творческой истории произведений Клюева 1905–1917 гг. послужат базой для составления их текстологических паспортов, без которых не обойтись при предстоящей подготовке научного издания Собрания сочинений поэта. Кроме того, выявлены и исправлены ошибки, допущенные в текстах предшествующих изданий произведений Клюева.

Направление IV – «Фольклор как форма существования текста», куратор – чл.-корр. РАН, Андрей Львович Топорков

4.1. Манифестация магического текста в фольклорной традиции славян и кельтов, руководитель – д.ф.н. Татьяна Андреевна Михайлова

В течение первого года совместной работы коллектив сконцентрировался в основном на заговорной традиции, широко представленной как в кельтском, так и в славянском фольклоре и традиционной культуре (в более широком смысле). Сопоставительное исследование велось в основном на материале прагаматически идентичных текстов, то есть – заговоров, имеющих оградительный характер (заговоры, имеющие своей

направленностью сглаз, порчу и иные вредоносные действия предполагается рассмотреть отдельно в ходе дальнейшей работы). В основе исследования лежал план выражения заговорного текста – его синтаксис и наличие в нем определенных формул (как собственно вербальных, так и шире – «синтаксических»), позволяющих провести сопоставительный анализ. Основная проблема, которую поставил перед собой коллектив: выявление относительно надежных критериев, которые могли бы позволить отделить «бродячие формулы» (и приемы) от формульных структур, которые могут быть охарактеризованы как своего рода семантическая и ментальная универсалия, проявляющаяся в сходных прагматических контекстах (то есть – единство плана содержания). Третьей возможностью интерпретации явного сходства плана выражения является – генетическое тождество материала, т.е. возведение его к единой индоевропейской традиции. В ходе работы была также отмечена возможность калькирования материала на вербальном уровне из одного источника, которым была традиция народного христианства, оперирующая латинским и греческим языками. Однако и она, в свою очередь, сформировалась в результате взаимодействия христианских верований с местной языческой традицией, с одной стороны, и эллинистическими верованиями, с другой.

6. Общее число публикаций за 2009 год:

1) Опубликовано – 3 (в сборнике «Магия формулы»)

2) Сдано в печать – 4

7. Опубликован сборник материалов круглого стола «Магия формулы». М.: Тезаурус. 2009. 65 с. (4 п.л.).

Для более широкого охвата материала коллектив провел однодневное заседание-круглый стол «Магия формулы», в работе которого, кроме непосредственных участников проекта приняли участие другие исследователи, работающие в данной области (см. – Приложение). В материалах круглого стола были также опубликованы исследования иностранных коллег (М.Фомин – Университет Ольстера, Великобритания, и Ж.Борч, Университет Амстердама, Нидерланды). Сопоставление представленных конкретных исследований позволяет сделать предварительный вывод: тенденция интерпретации сходных элементов в заговорных текстах как их **заимствованием**, так и генетическим **тождеством** вряд ли может быть названа оправданной. Скорее, мы имеем дело с универсальностью своего рода «заговорного синтаксиса», оперирующего ограниченным набором семантем.

8. Написанные по проекту статьи еще не вышли из печати!

9. –

10. –

11. Магия формулы. Институт языкознания РАН, 1 декабря 2009 г.

К работе были привлечены участники из других организаций, работающие в данной проблематике. Основной проблемой круглого стола было сопоставление близкого по форме и прагматике заговорного материала, принадлежащего к разным традициям (как регионально, так и в диахронии). Целью организаторов было также взаимное знакомство исследователей с новым для них материалом (например – рассказ о мало известных бретонских заговорах) и разработка единой методики анализа.

12. Важнейшие научные результаты работы по проекту:

Было проведено сопоставление таких фольклорных персонажей как славянская русалка и ирландская банши (вестница смерти). В рамках общей проблематики проекта в широком смысле слова (**текст** во взаимодействии с окружающей средой) была получена возможность осмысления темы в русле нарратологии.. Так, было выявлено понятие «текста банши» и «текста русалки» с их определенным синтаксисом, включающим в себя предикат и атрибут. В ходе сопоставительного анализа было выявлено, что для ирландского фольклорного персонажа **предикатом** является своего рода звуковой код – стоны и рыдания, которыми она (банши) предвещает смерть. При этом длинные распущенные волосы, которые банши расчесывает гребнем, являются для нее постоянным **атрибутом** и играют в «тексте банши» вторичную роль (т.е. могут быть в отдельных фольклорных свидетельствах не представленными). В противоположность этому, славянская русалка (вне зависимости от конкретных региональных номинаций) имеет в качестве предиката – расчесывание волос гребнем, тогда как предречение смерти (ср. поверье о том, что русалка может «навыть смерть») является атрибутом, причем – не постоянным. Для сопоставления привлекались также кельтские (и европейские) предания о морских девах (в русской переводческой традиции также часто ошибочно называемых русалками), в ходе анализа было выявлено, что в «тексте морской девы», **предикатом** является наличие рыбьего хвоста, а **атрибутом** – расчесывание волос гребнем, тогда как мотив предречения смерти в данных преданиях оказывается отсутствующим именно в силу синтаксической ограниченности фольклорного текста.

Было также проведено сопоставление традиционного оплакивания покойного как элемента погребальной обрядности. В ходе исследования была сформулирована оппозиция «мужской плач» (создающий комплекс славы-памяти умершего) ~ «женский плач» (обеспечивающий переход духовной ипостаси умершего в Иной мир). Проанализирован традиционный погребальный обряд в ирландской крестьянской среде и

выявлены составляющие его элементы, проведено сопоставление с русской погребальной обрядностью, а также с современным погребением в городской среде.

Кроме того, были сопоставлены функции имени собственного в заговорном тексте на кельтском и славянском материале и сформулированы понятия «фоновое имя» (актуализирующее религиозную ориентацию адресанта) и «субъектное имя» (имя того, по отношению к кому совершается сам бенефактив или малефактив). Было выявлено большее тяготение к языческому «фону» в славянском материале. В ходе работы анализу были также подвергнуты древнеирландские заговоры (8-9 вв.), сохранившиеся в рукописной монастырской традиции.

Также было проанализировано место заговора в ирландском средневековой традции. Несмотря на скудость имеющегося материала, было сделано предположение относительно места заговоров в системе раннесредневековой ирландской словесности: если заговоры представляли собой жанр, выделявшийся на основании его содержания и композиционных особенностей, то другие ирландские жанры, обладающие очевидной «магической» действенностью — в первую очередь сатиры, — определяются через ситуацию произнесения и, дополнительно, через специальное обозначение того коммуникативного акта, который предпринимается поэтом.

Проблема собственно функционирования славянского и кельтского фольклорного нарратива рассматривалась также в контексте установки на достоверность текста и сообщаемого в нем фактического материала, лежащего вне сферы рационального. Материалом послужило сопоставление русских быличек и бретонских фабулатов.

Результаты работы нашли отражение в 4-х статьях, сданных в печать (две – на английском языке для публикации в Хорватии), а также в 3-х небольших работах, опубликованных в материалах круглого стола «Магия формулы».

13. Наиболее значимый результат проекта:

На основании сопоставления кельтского и славянского фольклорного материала было выявлено большее тяготение к пережиткам паганизма в славянской среде, обусловленное, предположительно, не только более поздним принятием христианства в славянском регионе, но и самой формой бытования в нем официальной религии (большая толерантность православия по сравнению с католицизмом).

4.2. Биобиблиографический словарь русских фольклористов (XVIII-XIX вв.), руководитель – чл.-корр. РАН Андрей Львович Топорков

1. В журнале «Антропологический форум. Online» опубликована подборка материалов о Словаре, включающая статью А.Л. Топоркова с общим концептуальным обоснованием проекта, статью Т.Г. Ивановой, в которой определяется место будущего Словаря среди существующих биографических и библиографических пособий, а также ответы специалистов на вопросы, предложенные авторами проекта. Общее впечатление, которое остается от знакомства с этими ответами, заключается в том, что такая работа назрела и нужна не только будущим читателям, но и прежде всего самим фольклористам. Это дает надежду на то, что у проекта действительно есть все шансы воплотиться в жизнь. Уже при первой попытке сформировать авторский коллектив мы получили горячую поддержку, прежде всего со стороны фольклористов, проживающих вне Москвы и Санкт-Петербурга. Очевидно, что работа над Словарем могла бы дать мощный стимул для развития региональной фольклористики и ее историографии.

Основные критические замечания, которые содержатся в публикуемых откликах, касаются критериев включения или, наоборот, невключения в Словарь тех или иных «пограничных» персоналий. Действительно, здесь пока много неясного. Несомненно, мы будем обдумывать эти вопросы и обсуждать их с коллегами. Хотелось бы только отметить, что некоторая «пластичность» и нежесткая заданность общей конструкции предоставляет составителям Словаря определенную свободу действия, которая совсем для них небесполезна. Ведь решение о том, следует ли включать в Словарь статью, посвященную тому или иному индивиду, в реальности будет определяться не только тем, насколько он «подходит» для Словаря, но и тем, найдется ли автор для той или иной статьи.

2. Подготовлен Пробный выпуск Биобиблиографического словаря русских фольклористов.

Пробный выпуск включает 5 разделов: 1) Общая концепция Словаря; 2) Методические вопросы; 3) Пробные статьи; 4) Именные индексы.

Оглавление Пробного выпуска:

Часть 1. Общая концепция Словаря

Топорков А.Л. Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь

Часть 2. Методические вопросы

Инструкция (правила оформления словарной статьи)

Приложение к инструкции (список сокращений)

Список основных справочных изданий

Методика работы над биографиями краеведов-фольклористов
(на материале биографии П.А.Иванова)

Часть 3. Пробные статьи

3.1. Статьи о русских фольклористах

Андерсен В.Н., Афанасьев А.Н., Богатырев П.Г., Виноградов П.Т., Григорьев А.Д., Карнаухова И.В., Марков А.В., Миллер В.Ф., Минх А.Н., Озаровская О.Э., Ончуков Н.Е., Смирнов А.М., Шейн П.В., Якубович А.Ф.

3.2. Статьи о краеведах

3.2.1 Статьи об олонецких краеведах

Дозе Ф.И., Докучаев-Барсов К.А., Дуров И.М., Нечаев А.Н., Шайжин Н.С.

3.2.2 Статьи об омских краеведах

Герасимов Василий Николаевич (псевд.: Югом-пелик); Голодников Капитон Михайлович; Ивановский Василий Александрович; Костюрина (урожд. Емельянова) Мария Николаевна; Луговский Лев Евграфович; Скалозубов Николай Лукич

3.2.3 Статьи об архангельских краеведах

Иванов П.А., Розанов И.Ф.

3.2.4 Статьи о владимирских краеведах

Белин Иван Андреевич; Бережков Доримедонт; Бережков Михаил Николаевич; Богородский Василий Павлович; Бодров Н.; Борисов Владимир Александрович;

Борисоглебский Яков Иванович; Веселовский Константин Александрович; Гарелин Яков Петрович; Голышев Иван Александрович; Грацилевский Иван (Иоанн) Петрович; Гребнер Вильгельм Августович, фон; Гундобин Петр Ильич; Гусев Федор Петрович; Добротворский Николай Александрович; Доброхотов Василий Иванович; Добрынкин Николай Гаврилович; Добрынкина (урожд. Инихова) Екатерина Павловна; Журов Федор Гаврилович; Корнилов Николай; Ландышев Петр Михайлович; Майков Аполлон Александрович; Маков Козьма Семенович; Маркелов Николай Парфенович; Меморский Николай Иванович; Муханов(?); Надеждин Ксенофонт Федорович; Нарбеков Ксенофонт Иванович; Нефедов Филипп Диомидович; Орлов Петр Матвеевич; Панов Павел Васильевич; Поздняков Тимофей Васильевич; Полисадов Сергей Никитич; Розов Александр Алексеевич; Синодский Павел; Смирнов Александр Васильевич (псевд. А.Вашкинский и др.); Смирнов Алексей Маркович; Соколов(?); Соловьев Николай Иванович; Сперанский Николай Иванович; Сперанский Федор Иванович; Способин Иван Иванович; Стеченко Александр Иванович; Тихонравов Константин Никитич; Товаров Г.; Тюлин Иван М.; Уварова (урожд. Щербатова) Прасковья Сергеевна; Успенский Иоанн; Уткин Ф.; Чихачев Андрей Иванович.

3.3. Статьи о русских писателях

О словарных статьях, посвященных писателям

Нефедов Ф.Д., Пришвин М.М., Пушкин А.С.; Есенин С.А.

Часть 4. Именные индексы

4.1. Словник русских фольклористов XVIII-XIX вв. (по алфавиту)

4.2. Словник русских фольклористов XVIII-XIX вв. (по тематических группам)

Пробный выпуск Биобиблиографического словаря русских фольклористов подытоживает предварительный (подготовительный) этап работы над Словарем и одновременно может быть рассмотрен как заявка на полнотекстовый вариант Словаря, который мы предполагаем осуществить 2010-2011 гг.

Составители осознают, что не все статьи, включенные в Пробный выпуск, в равной мере отвечают общей концепции Словаря, однако слишком высокая степень унификации статей представляется нам на данном этапе не вполне целесообразной.

При отборе статей для Пробного выпуска мы исходили из того, чтобы представить как можно шире возможный спектр персоналий. В связи с этим в пробный выпуск включены и статьи о классиках русской науки о фольклоре (Афанасьев А.Н., Богатырев П.Г., Марков А.В., Миллер В.Ф.), и малоизвестные краеведы из Владимирской, Архангельской, Олонецкой и других губерний европейской части России и Сибири. Представлены в Пробном выпуске и собиратели фольклора — от таких известных, как П.В. Шейн, О.Э. Озаровская, Н.Е. Ончуков, до таких малоизвестных, как П.А. Иванов и И.Ф. Розанов. Отражены и биографии ученых, которые провели большую часть своей жизни за границей (Андерсен В.Н.).

Здесь есть ученые и собиратели фольклора, которые жили и в 19, и в 20 вв.; по соображениям этическим мы отказались только от того, чтобы включать в Пробный выпуск статьи о ныне живущих.

В связи с тем, что одна из основных целей нашего Словаря — воздать справедливость краеведам и другим представителям «глубинки», мы сочли целесообразным подготовить для пробного выпуска Словаря подборки статей о краеведах из нескольких губерний России. Надеемся, что эти подборки привлекут внимание фольклористов, проживающих в разных городах нашего Отечества и подвигнут их на изучение истории краевеведения на их собственной малой Родине.

Некоторые статьи о русских писателях (Пушкин А.С.; Есенин С.А.), помещенные в пробном выпуске, пока не вполне отвечают представлениям составителей о том, какими должны быть статьи о писателях в нашем Словаре. Поэтому мы помещаем данные статьи в порядке дискуссии, для последующего обсуждения.

Новизна, научная и практическая значимость, актуальность работы обусловлены тем, что Библиографический словарь русских фольклористов будет первым изданием такого рода за всю историю отечественной культуры. Русская наука о фольклоре впервые будет представлена в персоналиях ее выдающихся и рядовых деятелей, во всем многообразии их собирательских и исследовательских методов и приемов.

Соответствие мировому научному уровню обеспечивается тем, что в подготовке издания участвуют крупнейшие специалисты по истории русской фольклористики. Будущий Словарь станет незаменимым справочным изданием для всех, кто интересуется устной словесностью и литературой, русской культурой и историей.

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников)

1. Топорков А.Л. Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь // Антропологический форум. 2009. № 11 Online. С. 1-10 (http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/11online/).
2. Т.Г. Иванова. К вопросу о словарной статье в Словаре фольклористов // Там же. С. 10-21.
3. Валентина Бахтина, Наталья Дранникова, Ирина Разумова, Татьяна Канева, Клара Крепова, Софья Лойтер. Ответы участников обсуждения проекта «Словаря фольклористов» // Там же. С. 22-33.
4. Топорков А.Л. Постскриптум [К обсуждению проекта «Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь»] // Антропологический форум. 2009. № 11 Online. С. 34-35 (http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/11online/). 0,1 а.л.

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации (до 0,5 стр.)

13.Наиболее значимый научный результат проекта (5-6 строк для сводного отчета в Президиум РАН)

Разработана общая концепция Биобиблиографического словаря русских фольклористов и словник персоналий; осуществлена публикация концептуальных статей о Словаре в журнале «Антропологический форум. Online»; организовано обсуждение проекта среди ведущих фольклористов России; подготовлен к печати Пробный выпуск Биобиблиографического словаря русских фольклористов (объем 15 а.л.).

4.3. Мультимедийная текстология фольклора (экспериментальное издание памятников, руководитель -- канд. фил. наук Елена Викторовна Минёнок

Работа 2009 года была посвящена разработке теоретических позиций и практическому применению **принципов соотнесения** новых технологических подходов (цифровая аудио и видеозапись) и традиционных фольклористических исследовательских методик. Причем эти принципы были разработаны соответственно жанровой разновидности исполняемого фольклорного произведения. Работа по документации исполнения носила прикладной характер, но анализ видеофайлов и вычлененных из видеозаписей сонограмм позволил создать систему соотнесения музыкальной и вербальной составляющей фольклорного текста.

В подразделе, выполненном В.Л. Кляусом было проанализировано исполнение «одного» фольклорного текста на разных языках. Это явление не редкое в так называемых контактных зонах, где проживают по соседству две или более этнических групп. Изучение этого позволяет рассмотреть вопросы специфики «перевода» фольклорного произведения, его трансформацией, обусловленной использованием иноязычных лингвистических средств, развитием в смысловом, а возможно и в жанровом отношении и т.д. Особое значение здесь также приобретают видеофиксации, позволяющие анализировать не только собственно словесный уровень произведения, но и его контекстуальный характер (акциональность, обстановку, реакцию слушателей и проч.).

Были выявлены следующие необходимые условия записи в билингвистичной среде: 1) отсроченность двух (или более) записей, когда между первой и последующей (последующими) проходит определенный временной срок, 2) первоначальная расшифровка-перевод текста с носителями той же языковой традиции в поле. Первое условие позволяет избежать эффекта обычного перевода текста исполнителем с одного языка на другой, если период между двумя записями короткий (к примеру, в течении одного-двух дней). Второе дает возможность более точно понимать текст, чем если бы он был переведен в камеральной обстановке уже по завершению экспедиции специалистами.

В рамках настоящего проекта был проведен эксперимент по видеофиксации сказочного текста от одного исполнителя, проживающего в т.н. Трехречье (Хулуньбуирский аймак Автономного Района Внутренней Монголии КНР, бассейн рек Ган, Хаул и Дербул, впадающих в Аргунь), где проживает в настоящее время метисное русско-китайское население, старшее поколение которого в одинаковой степени владеет русским и китайским языками.

В 2007 г. в п. Энхэ (русское название - Караванное) Трехречья была сделана видеозапись исполнения сказки «Петр I и кузнец» от Ивана Васильевича Васильева (86

лет). Учитывая специфику работы, заключающуюся в собирании именно русского фольклора в Китае, эта запись была сделана на русском языке. В 2009 г. в рамках данного проекта была сделана видеозапись той же сказки от исполнителя, но уже исключительно на китайском языке.

Обе видеозаписи расшифрованы. В последнем случае сделана не только расшифровка китайского текста, но и его подстрочный перевод на русский язык. Учитывая специфику эксперимента, это проделано прямо в Караванной с участием одного из немногих молодых жителей, хорошо говорящего на русском языке.

Проведен предварительный сравнительный анализ обоих текстов. Видеозаписи переведены в соответствующий цифровой формат для дальнейшей работы с ними и публикации в мультимедийном издании.

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников)

Подготовлено к печати 7 статей. Уникальной по глубине подачи материала является статья А.Л. Топоркова "Ритуалы и верования Обонежья XVII века (По материалам Олонецкого сборника заговоров)". Статья представляет собой анализ Олонецкого сборника заговоров второй четверти XVII в., хранящегося в Библиотеке РАН в Санкт-Петербурге.

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации (до 0,5 стр.)

Запланировано на 2010-2011 годы.

8. Список опубликованных по проекту статей (объемом не менее 1 п.л.)

Запланировано на 2010-2011 годы.

9. Список книг, сданных в печать или поданных на издательские гранты (указать ожидаемое время издания, объем в а.л.)

Запланировано на 2011 год.

10. Экспедиции, проведенные в рамках проекта (регион, руководитель, сроки, тематика исследований, полученные результаты, их значимость – до 2 стр.)

Экспедиции (руководитель Е.В. Миненок)

В 2009 году были осуществлены три комплексные фольклорные экспедиции ***Первая экспедиция:***

Регион: Ершичский район Смоленской области (с. Сукромля, с.Рухань, д. Лужная, д.Крестовая)

Сроки - 1-14 июня 2009 года

Тематика полевого исследования - «Запись многовариантного исполнения необрядовой лирики, а также иных фольклорных жанров, бытующих в регионе».

Научные результаты и значимость – Ершичский район географичеки располагается в бассейне реки Днепр. По составу фольклорной традиции примыкает к Смоленско-Брянскому пограничью. Регион является заповедником фольклорной традиции в объеме всех ее составляющих: текстовой, музыкальной, обрядовой. Уникальной чертой этого района является сохранение традиции мужского исполнения необрядовой лирики, которое исчезло повсеместно в данном регионе более полувека назад. Были осуществлены аудио и видеозаписи нарративов и исполнения обрядовых песен и необрядовой лирики. На материале, собранном в 2009 году, был разработан **каталог видеоэпизодов** задокументированной фольклорной традиции. Каждый видеоэпизрд разделен на звуковой трек (сонограмму), видеофайл и текстовый файл (расшифровку). Данный каталог войдет в корпус статей, планируемый опубликовать в 2010 году.

Вторая экспедиция:

Регион: Володар-Волынский район Житомирской области (д. Гацкивка, с.Крапивня, с.Лесобуда, с.Лесовщина).

Сроки: 20 июня по 4 июля 2009 года

Тематика полевого исследования - «Динамика изменения фольклорной традиции в селах

метрополии и переселенческих селах, образованных в начале XX века».

Научные результаты и значимость Володар-Волынский уезд Житомирской губернии являлся одних из украинских эпицентров проведения Столыпинской реформы (1906-1917). Значительная часть украинского населения покидала родные села и переезжала на постоянное жительство в Сибирь (преимущественно в Иркутскую область). Гранты, полученные автором в 2006-2008 годах, позволили исследовать часть сел Зиминского района Иркутской области. Данный грант предоставил возможность досконально изучить фольклорную традицию метропольных сел, из которых более ста лет назад произошло переселение крестьян. Были осуществлены аудио и видеозаписи музыкального фольклора (включая необрядовую лирику, календарные обрядовые песни, свадебные песни, баллады, духовные стихи - более 150 произведений). Выполненные видео и аудио записи позволят сопоставить две традиции (бытующую в метрополии и переселенческую), разделенные периодом в сто лет.

Третья экспедиция:

Регион: Сортавальский район, Карелия

Сроки: с 8 августа по 24 августа 2009 года

Тематика полевого исследования - «Новейшие переселенческие села: механизм наследования фольклорной традиции».

Сортавальский район Карелии до 1944 входил в состав Финляндии. С 1944 года район заселялся выходцами из разных районов Белоруссии. материалы, собранные в экспедиции, раскрыли закономерности сохранения традиции в ситуации переселения. Доминантной составляющей фольклорной традиции переселенческого населения оказался обряд «дзеды» - поминальный обряд, входящий в Троицкий цикл. Исполнение нарративов с элементами фольклорного текста существенно отличается от исполнения фольклорных текстов различной жанровой принадлежности, что подтверждается 3 часами видеозаписи. Сделанные выводы планируется подтвердить материалом, собранным в метропольных селах Белоруссии и белорусском переселенческом селе Тургеневка (Иркутская область, Баяндаевский район). Экспедиции запланированы на 2010 год.

11. Конференции, организованные в рамках проекта (название, место и сроки проведения, обсуждаемые проблемы, результаты)

О промежуточных результатах было сообщено на следующих конференциях и семинарах:

1) "Полевые этнографические исследования народов России на современном этапе" (Москва, Московский дом национальностей, 30 сентября), доклад Е.В.Миненок "Вопрос наследования традиций в контексте миграции различных этнических групп (на примере чувашей, русских, украинцев, поляков и белорусов)."

2) "Полевые этнографические исследования народов России на современном этапе" (Москва, Московский дом национальностей, 30 сентября), доклад В.Л. Кляуса «Запись фольклорных текстов в билингвистичной ситуации».

3) «Фольклорный архив в свете современных научных методологий и новых технологий» (к 100-летию Фонограммархива РАН)» (Институт русской литературы, Санкт-Петербург, 20-23 октября), доклад Е.В. Миненок «Перспективы исследования цифровых аудио и видеозаписей»

4) Фольклорная конференция, посвященная 90-летию Кирилла Васильевича Чистова. (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, Санкт-Петербург, 27-30 ноября), доклад А.Л.Топоркова «Проблема издания северно-русской заговорно-заклинательной поэзии».

13.Наиболее значимый научный результат проекта (5-6 строк для сводного отчета в Президиум РАН)

На основании проведенных экспедиций разработана система соответствия видеофайлов, звуковых файлов (сонограмм), текстовых файлов (расшифровок сонограмм) и текстовых файлов научных комментариев. Данная корреляция позволяет практически воплощать комплексный подход фиксации и изучения фольклорной традиции.

В 2010 году:

1) Будет осуществлена окончательная расшифровка, каталогизация и анализ собранного материала (июнь-август 2009 года).

2) На основе собранного, расшифрованного и каталогизированного материала коллектив проекта приступает к написанию авторских статей для запланированного

сборника.

3) Намечены экспедиции в переселенческие села Сибири (из Белоруссии) для подтверждения полученных данных в 2009 году, и в села белорусской метрополии.

4) Сведение на едином носителе видеофайлов, сонограмм и текстовых файлов при условии приобретения лицензионных программ Sound Forge Pro (версия 8.0) и Nuendo (версия 4.0).

5) В качестве сравнительного материала предполагается привлечение аудио/видеозаписей, хранящихся в фольклорном архиве ИМЛИ. Институт мировой литературы хранит уникальные аудио и видео коллекции записей, собранные в более чем 50 регионах по всему миру. Часть записей требует немедленной реставрации. Осуществление данного подраздела возможно при финансировании работ, выполнение которых будет поручено внештатным специалистам и сторонним организациям.

Исполнители проекта выражают надежду, что данный проект получит дальнейшее финансирование, которое, в свою очередь, позволит довести до публикации заявленный сборник по актуальную проблематике мультимедийности в фольклористике.

4.4. Аннотированный библиографический указатель: Восточнославянские заговоры, руководитель – д. ф. н. Татьяна Алексеевна Агапкина.

Проект посвящен заговорной традиции восточный славян. Составление аннотированного библиографического указателя восточнославянских заговоров призвано создать надежный инструмент для последующих исследований сравнительно-типологического характера. Актуальность этой работы обусловлена тем, что современный фольклористический дискурс оперирует по преимуществу несколькими известными собраниями заговоров, в то время как большая часть материалов из богатейшей дореволюционной коллекции заговоров оказывается за рамками исследовательского интереса. Это создает искаженную картину восточнославянской магической традиции, приводит к неточным результатам и некорректным выводам. Кроме того, общий уровень систематизации заговоров русских, украинцев и белорусов (как и большинства других жанров восточнославянского фольклора) оставляет желать лучшего — в отечественной научной традиции отсутствуют библиографические указатели, прежде всего аннотированные, даже приблизительно не известен ни количественный состав текстов,

как опубликованных, так и архивных, ни их функциональный состав (т.е. расклад корпуса текстов по функциональным группам), ни, естественно, сюжетный состав. Таким образом, каталогизация фольклорных материалов (как опубликованных, так и в перспективе архивных) по отдельным восточнославянским традициям, во-первых, отвечает требованиям современной науки в целом, а во-вторых, является для отечественной фольклористики насущной необходимостью.

В 2009 г. работа велась в нескольких направлениях.

I. В начале работы над проектом мы изучили материалы других указателей (отечественных и зарубежных) и сформулировали основные позиции аннотации для нашего будущего указателя, которая состоит из восьми пунктов.

1. Название и полные библиографические данные публикации, включая указание на страницы, если это книга, статья или публикация в сборнике. Если это издание разных материалов, где, среди прочего, публикуются и заговоры, то будут указаны страницы, на которых опубликованы именно заговоры.

2. Общая характеристика публикации. Публикацию должна быть охарактеризована в целом (специальная публикация заговорных текстов; региональная монография, где имеется соответствующий раздел; собрание материалов по народной медицине, где тексты заговоров помещены рядом с описанием магических действий и ритуалов; научная статья, где тексты заговоров помещены лишь в качестве комментариев и примеров, и т.д.).

3. Место записи материалов или их географическая характеристика.

4. Время записи материалов или их хронологическая характеристика. Если неизвестно, какого времени материалы, то сообщается «нет сведений».

5. Устные, рукописные или смешанные записи (подробно).

6. Общее количество текстов заговоров.

7. Функции и количество заговоров (от порчи, лихорадки и т.п.). Рядом с функцией заговора проставляется количество текстов (любовные - 3; порча - 7, лихорадка - 8, охотничьи - 2 и т.д.). Для обозначения функций используются слова литературного языка, а не диалектные термины, что должно в будущем дать возможность пользователю искать интересующие его материалы при помощи любой простейшей

поисковой системы.

8. Публикуются ли заговоры отдельно от ритуального и пр. контекста или же как часть, например, материалов по народной медицине.

II. Аннотированный указатель строится по хронологическо-национальному принципу, и в 2009 г. мы были заняты выявлением и описанием дореволюционных публикаций заговоров русских и белорусов (начало XIX в. — 1917 г.). За 2009 г. было составлено около 300 описаний. Однако основные усилия были сосредоточены на выявлении и установлении новых источников восточнославянских (прежде всего русских) заговоров, т.е. на поисково-библиографической работе. В результате нами выявлено более 70 газетных публикаций 19 - начала 20 в., включающих заговоры и рукописные молитвы, в составе 25 губернских и епартиальным ведомостей (по Архангельской, Владимирской, Вологодской, Волынской, Воронежской, Екатеринославской, Казанской, Калужской, Киевской, Костромской, Курской, Минской, Могилевской, Нижегородской, Новгородской, Пензенской, Пермской, Саратовской, Симбирской, Тульской, Уфимской, Харьковской, Черниговской и Ярославской губерниям), а также около 30 публикаций по другим газетам того же периода (Архангельск, Воронежский листок, Вятская газета, Днепровская молва, Донская волна, Донские областные ведомости, Киевлянин, Киевское слово, Кубанские областные ведомости, Московская медицинская газета, Нижегородская земская газета, Новости дня, Родина, Русские ведомости, Саратовский справочный листок, Северный край, Смоленский вестник, Фельдшер, Южный край и др.).

Для поиска публикаций такого рода были использованы как существующие указатели газетных публикаций (прежде всего по целому ряду губернских ведомостей), так и метод работы de visu, позволяющий найти публикацию заговоров и составить ее библиографическое описание непосредственно по изданию, а не каталогу или другому библиографическому пособию, а также сразу же составить и тематическую аннотацию.

Более половины выявленных газетных публикаций уже обработано и включено в указатель. Работа по выявлению и описанию газетных публикаций значительно осложняется тем, что в московских библиотеках дореволюционные газеты представлены очень скудно, а работа в Российской национальной библиотеке сопряжена с целым рядом сложностей финансового (стоимость гостиницы не

покрывается существующими нормативами оплаты проживания во время служебных командировок) и технического характера (значительные объемы газетных фондов, особенно старых, переведены в микрофильмы, что сильно затрудняет их использование). Тем не менее работа по дальнейшему выявлению газетных публикаций устных и рукописных заговоров и молитв, а также по описанию этих публикаций будет продолжена.

III. Следующий этап работы связан с выявлением и описанием публикаций, содержащихся в других (не газетных) периодических и продолжающихся изданиях. Эта работа осложняется тем, что количество самих изданий, в которых могут быть найдены необходимые публикации, равно как количество таких публикаций и их объем, значительно превышают объемы работы с газетным фондом. С другой стороны, сложность состоит еще и в том, что если крупные периодические издания (прежде всего фольклорно-этнографические, такие как Этнографическое обозрение или Живая старина), в основном центральные, т.е. выходившие в Санкт-Петербурге и Москве, а также издания специальные, хоть и не столичные (Киевская старина; Русский филологический вестник и др.), уже учтены в разного рода библиографиях и для некоторых из них составлены указатели статей, то в отношении большинства провинциальных изданий подобная работа практически никогда не проводилась, а таких изданий в каждой губернии было по нескольку, ср. хотя бы Труды Энской губернской ученой архивной комиссии, Вестник (Известия, Труды) Энского научного общества по изучению местного края; Памятные книжки по Энской губернии за 18... год и многие подобные издания.

Начатая работа по просмотру периодических и продолжающихся издания позволила выявить интересующие нас публикации заговорах в таких, казалось бы, непрофильных изданиях, как Труды Архангельского статистического комитета; Беседа; Ветеринарный вестник; Воскресный досуг; Грамотей; Записки Юрьевского Общества сельского хозяйства; Кормчий; Медицинская беседа; Вестник Олонецкого губернского земства; Просвещение Донбасса; Руководство для сельских пастырей; Русский медицинский вестник; Саратовский сборник. Материалы к изучению Саратовской губернии; Северный вестник; Старообрядческая мысль; Щит и вера и т.д.

Работа по выявлению и описанию публикаций из непрофильных и провинциальных периодических изданий будет активно продолжаться в течение всего времени работы над проектом, так как именно она, по нашей предварительной оценке,

должна дать основной приток новых, до сих не известных или не учтенных публикаций фольклорно-этнографических материалов по заданной теме.

IV. Наконец, четвертым направлением работы в течение 2009 г. было выявление и описание публикаций по одному из наиболее важных, богатых в фольклорно-этнографическом отношении и источниковедчески почти нетронутых русских регионов, а именно по Олонецкому краю. Дело в том, что заговоры, собранные на берегах Онежского озера, представляют собой уникальный корпус текстов. В количественном отношении это одна из наиболее богатых и хорошо представленных в источниках традиций Русского Севера, равно как и всего славянского мира. Особое значение олонецких заговоров обусловлено также тем, что они фиксировались на протяжении почти четырех веков: со второй четверти XVII в. до нашего времени. Таким образом, в рамках общего проекта аннотированного библиографического указателя восточнославянских заговоров выделяется отдельная задача — собрать всю возможную информацию о заговорах, записанных на территории Олонецкого края.

На данный момент нами выявлены несколько групп источников, касающихся заговоров Олонецкого края. Во-первых, это различные публикации XIX-XX вв. Среди них есть и хорошо известные (например, собрание П.Н. Рыбникова), и мало известные (например, публикации в Олонецких губернских ведомостях (ОГВ) и других местных изданиях), и совсем забытые. Среди публикаций в ОГВ следует особо выделить обширную работу Н. Кофырина «Суеверия крестьян села Песчанного, Пудожского уезда» (1900), включающую более 50 заговоров. К забытым, но очень ценным источникам надо отнести коллекцию пудожских заговоров, собранных В. Мансиккой в 1914 г. Эта обширная коллекция, включающая 243 текста, была опубликована в Праге в 1926 г.; к сожалению, она практически выпала из научного оборота.

Во-вторых, можно назвать ряд источников, которые увидели свет в самое последнее время. В частности, в сборнике «Отреченное чтение в России XVII-XVIII вв.» (М., 2002) помещены молитвы-заговоры из собрания крестьян Корниловых и «суеверная книжица» из собрания Казанского университета. «Книжица» была составлена около 1730 г., вероятно, жителем Олонецкого края: об этом свидетельствует то, что для укрепления переплета были использованы сложенные в несколько раз документы 1729 г. о взятии крестьян погоста Кижи на Петровские заводы. «Книжица» включает в себя 28 памятников «отреченной книжности», 17 из них — заговоры.

Кроме того, заслуживает внимания изданный в 2000 г. в Петрозаводске Т.С. Курец сборник «Русские заговоры Карелии», включающий 452 заговорных текста. В основу сборника положены материалы Научного архива КНЦ РАН, записанные главным образом в 1920-1930-е и 1970-1980-е гг. Всего, по данным Т.С. Курец, в Архиве были выявлены 592 заговора, в том числе из Прионежского района — 141, из Пудожского — 69, из Медвежьегорского — 48, из Кондопожского — 42. В то же время, поскольку при составлении сборника учитывалась в основном коллекция Научного архива КНЦ РАН, довольно много материалов осталось за рамками издания.

Таким образом, в рамках данного направления работы задача заключается в том, чтобы завершить составление аннотаций к выявленным источникам по Олонецкому краю, а также продолжить работу по их разысканию, в основном в местной периодике.

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников)
За 2009 год по проекту опубликовано 2 статьи.

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных нет

8. Список опубликованных по проекту статей:

1. Т.А. Агапкина, А.Л. Топорков. Белорусские версии Второго Мерзебургского заговора // Магия формулы. Вербальные магические практики в кельтской и славянской традиции: текст и контекст. МГУ, 2009.- 1 а.л.

2. Т.А. Агапкина. Восточнославянские заговоры от грыжи: Текст и ритуал // Фольклор: Текст и контекст. М., 2009. - 1,5 а.л.

9. Список книг, сданных в печать или поданных на издательские гранты нет

10. Экспедиции, проведенные в рамках проекта нет

11. Конференции, организованные в рамках проекта нет

Направление V – «Лингвистические аспекты исследования текста», куратор – чл.-корр. РАН, Владимир Александрович Плунгян

5.1. Дневниковый текст и его место в типологии повествовательных форм, руководитель -- д.ф.н. Анна Андреевна Зализняк,

В соответствии с заявленным планом работы, 2009 г. был посвящен выработке концептуального аппарата исследования. Был произведен критический анализ трудов по теории нарратива (Б.В.Томашевский, Б.М.Эйхенбаум, Ю.М.Лотман, Б.А.Успенский, В.В.Виноградов, Ж.Женетт, В.Шмид, Е.В.Падучева, О.Меерсон и др.), а также литературы, посвященной разным аспектам изучения дневниковых текстов (Ф.Лежен, К.Вьолле, Е.П.Гречаная, И.Паперно, И.Савкина, М.Ю.Михеев, О.Г.Егоров, Т.В.Радзиевская и др.) и разработан концептуальный аппарат лингвистического анализа дневникового текста, позволяющий квалифицировать в том числе «промежуточные» (между дневниковыми и художественными) типы текстов.

Определяющим фактором типологии нарратива является фигура повествователя, его позиция по отношению к автору, адресату/читателю и персонажам (ср. работы В.В.Виноградова, Б.А.Успенского, В.Шмида, Е.В.Падучевой). В ходе исследования нами был сделан вывод, что жанр дневника реализует совершенно особую коммуникативную ситуацию, где повествователь совпадает с автором, а автор – с адресатом, но при этом адресат не совпадает с читателем – что определяет уникальность дневника как типа текста (в частности, отличает его от художественного текста).Особую проблему составляет соотношение фигуры повествователя и фигуры наблюдателя.

Выявлены общие свойства дневникового текста, характеризующие его как особый коммуникативный жанр, а именно:

1. Автор является одновременно адресатом.

2. Дневник – это текст о себе. О чем бы в нем не писалось – о событиях личной жизни или социальных переворотах, излагаются ли мысли и переживания автора или приводятся понравившиеся цитаты или услышанный обрывок разговора, хроника текущих событий или план диссертации – это документ о личности пишущего, и именно как таковой пишущим воспринимаемый. Ощущение ценности этой личности является тем стержнем, который скрепляет содержательно, стилистически, эмоционально и т.д. разнородные записи.

3. Нефикциональность текста дневника.

4. Отсутствие авторского замысла.

5. Наличие метатекстовой даты записи, соответствующей именно моменту записи, а не дате описываемых событий; в этом отношении дневник в собственном смысле слова отличается, например, от описания путешествия, где дата является частью текста.

Дневник как жанр текстов входит в три оппозиции:

1) дневник в противоположность разным жанрам художественной литературы: воспоминания/мемуары, автобиография и разного рода «автобиографическая» проза

2) «настоящий» дневник в противоположность «дневнику как приему» в рамках художественной литературы (ср. «Дневник Печорина»)

3) дневник в отличие от других типов «дневниковых» текстов (записные книжки; письма, дневник наблюдений и т.п.).

Главное отличие «настоящего» дневника от «дневника как приема» состоит в том, что в дневнике «все настоящее», а в художественном произведении, написанном в форме дневника, все вымышленное (ср. по-английски «fiction» – эквивалент русского термина «художественная литература», фикциональность – один из основных признаков художественного текста в теории нарратологии). В художественной литературе все вымышленное, даже если на самом деле – не менее настоящее, чем в настоящем дневнике. То, что в художественном тексте все вымышленное – это одно из условий жанра (т.е. все тех же конвенций отношений с адресатом): персонажи художественного произведения не существуют вне мира данного художественного произведения. Даже если они «списаны с натуры», и автор в предисловии указал, кто является прототипом кого – подобное предисловие есть часть художественного текста, и тем самым обладает той же неистребимой фикциональностью. И даже если имена, фамилии и факты биографии персонажей художественного произведения в точности совпадают с именами, фамилиями и фактами биографии реальных людей – это не более чем прием (ср. «Виньетки» А.Жолковского). В художественном тексте все фикциональное, начиная с фигуры повествователя (ср. категорию нарратора у В.Шмида), который, по мнению данного автора - и с этим следует согласиться - в художественном тексте присутствует всегда, как отдельная от автора инстанция. По-видимому, это и есть главный отличительный признак художественного текста, отделяющий его от текста дневникового, где отдельной от автора инстанции повествователя нет.

В дневнике условность противоположная: что все это «именно так и было». Дневник пишется (в том числе) для того, чтобы сказать «правду» – которую по тем или иным

причинам автор не может сказать в других коммуникативных условиях, в частности, в художественном тексте, предназначенном для публикации.

Поскольку фигура адресата является определяющей для категории жанра вообще и для жанра дневника в частности, особую остроту приобретает вопрос о публикации текста дневника (прежде всего, входит ли публикация в намерение пишущего, а также целый ряд других вопросов). Как только у текста в глазах его автора появляется поэтическая функция, появляется и желание, чтобы его прочли другие. Т.е. в писании дневника есть два полюса. Один касается отношений с собой и с внешним миром (запомнить, что когда происходил, что я когда почувствовал и т.п.), а другой включает элемент рефлексии, касающейся собственного слова, эстетизацию этого слова. Первый полюс сам по себе нейтрален относительно желания публикации (это зависит от содержания), второй толкает дневник в сторону художественного текста и тяготеет к публикации.

Особого внимания в связи задачей построения типологии повествовательных форм заслуживает фигура наблюдателя. Можно сказать, что фигура наблюдателя является сегодня одной из центральных категорий не только лексической и грамматической семантики (ср. работы Ю.Д,Апресяна и Е.В.Падучевой), но также лингвистической поэтики и теории нарратива: не говоря о ставших классическими работах Э.Бенвениста, Р.О.Якобсона, В.В.Виноградова, М.М.Бахтина и Б.А.Успенского, назову только что вышедшую монографию известной исследовательницы русской литературы Ольги Меерсон «Персонализм как поэтика», СПб.: «Пушкинский дом», 2009, целиком посвященную проблеме наблюдателя описываемых в художественном произведении событий и его роли в структуре текста. На основании проведенного в ходе первого года работы сопоставительного анализа дневниковых и художественных текстов была выдвинута гипотеза, что определяющей особенностью жанра дневника является свойство принципиального единства позиции наблюдателя на протяжении всего текста (в отличие от текста художественного, для которого характерна множественность позиции наблюдателя).

Результаты данного этапа работы отражены в статье «Дневник: к определению жанра» (1 а.л.; статья находится в стадии авторской редакции; ее публикация планируется в 2010 г.).

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников)

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации (до 0,5 стр.)

8. Список опубликованных по проекту статей (объемом не менее 1 п.л.)

9. Список книг, сданных в печать или поданных на издательские гранты (указать ожидаемое время издания, объем в а.л.)

10. Экспедиции, проведенные в рамках проекта (регион, руководитель, сроки, тематика исследований, полученные результаты, их значимость – до 2 стр.)

11. Конференции, организованные в рамках проекта (название, место и сроки проведения, обсуждаемые проблемы, результаты)

12. Важнейшие научные результаты работы по проекту (ок. 0,5 стр. для публикации на сайте программы)

Разработан концептуальный аппарат лингвистического анализа дневникового текста, позволяющий квалифицировать в том числе «промежуточные» (между дневниковыми и художественными) типы текстов. Сделан вывод, что жанр дневника реализует совершенно особую коммуникативную ситуацию, где повествователь совпадает с автором, а автор – с адресатом, но при этом адресат не совпадает с читателем; это обстоятельство определяет уникальность дневника как типа текста и определяет его релевантные лингвистические характеристики. Выявлены общие свойства дневникового текста, характеризующие его как особый коммуникативный жанр, а именно: (1) автор является одновременно адресатом; (2) дневник – это документ о личности пишущего; ощущение ценности этой личности является тем стержнем, который скрепляет содержательно, стилистически, эмоционально и т.д. разнородные записи; (3) нефикциональность текста дневника; (4) отсутствие единого авторского замысла; (5) наличие метатекстовой даты записи, соответствующей моменту записи. Показано, что дневник входит в три оппозиции: (1) дневник в противоположность некоторым жанрам художественной литературы (воспоминания/мемуары, автобиография и разного рода «автобиографическая» проза); (2) дневник как жанр в противоположность «дневнику как приему» в рамках художественной литературы; (3) дневник в отличие от других типов «дневниковых» текстов (записные книжки; письма, дневник наблюдений и т.п.). Выдвинута гипотеза, что определяющей особенностью жанра дневника является свойство принципиального единства позиции наблюдателя на протяжении всего текста (в отличие от текста художественного, для

которого характерна множественность позиции наблюдателя). Написана статья «Дневник: к определению жанра» (1 а.л.; публикация планируется в 2010 г.).

13. Наиболее значимый научный результат проекта (5-6 строк для сводного отчета в Президиум РАН)

Разработан концептуальный аппарат лингвистического анализа дневникового текста, позволяющий квалифицировать в том числе «промежуточные» (между дневниковыми и художественными) типы текстов. Показано, что жанр дневника реализует совершенно особую коммуникативную ситуацию, где повествователь совпадает с автором, а автор – с адресатом, но при этом адресат не совпадает с читателем; это обстоятельство определяет уникальность дневника как типа текста и определяет его релевантные лингвистические характеристики.

17. Краткое обоснование, цели и задачи проекта на 2010 г., предполагаемые промежуточные результаты

В 2010 г. предполагается продолжить разработку типологии повествовательных форм и выявление релевантных лингвистических признаков дневникового текста. Будет проверяться гипотеза, выдвинутая на первом этапе работы, что определяющей особенностью жанра дневника является свойство принципиального единства позиции наблюдателя на протяжении всего текста – в отличие от текста художественного, для которого характерна множественность позиции наблюдателя. Будет продолжено изучение лингвистических манифестаций позиции наблюдателя в дневнике; проведен сопоставительный анализ конкретных дневниковых текстов и с текстами различных жанров художественной литературы, в том или ином отношении близких (и, соответственно, противопоставленных) дневнику – в частности, художественных произведений, написанных «на основе» дневниковых записей, с самими дневниковыми записями. Будет проведен анализ функционирования и маркировки «чужого слова» и «чужого смысла» в дневниковых и художественных текстах

Предполагаемые результаты работы по гранту за 2010 г.:

- уточнение параметров классификации повествовательных форм;

- выявление лингвистических параметров текста, сигнализирующих о позиции наблюдателя

- публикация статьи объемом 1 а.л.

5.2. Лингвистические аспекты исследования фольклорного и канонического текста в языках Африки, д.ф.н. Виктор Яковлевич Порхомовский

Работа по проекту велась в соответствии с планом на 2009 г., т.е. первый год работы по проекту. Проект состоит из трех авторских разделов по числу исследователей, занятых в проекте – руководитель и два основных участника. Тематика каждого из разделов была сформулирована таким образом, чтобы получить в результате комплексный анализ заявленной проблемы и осветить основные аспекты в рамках этой проблематики.

По плану работы над разделом «Создание корпуса канонических текстов в младописьменном обществе: лексический аспект (на материале переводов Библии и Корана на язык хауса)» (исполнитель – руководитель проекта В.Я. Порхомовский) в 2009 г. предполагалось провести предварительный отбор и анализ лексического материала, определить основные семантические группы лексики, которые представляют наибольший интерес в рамках планируемого проекта. Планировалось также провести анализ важнейшей в плане семантики и прагматики лексической группы теонимов, т.е. слов, обозначающих Бога Всевышнего, бога и богов. В соответствии с планом проводился сбор материалов по проекту. Основное внимание уделялось работе над переводом на язык хауса Ветхого Завета. Были отобраны лексемы и сочетания лексем, используемых в текстах Ветхого Завета для обозначения Бога Всевышнего, бога и богов. Были отобраны соответствующие лексические единицы в оригинальном тексте Ветхого Завета для проведения сравнительного анализа лексики группы теонимов в языках хауса и древнееврейском.

Создание лексического корпуса, содержащего семантические и прагматические эквиваленты, обеспечивающие адекватную передачу текста Ветхого Завета на языке перевода, является исключительно трудной задачей. (В качестве оригинала в рамках нашего исследования рассматривается масоретская версия.) Возникающие здесь проблемы могут иметь самую разные причины, например, значительные расхождения в соответствующих языковых картинах мира, природа которых, видимо, не требует специальных комментариев, и иные причины, относящиеся к сферам теологии, социальной и культурной антропологии, этнолингвистики и социолингвистики.

В настоящей работе специальное внимание уделяется проблемам перевода Библии на младописьменный язык в обществе, где основной религией местного населения является ислам. Подобная ситуация является достаточно распространенной в мире, в том числе в некоторых региорах Российской Федерации. Эта ситуация характерна для многих стран и регионов африканского континента. Перевод Библии на язык хауса, один из крупнейших и важнейших в социолингвистическом отношении языков Африки южнее Сахары, может служить показательным примером данной ситуации.

Деятельность христианских миссионеров в этой части Африки преимущественно затронула примыкающие к исконным землям хауса территории, населенные народами, не затронутыми исламизацией. Язык хауса получил здесь распространение в качестве важнейшего средства межэтнического общения и как ведущий местный письменный язык. Естественно, что с возникновением необходимости сделать Библию доступной для жителей этих регионов именно язык хауса оказался наиболее предпочтительным кандидатом на роль языка-посредника. В результате перевод Библии на язык хауса осуществлялся в условиях, когда на этом языке уже сложилась собственная лексическая система, отвечающая потребностям монотеистической религии, а именно ислама. Данная ситуация принципиально отличается от культурно-исторического контекста, в котором возникали переводы Библии на европейские языки, поскольку здесь христианство было первой монотеистической религией, получившей распространение среди носителей этих языков. Именно поэтому для сравнительного анализа были привлечены переводы Библии на английский и французский языки. Эти языки были выбраны, поскольку исконные земли народа хауса оказались на территориях, попавших под власть английской и французской колониальных администраций, и, следовательно, именно эти языки стали играть важнейшую роль в коммуникативной ситуации в землях хауса, в том числе и в деятельности европейских христианских миссионеров. Кроме того, к сравнительному анализу было необходимо привлечь и лексические параллели из русской Библии, причем не только потому, что проект осуществляется на русском языке. Русский перевод Библии представляет интерес для сравнительного анализа лексики в рамках лексической группы теонимов также по причине того, что, хотя синодальный перевод Библии на русский язык был сделан с языка оригинала, т.е. с библейского иврита, существенную роль здесь сыграл и текст Септуагинты.

Был проведен отбор изданий на указанных выше языках для последующего сбора лексического материала. Мы постарались выбрать наиболее авторитетные издания, сочетающие максимальную научную корректность с высоким статусом в соответствующих референтных группах и ориентированные как для использования в рамках церковных служб, так и на современного массового читателя. Для английской Библии было выбрано издание “The Revised English Bible”, 1989 (мы пользовались переизданием 1997 г.). Это издание является современной переработкой английской Библии, известной как “The New English Bible”. Оно было осуществлено под наблюдением всех основных христианских церквей Британских островов и одобрено ими. Учитывался также и перевод, опубликованный в США и ориентированный на более современный, разговорный язык – «The Holy Bible. New International Version». Французские эквиваленты отбирались преимущественно по изданию “La Bible de Jérusalem”, наиболее авторитетному французскому переводу Библии, осуществленному под руководством Библейской школы Иерусалима, нами использовалось переработанное издание 2001 г. Учитывалось также издание «Editions de la Pléïade» и перевод, впервые опубликованный в 1910 г., автором которого является известный доктор богословия Louis Segond. Источником русских эквивалентов является Синодальный перевод, использовалось юбилейное изданию Московской патриархии 1988 г., посвященное 1000-летию Крещения Руси. Мы также учитывали параллельный русский перевод, специально приближенный к языку оригинала, особенно в передаче

собственных имен и реалий, в издании Торы (Пятикнижия Моисеева), «Шамир», Иерусалим – Москва, 1992. В качестве источника лексики в библейском иврите мы пользуемся общепринятым в настоящее время в библеистике стандартным текстом по изданию Biblia Hebraicai Stuttgartensia (BHS), опубликованному в Штутгарте в 1974 г. Это издание основывается на наиболее древней датированной рукописи полного масоретского текста Библии – т.н. Ленинградском кодексе (B19a), 1009 г. Наконец, в качестве основного источника хаусанского текста Ветхого Завета мы пользовались переводом, осуществленным United Bible Societies в 30-ые годы прошлого века - LITTAFI MAI-TSARKI. The Holy Bible in Hausa. Этот перевод неоднократно переиздавался в различные годы.

В 2009 г. проводился сбор лексического материала по указанным выше источникам, а также классификация и сравнительный анализ собранного материала. Полученные в ходе работы результаты были представлены в виде докладов на двух международных конференциях: XXV Международной конференции «Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций» Санкт-Петербург, 22-24 апреля 2009г. и на VI Всемирном конгрессе по африканскому языкознанию, Кельн, 17-21 августа 2009 г. (тезисы докладов опубликованы), а также в виде статьи «Имена Бога в Ветхом Завете и проблема их перевода» в колл. труде «В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл» (отв. ред. В.З. Демьянков, В.Я. Порхомовский, книга находится в печати).

Второй раздел проекта - «Слово и грамматика в этнокультурном контексте» (исполнитель А.И. Коваль). Исследование базируется на данных одного из важнейших языков Африки южнее Сахары – пулар-фульфульде (западно-атлантическая семья языков). В работе над проектом автор опирается как на материалы, полученые им в ходе многолетних работ с представителями народа фульбе – коренными носителями языка пулар-фульфульде, так и на данные, почерпнутые из текстов традиционных жанров фульбской словестности, бытующих в основном в устном виде (сказки, эпические сказания, инициационные тексты и др.). В состав анализируемых текстов входят как имеющиеся в мировой литературе публикации устных жанров, так и тексты, собранные и записанные автором исследования.

Проблематика изучения концептов, отличающихся высокой этнокультурной нагруженностью, и их связей с процессами структурно-грамматического плана, предполагает решение нескольких конкретных исследовательских задач. Так, для понимания роли лексико-семантического фактора в эволюции классификативной системы показательны факты, связанные с адаптацией «внешних», заимствованных единиц. На примере одного из восточных диалектов фульфульде демонстрируется инновационный принцип грамматического освоения заимствованных имен, которые встраиваются в традиционную классификацию исключительно по семантическому каналу (минуя канонические формальные требования системы). А именно: заимствование категоризуется следуя классу гиперонима, при условии, что данный гипероним принадлежит числу этнически важнейших концептов, имеющих безупречно устойчивый классификативный статус в ядерной (общеязыковой) системе. Описание данного явления раскрывает значение гиперо-гипонимической (родо-видовой) стратегии по категоризации именных концептов, что получает в данном языке выраженный грамматический эффект.

В 2009 г. осуществлялось, в соответствии с намеченным планом, уточнение внутренней структуры исследования с пополнением базы данных. На уровне конкретной проблематики завершена тема о гиперо-гипонимической стратегии при интродукции заимствованных имен в классификативную систему (диалект фульфульде-джамааре). Выполнено исследование о *каритивной* лексике – том лексическом пласте, который отличается особо высоким уровнем связи с окружающим *текстом*. Разработка этой темы на материале текстов на диалектах языка пулар-фульфульде показала, во-первых, что семантическая сущность каритивных единиц в полной мере раскрывается лишь в условиях их включения в текстовое пространство, и во-вторых, что определяющую роль здесь играют соседствующие этнокультурно нагруженные концепты, отражающие этнический опыт и этнические ценностные установки. Повышенная зависимость каритивов и от контекста непосредственного, и от контекста более широкого, этнокультурного плана предъявляет особые требования к методикам отражения таких лексических единиц в словарях. Результаты данного исследования были отражены в докладе на XXV Международной конференции «Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций» (Санкт-Петербург, 22-24 апреля 2009, тезисы опубликованы), а также в статье «Семантическая категория каритивности в лексиконе и тексте пулар-фульфульде» в кн. «Африканский сборник 2», Санкт-Петербург, 2009 (в настоящее время находится в печати).

Третий раздел коллективного проекта – «Лингвистические аспекты исследования фольклорного текста банту» (исполнитель И.Н. Топорова). Основная направленность раздела определяется тем, что африканские языки в большинстве своем относятся к бесписьменным или младописьменным языкам, не имеющим развитой художественной или научной литературы, таким образом, основным текстовым материалом, на котором основываются работы в области лингвистики, являются оригинальные фольклорные тексты народов Африки. Фольклорные произведения служат важным источником данных, необходимых в самых разных областях языковой структуры – в области морфологии, грамматики, синтаксиса, семантики и т.д. Сравнение данных, полученных от изучения фольклорных текстов, с данными, полученными от информантов, показывают тенденции эволюционных изменений, происходящих в лексике, морфологии или словообразовании. Синтаксические структуры фольклорных текстов в ряде случаев сохраняют следы древних взглядов на космос и мироздание. Так, некоторые синтаксические структуры в сказках народов банту отражают пространственно-временной синкретизм, сказывающийся в изоморфизме структуры космического пространства и событий мифического или сказочного времени, не имеющих каких-либо конкретных или временных ориентиров или границ.

Кроме того, сравнительное исследование фольклорных текстов, в том числе сказок банту, интересно также с точки зрения эволюции жанра, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что наряду с архаичными формами и жанрами имеют место и новые формы внутри жанров, исследование которых важно с точки зрения генезиса жанров, путей их формирования и их специфики. Даже при достаточно поверхностном анализе фольклорных текстов в языках, обладающих разным коммуникативным статусом можно отметить наличие характерных черт и тенденций. Так, в фольклоре внутриэтнических языков достаточно устойчивы элементы архаики и, соответственно, лишь в незначительной степени ощущается влияние более позднего времени. С другой стороны, относительно фольклорных текстов на межэтнических языках, возникших в

относительно позднее время, трудно говорить о архаическом слое (если архаические черты и проявляются, то речь идет, видимо, о заимствовании из языков доноров), поскольку они подверглись значительной обработке уже в период христианизации Африки, с чем связаны значительные изменения, характерные для этих текстов, прослеживающиеся на всех уровнях.

В 2009г. был проведен отбор и классификация фольклорных текстов для исследования и сопоставления на ряде языков банту северо-западного (аква, лингала, лаади) и северо-восточного ареалов (курия, гусии), были определены конкретные задачи исследования, была сделана предварительная обработка материалов. Первые результаты работы над данным разделом были представлены в виде доклада на XXV международной конференции “Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций”. Санкт-Петербург, , 22-24 апреля 2009, (тезисы опубликованы), а также статьи “Элементы архаики и инновации в фольклорных текстах внутриэтнического языка аква” в кн. «Африканский сборник 2», Санкт-Петербург, 2009 (в настоящее время находится в печати).

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников).

В ходе первого года работы над проектом подготовлены и сданы в печать три статьи общим объемом более 3 а.л., выход в свет которых ожидается в ближайшее время.

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации (до 0,5 стр.)

Публикация в рамках проекта монографии не предусматривается планом работы.

8. Список опубликованных по проекту статей (объемом не менее 1 п.л.)

Находятся в печати 3 статьи:

- В.Я. Порхомовский. «Имена Бога в Ветхом Завете и проблема их перевода», в кн. «В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл», М.; 2010;

- А.И. Коваль. «Семантическая категория каритивности в лексиконе и тексте пулар-фульфульде» в кн. «Африканский сборник 2», Санкт-Петербург, 2009;

- И.Н. Топорова. “Элементы архаики и инновации в фольклорных текстах внутриэтнического языка аква” в кн. «Африканский сборник 2», Санкт-Петербург, 2009.

9. Список книг, сданных в печать или поданных на издательские гранты (указать ожидаемое время издания, объем в а.л.)

10. Экспедиции, проведенные в рамках проекта (регион, руководитель, сроки, тематика исследований, полученные результаты, их значимость – до 2 стр.)

11. Конференции, организованные в рамках проекта (название, место и сроки проведения, обсуждаемые проблемы, результаты)

12. Важнейшие научные результаты работы по проекту (ок. 0,5 стр. для публикации на сайте программы)

В рамках работы над проектом был проведен сбор, классификация и анализ материалов по языкам, относящимся к двум крупнейшим языковым семьям Африки - афразийской (чадская ветвь, язык хауса) и нигеро-конголезской (западно-атлантическая ветвь, язык пулар-фульфульде и бенуэ-конголезская ветвь, группа языков банту).

Запланированная тематика основных разделов проекта обеспечила проведение исследования на разных языковых уровнях – лексики, грамматики, семантики и прагматики, а также включение в рамки проекта таких важнейших аспектов формирования и функционирования канонических и фольклорных текстов, как язык и традиционная устная культура, язык и религия, язык и этнические культурные парадигмы. Была продемонстрирована роль культурной и религиозной ситуации при формировании лексики для перевода на младописьменный африканский язык текстов Ветхого Завета (на примере языка хауса). В частности, были определены принципиальные различия в стратегии лексического выбора в рамках важнейшей для данного типа текстов лексической группы теонимов в зависимости от сложившийся у носителей соответствующих языков религиозной ситуации.

Был проведен анализ гиперо-гипонимической стратегии при интродукции заимствованных имен в классификативную систему (диалект фульфульде-джамааре). Выполнено исследование о *каритивной* лексике – том лексическом пласте, который отличается особо высоким уровнем связи с окружающим *текстом*. Разработка этой темы на материале текстов на диалектах языка пулар-фульфульде показала, во-первых, что семантическая сущность каритивных единиц в полной мере раскрывается лишь в условиях их включения в текстовое пространство, и во-вторых, что определяющую роль здесь играют соседствующие этнокультурно нагруженные концепты, отражающие этнический опыт и этнические ценностные установки.

В ходе работы над проектом был проведен отбор и классификация фольклорных текстов для дальнейшего исследования и сравнительного анализа в ряде языков банту северо-западного (аква, лингала, лаади) и северо-восточного ареалов (курия, гусии). Были предварительно намечены различия в структуре и жанрах фольклорных текстов в зависимости от коммуникативного статуса соответствующих языков. Эти тенденции были продемонстрированы на материале внутриэтнического языка аква.

13. Наиболее значимый научный результат проекта (5-6 строк для сводного отчета в Президиум РАН)

Наиболее значимым научным результатом первого года работы над проектом является подтверждение тесной взаимосвязи языковых феноменов и процессов в пространстве традиционной культуры, религиозных и этнических парадигм. Эта взаимосвязь проявляется на самых разных уровнях языка – лексики, грамматики и

семантики, а также в зависимости структуры и жанровых характеристик фольклорных текстов от коммуникативного статуса языка.

17. Краткое обоснование, цели и задачи проекта на 2010 г

В 2010 г. планируется продолжить работу по сбору, классификации и анализу данных на основе изучения фольклорных и канонических текстов на рассматриваемых в проекте языках. В разделе, посвященном лексическому аспекту проблемы формирования и функционирования канонических текстов в младописьменном языке на материале языка хауса, будет продолжен анализ лексической группы теонимов. Предполагается включить в лексическую базу данных по этой группе лексические соответствия из перевода Библии на арабский язык, а также из хаусанской версии Корана. Данный подход позволит определить влияние арабского языка и арабо-мусульманской культуры в целом на формирование христианских канонических текстов на языке хауса.

В разделе, посвященном языкам банту, предполагается провести дальнейший анализ взаимосвязи структуры и жанровых характеристик фольклорных текстов и коммуникативного статуса соответствующих языков. Эта работа будет вестись на материале большого корпуса фольклорных текстов, прежде всего текстов сказок, на языках банту северо-западного (аква, лингала, лаади) и северо-восточного ареалов (курия, гусии). На основе сравнения данных, полученных от изучения фольклорных текстов, с данными, полученными от информантов, будут фиксироваться и анализироваться тенденции эволюционных изменений, происходящих в лексике и морфологии. Синтаксические структуры фольклорных текстов в ряде случаев сохраняют следы древних взглядов на космос и мироздание. Именно этому аспекту будет уделяться особое внимание.

В части проекта, посвященной изучению лексики и грамматики в этнокультурном контексте на материале языка пулар-фульфульде, для понимания роли лексико-семантического фактора в эволюции классификативной системы показательны факты, связанные с адаптацией «внешних», заимствованных единиц. На примере одного из восточных диалектов фульфульде предполагается показать инновационный принцип грамматического освоения заимствованных имен, которые встраиваются в традиционную классификацию исключительно по семантическому каналу (минуя канонические формальные требования системы). Роль этнокультурно важного концепта сказывается в языке пулар-фульфульде даже на уровне становления частеречных разрядов слов. Описание такого аксиологически выделенного для фульбе концепта составит еще одну конкретную задачу в работе над проектом в 2010 г.

В целом, планируемые на 2010г. исследования по проекту позволят подойти к комплексному анализу проблем формирования, функционирования и эволюции фольклорных и канонических текстов в языках Африки.

5.3. Текст и языковые процессы в переходные эпохи, руководитель – д.ф.н. Ирина Игоревна Челышева

В течение 2009 г. были проведены четыре семинара с обсуждением теоретических и методологических основ проекта. Ряд исследований был представлен в виде уже завершенных работ, другие – в виде докладов по предполагаемым разделам коллективной монографии, планируемой на 2010 г. Объединяющим моментом всех исследований является обращение к переходной эпохе, т.е. к такому моменту в развитии и существовании языка как такового и текстов на этом языке, когда четко прослеживается определенная динамика в развитии, приводящая к переходу из одного состояния в другое. На основании проведенных обсуждений были намечены три основных направления в исследовании заявленной темы.

Во-первых, это изучение архаических и древних канонических (преимущественно религиозных текстов), отражающих древние представления о мире и содержащих как в семантике, так и в организации текста некоторые ключевые формулы восприятия мира. В переходную эпоху, когда подобный текст, утрачивая сакральность, становится элементом фольклорно-литературной культуры, происходят изменения в семантике ключевых лексем. В частности, был заслушан и обсужден доклад Т.В.Топоровой по уже подготовленному разделу, посвященному семантике древнегерманских эпических и магических текстов.

Во-вторых, это изучение памятников литературного языка переходных периодов, причем переходных, как с точки зрения развития структуры языка, так и с точки зрения текстов, составляющих значимую культурно-эстетическую парадигму эпохи. Н.С.Бабенко и Н.Н.Семенюк были представлены сообщения о переходных явлениях в истории немецкого языка XVII-XVIII вв. Исключительное значение имеет текст в эпоху перехода от одного языка к другому, когда количественно накапливаемые в устной речи изменения начинают фиксироваться в письменном тексте, маркируя утрату предыдущего языкового состояния. Исследованию этой проблемы посвящены работа И.И.Челышевой, основанная на текстах эпохи формирования романских языков и утраты живой латинской речи, и исследование Д.Э.Эйдельман, описывающее переход от древнеперсидского к среднеперсидскому языку. В такого рода исследованиях показывается, как взаимодействуют в тексте внутриязыковые факторы (отражение структурных изменений, ориентация на устную речь) и эстралингвистические влияния (меняющиеся эстетические приоритеты эпохи, культурно-политические связи, канонические тексты религиозного

характера). При этом различные типы текстов в разной степени отражают определенные изменения и, соответственно, консервативные и инновационные элементы могут быть прослежены на разных уровнях текста (фонетическом, морфологическом, синтаксическом).

В-третьих, это рассмотрение, в основном, применительно к современной эпохе, текстов, связанных с ключевыми моментами в жизни современного общества, которые формируют идеологию общества и, в известной мере, оказывая обратное воздействие, определяют вектор общественного развития (публицистические текст, материалы выборов, партийные документы) (работа Д.Б.Никуличевой о датском языке и Е.А.Трошевой о восприятии через тексты различий в восточно- и западногерманских землях). Работы подобного рода строятся на новейших материалах и позволяют не только уловить, но и спрогнозировать некоторые значимые изменения в лексике, в стилистической дифференциации языка и т.д.

В целом проводимая работа лежит в русле актуальных проблем современной лингвистики и, во многом, носит междисцилинарный характер. В ее задачу входит представить в комплексе разновекторные влияния в отошениях общество/язык/текст. Сведение «под одной обложкой» столь различных по языковой атрибуции и хронологической принадлежности материалов дает основания для неожиданных параллелей и небанальных сопоставлений, в том числе устанавливая своего рода мост между восточными и западными языками, между древним и современным состоянием языка.

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников)- 5

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации (до 0,5 стр.)

8. Список опубликованных по проекту статей (объемом не менее 1 п.л.)

Д.Б. Никуличева. Метафора времени в художественном тексте как отражение грамматической категоризации времени в языке (датско-русские сопоставления) // Контрастивные исследования языков мира. Материалы Третьих лингвистических чтений памяти В.Н.Ярцевой. – М.: Институт языкознания РАН, 2009. Сс. 54-63.

Т.В. Топорова. Контрастивный анализ обозначения флоры в эпосе: древнеисландская «Старшая Эдда» vs. русские былины. Там же, Сс. 218-227.

Е.А. Парина. Средневаллийский vs. ранненововаллийский. Личные местоимения в двух валлийских версиях перевода трактата Вальтера из Хенли. Там же, Сс. 317-323.

Д.И.Эдельман. Динамика языка древнеперсидских текстов и социолингвистическая ситуация в ахеменидском Иране // Древность: историческое знание специфика источника. М., 2009.

Т.В.Топорова. О космогонических формулах и сюжетах в германском и в славянском эпосе // Магия формулы. М.: Тезаурус, 2009. Сс.49-56

4 статьи сданы в печать.

5.4. Структура дискурса, грамматика и их взаимодействие: типологические аспекты. Руководитель – д.ф.н. Андрей Александрович Кибрик

В рамках данного проекта разрабатывается дискурсивно-ориентированный подход к грамматическим явлениям. В соответствии с этим подходом грамматика описывается как механизм, обслуживающий дискурсивные выборы говорящего. В рамках данного проекта исследуется структура дискурса (текста) в ее взаимодействии с разнородными грамматическими языковыми явлениями. Грамматика в данном случае понимается широко и включает собственно грамматические явления (глагольные категории, синтаксис предикации и полипредикативных конструкций), так и некоторые лексические явления (референциальные средства, дискурсивные маркеры) и просодию (тональные акценты и т.д.). Распределение грамматических явлений в естественном дискурсе объясняется влиянием дискурсивных факторов – глобальной и локальной структурой дискурса, линейной и иерархической структурой, сегментацией дискурса, когнитивными процессами речепорождения.

В теории дискурса обычно различаются два яруса структуры: глобальная и локальная. Глобальная структура – деление текста на крупные блоки (например, эпизоды рассказа или группы реплик в диалоге). Глобальная структура обслуживается такими грамматическими явлениями, как специализированные дискурсивные маркеры, выбор между видо-временными глагольными формами, референциальный выбор.

В противоположность глобальной структуре, локальная структура (более центральный аспект структуры в рамках данного проекта) – деление на минимальные единицы, которые имеет смысл относить к собственно дискурсивному уровню. В нашей терминологии такие минимальные кванты дискурса называются элементарными дискурсивными единицами (ЭДЕ). В эталонных случаях (охватывающих примерно 2/3 всех случаев в естественной речи) выделение квантов дискурса достаточно очевидно, поскольку демонстрирует координацию между различными аспектами речепроизводства – физиологическим (произнесение ЭДЕ на одном выдохе), когнитивным (вербализация одного события), семантико-синтаксическим (одна предикация, или клауза) и просодическим (одна просодическая единица). Трудность представляют те случаи, когда координация между этими аспектами нарушается. Существует два основных класса случаев, в которых просодическая и семантико-синтаксическая граница не совпадают. Во-первых, это так называемые «малые ЭДЕ», которые выделяются на основе просодического критерия, но по семантико-синтаксическому объему меньше одной клаузы. Пример – препозитивные и постпозитивные именные группы, а также регуляторные ЭДЕ, состоящие только из дискурсивных слов (типа *вот*). Мы исследовали и систематизировали классы малых ЭДЕ, выявили когнитивные механизмы возникновения таких ЭДЕ, разграничили универсальные и лингвоспецифические типы ЭДЕ. Кроме того, встречаются «большие ЭДЕ», которые являются просодически едиными, но включают более одной предикации. Здесь также нами была предложена классификация, систематизация, когнитивные мотивации и типологические обобщения.

В 2009 году была разработана детализированная классификация типов ЭДЕ. Были собраны данные по каждому классу и подклассу ЭДЕ, разработаны гипотезы о когнитивной мотивации, стоящие за каждым из классов. Были сформулированы и проверены конкретные гипотезы о дискурсивных основаниях разнообразных грамматических явлений (порядок слов в предикации, вынесение постпозитивных субклаузальных уточнений, референциальный выбор, употребление дискурсивных частиц, незавершенные конструкции и т.д.). На стыке дискурсивной структуры и грамматики находятся также такие проблемы, как способы организации полипредикативных структур, морфосинтаксические средства оформления главных и зависимых предикаций.

Наш подход разрабатывается в основном на материале русского языка, и в рамках проекта это направление работы будет продолжено. В частности, мы подробно исследовали такое явление, как уточняющие постпозитивные элементы, семантически входящие в состав

предикации, но дискурсивно вынесенные в особые грамматико-просодические единицы (например, *Я его знаю, Петю* или *Я его видел. В школе.*) Материал русского языка сопоставляется в этом отношении с данными других европейских языков. Детальному исследованию были подвергнуты также и другие типы малых ЭДЕ, таких как регуляторные (состоящие из дискурсивных маркеров), неполные (фальстарты), препаративные подстановки (*Я его это, не люблю.*) Для каждого формального явления будут выявлены дискурсивные факторы, способствующие реализации данного явления в речи.

Второе направление нашей работы связано с типологическим аспектом, а также с привлечением материала языков, отличных от русского. В 2009 году особый акцент был сделан на одном из «экзотических» языков – верхнекускоквимском (атабаскская языковая семья, Северная Америка). Атабаскские языки по своим грамматическим типологическим характеристикам радикально отличны от русского и других языков, в которых изучалась взаимосвязь грамматики и дискурсивной структуры. Имея ряд общих характеристик с другими американскими языками (полисинтетизм, вершинное маркирование в глаголе), атабаскские языки в большинстве отношений структурно резко отличны и от своих соседей. По выражению Э.Сепира, энциклопедического знатока языков Америки, это самые своеобразные среди американских индейских языков. В целом, грамматика атабаскских языков выглядит как сверхсложная, нарушающая целый ряд универсалий и во многом необъяснимая система. В современных типологических исследованиях, основанных на данных десятков или сотен языков, атабаскские языки часто оказываются единственными исключениями из обнаруживаемых универсалий (тотальная префиксация, нарушение стандартных порядковых морфологических закономерностей, множественное выражение одной и той же грамматической категории). В рамках данного проекта была исследована дискурсивная структура и обслуживающие ее грамматические средства в верхнекускоквимском языке (атабаскская языковая семья, Сев. Америка). Оказывается, дискурсивная структура содержит ключи к объяснению редких грамматических свойств этого языка. Особое внимание было уделено сбору и анализу данных верхнекускоквимского языка. Были собраны тексты разных жанров, включая фольклорный текст (сказка), личный рассказ, бытовой диалог. Была исследована глобальная структура, присущая текстам различных жанров, лексические маркеры крупных дискурсивных блоков. В центре внимания была локальная структура дискурса, в том числе членение на элементарные дискурсивные единицы, их соотношение с

предикациями, явления полипредикативности, выделение малых и больших ЭДЕ, использование дискурсивно-чувствительных грамматических средств. Особое исследование было проведено в области осевых дирекциональных наречий верхнекускоквимского языка, см. ниже. Включение данных такого «экзотического» языка, как верхнекускоквимский, в исследование взаимосвязи между дискурсом и грамматикой, придает проблематике нашего проекта новое измерение и выведет ее на новый уровень.

В рамках проекта была проведена работа по собственно типологическим проблемам. В частности, это касается исследования типологии референциальных выражений. Была предложена типология редуцированных референциальных выражений, основанная на двух параметрах: связанности и доминантности. Дискурсивное функционирование референциальных выражений может быть адекватно описано лишь на основе точное понимания их морфосинтаксической природы.

Еще одно, дополнительное, направление нашей работы – сопоставление дискурсивных структур и грамматики в жестовых языках. Мы изучили взаимодействие между грамматикой и дискурсивной структурой в русском жестовом языке глухих. Этот язык обладает иной материальной субстанцией, нежели звучащие языки: канал передачи информации является не звуковым, а визуальным. Тем не менее, характер дискурсивной структуры и грамматических явлений в РЖЯ сопоставим со звучащими языками. Основные явления, характерные для локальной дискурсивной структуры звучащих языков (членение на ЭДЕ, жестовая «интонация», паузация, хезитации, фальстарты, дискурсивные маркеры и т.д.) могут быть идентифицированы и в РЖЯ. В диссертационной работе Е.В.Прозоровой были идентифицированы основные маркеры локальной структуры дискурса: движения головы и моргания.

Дискурсивные основания различных грамматических явлений слабо разработаны в лингвистике. Столь широкий спектр различных языковых явлений никогда не объединялся в рамках единого проекта и единого подхода. Между тем, такой обобщающий взгляд совершенно необходим, т.к. механизмы влияния дискурсивных факторов на формальные явления едины, независимо от того, каковы эти формальные явления – собственно грамматические, лексические или невербальные. Конкретный диапазон дискурсивных факторов, которые могут лежать в основе формальных явлений,

пока не определен в современной лингвистике. Принципиально новым является и языковой материал, который рассматривается в рамках данного проекта.

Общим местом в лингвистике является тезис о центральности коммуникативной, дискурсивной функции языка. Однако лингвистические исследования, как правило, игнорируют дискурсивную перспективу. Достаточно редко делаются попытки объяснить конкретные формальные языковые явления конкретными дискурсивными факторами. Именно на это направлен данный проект. Мы рассматриваем широкий круг языковых явлений, непосредственно связанных с дискурсивными функциями. К их числу относятся очень разнообразные по своей природе явления. Грамматические явления: категория финитности предикации, крайне важная для грамматики многих языков; глагольные категории – реальность, модальность, вид и др. Лексические явления – местоимения и подобные местоимениям лексические средства; дискурсивные маркеры – частицы, сигнализирующие структуру дискурса. Невербальные средства – интонация и другие просодические явления; жесты, сопровождающие естественную устную речь. Суть проекта состоит в том, что для каждого из классов этих явлений формулируются управляющие ими дискурсивные факторы, а затем на этой основе в целом определяется диапазон дискурсивных факторов, влияющих на формальные языковые явления, независимо от конкретного характера этих явлений.

В 2009 году авторами проекта была опубликована монография, серия статей и сделан ряд докладов на конференциях, содержащих текущие результаты работы. Командировка руководителя проекта в США для выступления на ряде конференций (Конференции по лингвистической типологии, по североамериканским языкам) для изложения результатов проекта, а также для сбора данных по верхнекускоквимскому языку на Аляске. Еще одна командировка была связана с поездкой А.А.Кибрик на конференцию по дискурсивной анафоре в Индию, где также были представлены результаты работы по проекту.

Вклад участников проекта:

А.А.Кибрик – общее руководство проектом, разработка модели дискурсивно-ориентированной теории грамматики, участие во всех направлениях проекта

В.И. Подлесская – соредактирование (вместе с А.А.Кибриком) монографии «Рассказы о сновидениях», работа по теме «вставочные конструкции».

М.Б. Бергельсон – работа по теме «дискурсивные маркеры».

О.А. Савельева-Трофимова – работа по теме «малые элементарные дискурсивные единицы».

О.Б. Маркус – работа по теме «локальная структура дискурса в верхнекускоквимском языке».

Е.В. Прозорова – работа по теме «маркеры локальной структуры дискурса в русском жестовом языке».

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников) – 4

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации (до 0,5 стр.)

А.А.Кибрик, В.И.Подлесская (ред.) 2009. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса. М: ЯСК. 736 с. (46 п.л.)

Монография посвящена лингвистическому анализу корпуса устных рассказов детей и подростков о своих сновидениях. Рассматриваются такие сущностные свойства устного дискурса, как просодическое и семантико-синтаксическое членение речевого потока, паузация, тональные акценты, темповые различия, иллокутивная и фазовая структура, полипредикативность, речевые сбои и затруднения и др. Исследование этих явлений с когнитивной точки зрения позволяет по-новому подойти к основным вопросам грамматики русского языка. Практическая работа с корпусом «Рассказы о сновидениях» позволила разработать формат дискурсивной транскрипции как способа объективной фиксации устной русской речи. В книге обсуждается прикладная задача — сопоставление дискурсивной структуры двух классов рассказов, принадлежащих детям и подросткам с невротическими расстройствами и здоровым

рассказчикам. Результаты исследования могут применяться в диагностике неврозов. Сам корпус, состоящий из 129 рассказов, представлен в книге в двух формах — текстовой и звуковой (на прилагаемом компакт-диске). Это первый корпус устного русского дискурса, основанный на систематических и эксплицитных принципах транскрибирования. Корпус представляет собой ценный ресурс для различных исследований русского языка в его устной — то есть исходной, наиболее фундаментальной — форме. Монография адресована самому широкому кругу читателей, интересующихся проблемами устной речи, теории языка, корпусными подходами к исследованию грамматики и дискурса, приложениями лингвистики в психологии и медицине.

8. Список опубликованных по проекту статей (объемом не менее 1 п.л.)

Kibrik, Andrej A. 2009. A typology of referential devices: The parameters of boundness and tenacity. Materials of the 2009 Conference of the Association for Linguistics Typology. http://lsa2009.berkeley.edu/alt8/kibrik_andrej_abstract.pdf

В.И.Подлесская, А.А.Кибрик. 2009. Вставочные конструкции в устном дискурсе. В сб.: В.З.Демьянков, В.Я.Порхомовский (ред.) В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл. М.: ЯСК.

Kibrik, Andrej A. 2009. Encoding directions in Upper Kuskokwim Athabaskan: A case study in field ethnolinguistics. Materials of the Conference on Field Linguistics. Moscow: Institute of Linguistics, RAS.

Статьи в печати:

Kibrik, Andrej A. Toward a typology of verb lexical systems: A case study in northern Athabaskan. In: Linguistics. In press.

Kibrik. Andrej A. What’s in the head of head-marking languages? In: L. Grenoble et al. eds. What's where why? Language typology and historical contingency. Amsterdam: Benjamins. In press.

9. Список книг, сданных в печать или поданных на издательские гранты (указать ожидаемое время издания, объем в а.л.)

10. Экспедиции, проведенные в рамках проекта (регион, руководитель, сроки, тематика исследований, полученные результаты, их значимость – до 2 стр.)

В рамках проекта в июле-сентябре 2009 г. была проведена экспедиция на Аляску для изучения дискурсивных и грамматических явлений в верхнекускоквимском языке (атабаскская языковая семья). Работа велась по нескольким направлениям:

1) Сбор естественных дискурсивных данных. Были собраны новые нарративные и диалогические тексты. В условиях умирающего языка, на котором в быту люди давно не общаются, сбор каждого нового текста представляет собой важное событие. Удалось записать несколько часов речи.

2) Транскрибирование дискурса. В дискурсивных исследованиях важна не только и не столько аудиозапись, но и ее графическая репрезентация – транскрипт. Транскрипт представляет собой, кроме всего прочего, модель локальной структуры дискурса. Для большинства записанных в 2009 году новых текстов были подготовлены транскрипты, с опорой на ранее достигнутое понимание дискурсивной и грамматической структуры верхнекускоквимского языка.

3) Изучение осевых дирекциональных наречий, их морфологической струкутуры и дискурсивного употребления. В верхнекускоквимском языке представлен класс слов, обладающих высокой частотностью – дирекциональные наречия, основанные на осевых параметрах «вверх/вниз по реке» и «вверх/вниз по склону». Была исследована сложная порядковая морфология этих наречий и модели их употребления в речи.

Полученные результаты имеют большую значимость как для данного проекта, так и для исследования атабаскских языков в целом. Аналогичных исследований по другим языкам Аляски практически не проводилось.

5.5. **Конструкция и динамика текста во времени и пространстве: Балкано-балто-славика. Руководитель – д.ф.н. Татьяна Владимировна Михайлова (Цивьян)**

Задача проекта — исследование структуры словесных и несловесных текстов, «расположенных» в балкано-балто-славянском пространстве и времени, как реальном, так

и метафорическом. Этот подход предполагает как историческое сравнение, так и типологическое сопоставление на разных уровнях; в широком смысле во главу угла поставлена семиотика и язык как универсальный семиотический код. Объектом исследования служат как архаические фольклорные тексты с максимальным охватом жанров (от заговоров, загадок и паремий до баллад и меморатов), так и современные «околофольклорные» тексты (оккультная и туристическая реклама и др. тексты того же рода, представленные в Интернете) и тексты художественной литературы. При этом внимание уделяется конструкции текстов на разных уровнях — от базовых элементов композиции и архетипических компонентов смысла до грамматической организации текста. Это определяет многообразие подходов, применяемых при исследовании — здесь как классические методы семиотики, фольклористики и нарратологии, так и новейшие методики грамматической семантики и лингвистической типологии.

В 2009 г. основным направлением работы должен был быть сбор и предварительный анализ материала, а также проведение ряда научных мероприятий, позволяющих включить наши исследования в более широкий контекст.

Международная конференция «Балканские чтения 10» была приурочена к 100-летию (1909) выхода классической работы А. Ван Геннепа об обрядах перехода (rites de passage), но расширила тему, ориентировав ее на особенности балканского архетипа и балканской картины мира: «Переходы, перемены, превращения». К Чтениям был выпущен сборник предварительных материалов (12 п.л.). В составе редколлегии — И.А. Седакова (отв. редактор), М.М. Макарцев, Т.В. Михайлова (Цивьян). Они выступили с докладами, посвященными когнитивному анализу семантики определенных лексических групп в балканских языках и выявлению причин «балканизации» общеславянских глаголов в южнославянских языках (И.А. Седакова), анализу категории пересказывания в балканских языках (одна из ярких черт балканского языкового союза) на материале классического сюжета «Баллады о мёртвом брате» (М.М. Макарцев), анализу «превращения» этого же фольклорного сюжета в сюжет современного албанского романа (Т.В. Цивьян).

Эта тема получила развитие на X съезде МАЮВЕ (Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы, Париж, 24–26 сентября 2009). К Конгрессу был издан сборник «Доклады российской делегации. X конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Париж, 24-26 сентября 2009 г.)». СПб., 2009. 368 с.). Членом редколлегии (совм. с Н.Н. Казанским, К.В. Никифоровым и др.) и составителем сборника стала И.А. Седакова. В сборник вошли 24 статьи, посвященные мифологии Балкан

(статьи А.А. Плотниковой, О.В. Чёха, К.А. Климовой), диалектологии в свете проблемы миграций на Балканах (статьи С.А. Сидневой, В.В. Федченко), проблематике балканского языкового союза (А.Ю. Русаков) и др. Участники проекта И.А. Седакова и М.М. Макарцев опубликовали статьи по лингвистическим вопросам фольклорных текстов балканских народов. Как секретарь Российского комитета МАЮВЕ И.А. Седакова отвечала за участие российской делегации в Конгрессе. 19 балканистов из Москвы и Петербурга (в том числе участники проекта И.А. Седакова, М.М. Макарцев) выступили с докладами по актуальным проблемам лингвистики, фольклора, мифологии, истории Балкан.

Балтийская составляющая проекта также нашла своё отражение в проведении в Москве трех международных конференций.

Первая международная конференция «Многоязычный Вильнюс: прошлое и настоящее столицы Литвы» состоялась 22 апреля 2009 г. в «Доме Юргиса Балтрушайтиса» и была организована совместно с Посольством Литовской Республики в Российской Федерации и Институтом литовской литературы и фольклора. В оргкомитете были участники проекта Т.В. Цивьян и М.В. Завьялова. Конференция была приурочена к празднованию 1000-летия первого упоминания Литвы в письменных источниках, а также к европейской программе «Вильнюс – культурная столица Европы 2009». В своем вступительном слове на открытии конференции Т.В. Цивьян затронула круг вопросов, относящихся к семиотике многокультурного города-столицы, к проблематике многоязычия и многоэтничности вообще и к особенностям культурной истории Вильнюса, объединявшем в разные века представителей различных конфессий и этносов. М.В. Завьялова выступила на этой конференции с докладом «Многоязычный Вильнюс в преданиях Вингиса/Захорского», в котором рассмотрела тенденции в описании представителей различных народов в аналогичных текстах литовца (Вингиса) и поляка (Захорского). По этим данным можно сделать выводы об этноязыковой картине Вильнюса и о взаимоотношениях населявших его народов. Материалы этой конференции войдут в сборник, издаваемый Институтом литовской литературы и фольклора в Вильнюсе.

Вторая международная конференция была посвящена открытию Центра балто-славянских исследований. Она состоялась в Институте славяноведения РАН 16 июня 2009 г. В организации конференции принимали участие Т.В. Цивьян, М.В. Завьялова, П.М. Аркадьев. В конференции участвовали известные балтисты и представители различных балтистических центров из Литвы, Латвии, Италии, Германии, России. Наряду

с поздравлениями, пожеланиями, воспоминаниями и речами прозвучали научные доклады, посвященные разным аспектам балтистики и перспективам изучения балтийских языков. Особой темой стала пруссистика (различным ее аспектам было посвящено 4 доклада) и ее перспективы, в частности, обработка картотеки словаря прусского языка В.Н. Топорова, о чем говорилось в сообщении М.В. Завьяловой.

В рамках международной конференции «Современные подходы к балтийскому языкознанию / Contemporary Approaches to Baltic Linguistics» (октябрь 2009 г.), в оргкомитет которой входили участники проекта (П.М. Аркадьев и М.В. Завьялова), были подняты и обсуждены целый ряд актуальных вопросов изучения литовского и латышского языков. Хотя проблемы структуры текста в докладах, представленных на конференции, напрямую не затрагивались, идеи и результаты целого ряда сообщений имеют непосредственное отношение к проблематике проекта. В частности, рассмотренные на тематической секции проблемы синтаксических отношений и падежа в балтийских языках, несомненно, имеют дискурсивный аспект и могут быть изучены в том числе и на материале текстов различных жанров и типов. Такое изучение, однако, невозможно без предварительного выявления инвентаря конструкций и сочетающихся с ними лексических единиц и возможных семантико-грамматических ограничений на эту сочетаемость, а эти вопросы для балтийских языков выяснены ещё не окончательно.

К анализу балканского времени и пространства обращается работа Т.В. Цивьян «О русской ипостаси Черного Арапа и ее эволюции», написанная в рамках Европейского исследовательского проекта по поэтике и герменевтике. Образ Черного Арапа, отраженный в балканской модели мира, где он представляет опасный и враждебный иной мир, проецируется на русскую этнокультурную традицию, которая превращает его из мифологического Змея, противника громовержца в трикстера, карточного шулера, комическую, хотя и опасную, фигуру.

И.А. Седакова изучала мифологические тексты с точки зрения фразеологии и глагольной лексики, лежащей в основе их конструкции. На данном этапе анализ материала был ограничен балканославянскими глаголами «хватать», демонстрирующими важные специфические черты, которые значительно отличают эту лексику от однокоренной инославянской. Причиной развития таких отличий следует считать балканскую изосемию, которая столь важна в рамках балканского языкового союза. Этой проблеме были посвящены статья и доклад на Балканских чтениях 10: «Балканские глаголы ‘хватать’: мотивы переходов и перемен в лексике и фразеологии // Переходы.

Перемены. Превращения. Балканские чтения 10. Тезисы и материалы. 31 марта – 2 апреля 2009 года». М., 2009.

В статье и докладе «Семантика и узус балканославянских глаголов ‘хватать’ в этнолингвистическом освещении» // Доклады российской делегации. X конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Париж, 24-26 сентября 2009 г.). СПб., 2009 И.А.Седакова сосредоточилась на южнославянской глагольной лексике со значением «хватать», расширив охват текстов, в которых эти глаголы используются. Больший материал и более подробное сопоставление с восточнославянской однокоренной лексикой позволило усмотреть роль префиксации в процессе балканизации однокоренных славянских глаголов. Эти формальные и семантические аспекты в своей совокупности и взаимозависимости еще не были предметом специального анализа, и работа в этом направлении будет продолжена в 2010–2011 гг. на материале других славянских и балканских глаголов.

М.М. Макарцев исследовал функционирование грамматической категории эвиденциальности в пространстве балканского текста (на материале болгарских, македонских и албанских версий «Баллады о мертвом брате»). Ранее предполагалось, что эти маркеры употребляются в болгарских, македонских и албанских народных песнях бессистемно, однако анализ, проведённый в рамках традиций московско-тартуской семиотической школы и с использованием новейших методов дискурсивного изучения грамматических категорий, показал, что употребление грамматической категории эвиденциальности маркирует значимые элементы структуры текста (начало, конец, стыки между эпизодами). Кроме того, оказалось возможным выделить определенные группы глаголов, которые, как правило, маркируются свидетельскими/несвидетельскими формами (глаголы речи и глаголы движения). В докладах на Балканских чтениях в Москве (март 2009), на XXXVIII Международной филологической конференции в Санкт-Петербурге (март 2009) и X конгрессе исследователей МАЮВЕ в Париже (сентябрь 2009) М.М. Макарцев представил основные результаты своей работы. В 2009 году было подготовлено четыре статьи по разным аспектам функционированию категории эвиденциальности в пространстве текста, две из которых уже вышли. Разработанный материал использован также в кандидатской диссертации «Категория эвиденциальности в пространстве балканского текста (на материале болгарского, македонского и албанского языков)», которая успешно прошла предварительную защиту в октябре 2009 г. и готовится к защите в начале 2010 г.

Основным направлением работы М.В. Завьяловой было изучение балтийских и славянских фольклорных текстов (как традиционных, так и новейших) с целью выявления и сопоставления базовых концептов, формирующих конструкцию жанра, и обозначений набора кодов, их реализующих. В частности, М.В. Завьялова занималась развитием некоторых формул, засвидетельствованных в разных жанрах фольклора, и их распространением на балто-славянских территориях в смежных традициях. Этому посвящена статья о рефлексах одной апофатической формулы в балто-славянском пространстве. В статье рассматривается литовская формула, присутствующая в разных жанрах фольклора (заговорах, загадках, песнях свадебного цикла) и ее рефлексы на балто-славянском пространстве (в латышском, польском, русском и белорусском фольклоре), а также типологические параллели и отражение в современной литовской поэзии. На уровне текстов взаимодействие балтийского и славянского мира было проанализировано также в преданиях, посвященных Вильнюсу. На языковом уроне взаимодействию балтийского и славянского пространства посвящена ее статья о механизмах адаптации славянских заимствований в литовском языке (статья в печати). В статье анализируются конструкции в литовском языке, представляющиеся собой кальки с русского и польского языков, и выявляются механизмы языка, определяющие появление именно таких заимствований. Делается предположение, что основные механизмы, приводящие к заимствованию грамматических и семантических моделей, являются нормальными тенденциями развития любого языка и отражают его потенциал.

П.М. Аркадьев занимался исследованием малоизученных грамматических категорий литовского языка (авертива, континуатива и лимитива) с точки зрения их морфосинтаксиса, семантики и функционирования в тексте. В ходе десятидневной командировки в Литву путём опроса носителей языка и анализа архивных текстов был собран большой объём материала по нескольким грамматическим категориям, находящимся на «периферии» системы языка и потому практически не представленных в существующих описаниях, ориентированных прежде всего на абстрактную языковую норму, однако довольно активно функционирующим в текстах самых разных жанров (от фольклора и художественной литературы до неформальных текстов, представленных в интернете). С морфологической точки зрения эти категории объединяются тем, что в их выражении важную или основную роль играют префиксы, причём префиксы, не входящие — ни с формальной, ни с функциональной точек зрения, в характерную для балто-славянского языкового ареала систему пространственно-аспектуальных превербов. Эти категории представляют интерес с самых разных точек зрения. В 2009 г. в первую очередь

нас интересовало то, как их грамматическое значение взаимодействует с лексическим значением глагола и с другими грамматическими категориями, поскольку без понимания этих факторов невозможно адекватное изучение функционирования таких категорий в структуре текста. В этом направлении был получен ряд нетривиальных результатов, важнейший из которых состоит в том, что категория континуатива способна иметь различную сферу действия по отношению к таким грамматическим операторам, как хабитуалис, перфект и модальность, что приводит к необходимости пересмотреть существовавшие до сих пор представления о семантико-грамматической структуре литовского глагола. Кроме того, в результате текстового анализа была выявлена асимметрия в употреблении утвердительных и отрицательных форм континуатива; последние имеют более широкую сочетаемость с лексическими классами глаголов и демонстрируют дрейф от чисто аспектуальной категории к более сложным значениям, напрямую связанным со структурой текста. Результаты этой работы легли в основу доклада на IX международной конференции по виду, времени и модальности в Париже (сентябрь 2009 г.) и будут изложены в виде статьи.

Основная установка участников проекта – как можно более широкий (в идеале – холистический) охват. Охват *текста* на лингвистическом уровне: анализ «по ярусам», от фонетики и фонологии до семантики – в типологической и исторической перспективе. Охват *текстов* в максимальном масштабе – разные традиции, разные жанры, разная хронология. Это вышло за рамки типологии и структуры текста как в сторону культурной антропологии, установления моделей мира конкретных традиций и на их основании – универсальных архетипических черт, – так и в сторону грамматики и структуры языка. Представляется, что именно в этом состоит главный результат работы и индивидуальность подхода нашей группы – подхода, основанного на традициях русской семиотической и структурно-типологической школы, завоевавшей себе прочную репутацию.

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников)

14

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации (до 0,5 стр.)

«Переходы. Перемены. Превращения. Балканские чтения 10. Тезисы и материалы. 31 марта – 2 апреля 2009 года». / Отв. ред. И.А. Седакова. М., 2009. 196 с. 12 п.л.

Сборник материалов к Балканским чтениям 10, посвященным 100-летнему юбилею выхода в свет книги А. Ван Геннепа «Rites de Passage». Концепт перехода, трансформаций, метаморфоз и перемен исследовался на материале разных традиций, временных срезов и типов текстов, как фольклорных, так и авторских. «Переход» в статьях трактовался прежде всего в традиционном для лингвокультурных и этнологических исследований в его трехчастном виде (обряды отделения, промежуточные и обряды включения). Поэтому инициация, лиминальность, включение стали предметом ряда статей. Блок статей был посвящен собственно обрядам «перехода» – свадьбе, погребению, рождению, а также смежным с ними обрядам «превращений». Концепты жизни и смерти, «этого» и «того» мира, символика хтонического и потустороннего анализировались во многих статьях, написанных на материале фольклора, мифологии, искусства и литературы. В лингвистике «переход» проецировался на диалектологию, ареальную лексикографию и стандартизацию балканских языков.

8. Список опубликованных по проекту статей (объемом не менее 1 п.л.)

1. Т.В. Михайлова (Цивьян). On the Russian Hypostasys of the Black Arab and its Evolution // The Black Arab as a Figure of Memory / Interpretations. Vol. 3. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Art, 2009. 53-71.

2. Т.В. Михайлова (Цивьян). О мифологических коннотациях дачи // The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area. Aleksanderi Series 3/2009. Helsinki. 11-26.

3. Т.В. Михайлова (Цивьян). Prisiminimai apie Vladimirą Nikolajevicių Toporovą // Vladimiras Toporovas ir Lietuva. Vilnius: Lietuviu kalbos institutas, 2009. 203-236 (С Ю.Будрайтисом и М.Завьяловой).

4. И.А. Седакова. Семантика и узус балканославянских глаголов ‘хватать’ в этнолингвистическом освещении // Доклады российской делегации. X конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Париж, 24-26 сентября 2009 г.). СПб., 2009. С. 281-297.

5. М.В. Завьялова. Рефлексы одной апофатической формулы в балто-славянском пространстве // Балто-славянские культурные связи. Сборник статей. Составитель и ответственный редактор Я. Курсите. Рига, 2009, стр. 318-330.

9. Список книг, сданных в печать или поданных на издательские гранты (указать ожидаемое время издания, объем в а.л.)

10. Экспедиции, проведенные в рамках проекта (регион, руководитель, сроки, тематика исследований, полученные результаты, их значимость – до 2 стр.)

11. Конференции, организованные в рамках проекта (название, место и сроки проведения, обсуждаемые проблемы, результаты)

1. Балканские чтения 10. Переходы. Перемены. Превращения. 31 марта – 2 апреля 2009.

Десятые, балканские чтения были посвящены 100-летию выхода в свет книги А. ван Геннепа «Rites de Passage», ставшей классикой для исследователей культуры в широком смысле слова. Тематика Балканских чтений «Переходы. Перемены. Превращения» апеллировала к разностороннему восприятию концепта перехода и его стадий в языках, фольклоре, искусстве, народной культуре и литературах балканских народов от античности до современности.

На конференции выступили 30 докладчиков: ученые из России (Москва – Институт славяноведения РАН, МГУ им. М.В.Ломоносова, ГМИИ им. А.С.Пушкина; Петербург – Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербургский государственный университет, Кунсткамера), а также иностранные гости из Молдовы, Болгарии, Македонии и Сербии.

Результатом конференции стало уточнение и расширение понятия «переход» применительно к лингвокультурным исследованиям в балканистике. Один из важнейших концептов и вместе с тем «инструментов» изучения балканской проблематики в ходе выступлений и дискуссий на конференции оказался чрезвычайно «удобным» для анализа собственно лингвистических аспектов функционирования балканского языкового союза. Кроме того, «переход» даже вне ритуального значения в наши дни обозначает

чрезвычайно актуальную проблематику, связанную с миграцией культур и языков на Балканском полуострове.

2. Международная конференция «Многоязычный Вильнюс: прошлое и настоящее столицы Литвы». «Дом Юргиса Балтрушайтиса», 22 апреля 2009 г. Организаторы Конференции: Институт славяноведения РАН, Посольство Литовской Республики в Российской Федерации, «Дом Юргиса Балтрушайтиса», Институт литовской литературы и фольклора.

Количество участников – 12: специалисты из Института славяноведения РАН, Санкт-Петербургского университета, Института литовской литературы и фольклора, Института философии, культуры и искусства Литвы, Вильнюсского университета. Конференция была приурочена к празднованию 1000-летия первого упоминания Литвы в письменных источниках, а также к европейской программе «Вильнюс – культурная столица Европы 2009». На конференции обсуждался круг вопросов, связанных с культурой, литературой и искусством народов, живших и ныне живущих в Вильнюсе. Результатом конференции стал обзор и анализ важнейших этнических составляющих в многогранной культуре города Вильнюса, выявление его своеобразия, связанного с многоязычием и полиэтничностью, а также попытка некоторых типологических обобщений, связанных с семиотикой города.

3. Круглый стол, посвященный открытию Центра балто-славянских исследований. Институт славяноведения РАН, 16 июня 2009 г. Организатор: Центр балто-славянских исследований Института славяноведения РАН. Количество участников – 18. Открытие Центра было задумано как международная конференция, на которую собрались известные балтисты и представители различных балтистических центров из Литвы, Латвии, Италии, Германии, России. Наряду с поздравлениями, пожеланиями, воспоминаниями и речами прозвучали научные доклады, посвященные разным аспектам балтистики и перспективам изучения балтийских языков. Встреча балтистов в Москве и создание балто-славянского Центра стала очень важной вехой в развитии балто-славянского направления исследований и в укреплении научных связей с коллегами из стран Балтии.

4. Международная конференция «Современные подходы к балтийскому языкознанию» (Contemporary Approaches to Baltic Linguistics), 7–8 октября 2009 г.

Конференция была посвящена актуальным проблемам изучения балтийских языков и фактически состояла из двух секций: общей, в докладах на которой были затронуты такие

темы, как лексическая типология, взаимодействие лексики и грамматики, фонология, морфонология, исторический морфосинтаксис; и тематической секции, посвящённой проблемам синтаксических отношений и падежного маркирования в балтийских языках. Помимо обычных докладов на конференции были представлены «пленарные» доклады двух ведущих зарубежных специалистов по балтийскому языкознанию (А. Хольвута и Б. Вимера). Материалы конференции доступны в интернете.

5.6. **Таксисные конструкции в славянских языках. Руководитель – д.ф.н. Виктор Самуилович Храковский**

Данный исследовательский проект посвящен изучению категории таксиса и средств ее выражения в славянских языках. Таксис, в нашем понимании, — это функционально-семантическая категория, которая реализуется в бипропозитивных (и, шире, полипропозитивных) конструкциях, где различными грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность / неодновременность: предшествование, следование) одной ситуации P_1 относительно другой ситуации P_2, чья временная локализация характеризуется относительно времени речи, т. е. независимо от какой-либо еще ситуации P_n. Если конкретные таксисные значения маркируются с помощью тех или иных специализированных глагольных форм, то в этом и только в этом случае можно говорить о таксисе как о нешифтерной грамматической категории глагола, максимально включающей три граммемы (предшествование, одновременность, следование), которые перечисляются, как нам представляется, по степени их прагматической значимости и маркированности в языке специальными средствами.

В 2009 г. был завершен первый этап работы по проекту

Подготовлены первые варианты практически всех глав монографий «Таксисные конструкции в славянских языках»:

«Таксис в болгарском языке» (автор — проф. Р.Ницолова, София),

«Таксис в украинском языке» (автор — проф. Л. Попович, Белград),

«Таксис в сербском языке» (автор — проф. Л. Попович, Белград),

«Таксис в чешском языке» (автор — проф. Я. Паневова, Прага),

«Таксис в русском языке» (авторы — проф. А. Барентсен, Амстердам, проф. Н.Зорихина-Нильссон, Гётеборг),

«Таксис в македонском языке» (автор — проф. М. Миркуловска, Скопье),

«Таксис в белорусском языке» (автор к.ф.н., доц. Н.В.Супрунчук, Минск),

«Таксис в лужицком языке» (автор — проф. Л.Шольце, Констанц),

«Таксис в польском языке» (автор — проф. И. Лучкув, Вроцлав),

«Таксис в словацком языке» (автор М. Дудок, Братислава). Объем глав: от 0,5 а.л. до 1,5 а.л.

Руководитель проекта (В.С. Храковский) отредактировал все подготовленные материалы и написал первый вариант вводной статьи (2 а.л.). Кроме того, продолжалась работа над типологической анкетой и ее адаптацией к материалу славянских языков (1 а.л.). Осенью 2009 г. была проведена серия рабочих консультаций по проекту, которые были осуществлены во время заседания Комиссии по грамматическому анализу славянских языков при Международном комитете славистов, членами которой является руководитель проекта и ряд авторов глав коллективной монографии (А. Барентсен, Я. Паневова, Р. Ницолова).

Полученные в 2009 г. результаты характеризуются безусловной новизной, научной значимостью и соответствуют мировому научному уровню.

Для проведения исследования использовалась типологическая Анкета для описания таксисных конструкций. Данная анкета была разработана В.С. Храковским и использована для описания таксисных конструкций в разноструктурных языках различной генетической и ареальной принадлежности. Последний на сегодняшний день вариант анкеты опубликован в: *Храковский В.С. (отв. ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009.* Анкета устроена следующим образом. Она состоит из нескольких разделов, каждый из которых посвящен определенному комплексу проблем. В экспозиции разделов дается краткая характеристика комплекса проблем, в отдельных случаях сопровождаемая минимальными иллюстрациями из различных языков. И лишь после этого формулируются те вопросы к данному комплексу проблем, на которые нужно отвечать при описании таксиса в любом конкретном языке. Ниже мы приводим фрагмент этой анкеты проекта, что иллюстрирует, во-первых, теоретическую базу нашего исследования, а, во-вторых, его принципиальную новизну:

1. *Выделяются ли в Вашем языке таксисные конструкции, соответствующие предложенному определению этих конструкций? Возможно ли в Вашем языке выражение хронологических отношений в единицах текста, больших чем предложение?*
2. *Если таксисные конструкции выделяются, то распределяются ли они по установленным типам естественной классификации?*
3. *Все ли четыре типа таксисных конструкций представлены в Вашем языке?*
4. *Если в Вашем языке представлены таксисные конструкции не всех четырех типов, то укажите, какие типы таксисных конструкций отсутствуют в Вашем языке?*
5. *Каковы сходства и различия в оформлении тех типов таксисных конструкций, которые есть в Вашем языке?*
6. *Согласны ли Вы с предложенной иерархией выделенных типов таксисных конструкций? Если не согласны, то укажите, какие изменения необходимы с Вашей точки зрения?*
7. *Если, с Вашей точки зрения, предложенная классификация таксисных конструкций не адекватна, то предложите классификацию, которая более адекватно отражает существующее положение вещей.*

⟨…⟩

1. *Релевантна ли для описания таксисных конструкций в Вашем языке предложенная классификация частных таксисных значений?*
2. *Если предложенная классификация релевантна, то все ли из перечисленных частных значений маркируются в Вашем языке?*
3. *Какие из выделенных частных значений маркируются грамматическими и/или лексическими средствами?*
4. *Есть ли в Вашем языке такие частные значения, которые маркируются одним грамматическим средством, разными грамматическими средствами? Если возможно использование различных грамматических средств, то чем определяется выбор того или другого конкретного средства?*
5. *Есть ли в Вашем языке грамматические средства, которые маркируют несколько частных таксисных значений? Являются такие частные значения сопредельными или несопредельными на шкале таксисных значений?*
6. *Есть ли в Вашем языке грамматические средства, которые маркируют не частные, а общие таксисные значения предшествования, одновременности, следования без их дальнейшей детализации?*

⟨…⟩

1. *В каких конструкциях (СПП, ОП, простое предложение) реализуется невалентностный нефоновый таксис в Вашем языке? Какие из конструкций, представленных в Вашем языке, являются прототипическими?*
2. *В какой позиции (препозиция, постпозиция, интерпозиция) может выступать часть предложения с зависимой таксисной формой относительно части предложения с опорной таксисной формой? Если ограничений на выбор позиций в принципе нет, то какая из перечисленных позиций является преферентной?*
3. *Какие глагольные формы (финитные и/или нефинитные) выступают в роли зависимой формы в конструкциях невалентностного нефонового таксиса в Вашем языке?*
4. *Если в Вашем языке употребляются зависимые финитные формы, то являются ли эти формы специализированными или же таксисное значение присуще им в определенной синтаксической позиции, в комбинации с таксисным союзом? Какие таксисные значения выражают эти формы? Могут ли эти формы «по совместительству» выражать значение абсолютного времени? Могут ли эти формы «по совместительству» выражать невременные значения? Если могут, то какие именно (причинные, условные, уступительные и т. п.)? Если в Вашем языке есть категория наклонения, то к каким наклонениям (изъявительному, сослагательному, условному и т. п.) могут относиться зависимые финитные формы?*
4. *Если в Вашем языке употребляются нефинитные таксисные формы, то что это за формы (деепричастие, причастие, инфинитив, отглагольное имя и т. п.)? Какие глагольные и/или именные категории присущи эти формам? Если в Вашем языке*

представлены различные нефинитные формы, то чем мотивируется выбор и употребление той или другой конкретной формы в таксисной конструкции?

5. *Можно ли характеризовать нефинитные таксисные формы в Вашем языке как однореферентные, разнореферентные, безразличнореферентные? Может ли быть выражен субъект при однореферентных нефинитных формах, и если может, то как он оформляется, так же, как при опорных формах или иначе?*
6. *Какие таксисные значения выражают нефинитные формы? Могут ли таксисные нефинитные формы «по совместительству» выражать другие значения? Если могут, то какие именно (причинные, условные, уступительные)?*
7. *Какие финитные формы в Вашем языке могут выступать в роли опорных форм в таксисных конструкциях? Существуют ли какие-либо ограничения или корреляции, связанные с употреблением определенных финитных или нефинитных форм в роли зависимых таксисных форм?*
8. *Какие грамматические категории зависимых и опорных форм глагола релевантны для выражения таксисных значений?*
9. *Есть ли в Вашем языке формально различные, но синонимичные таксисные конструкции? Если такие конструкции есть, то можно ли сформулировать правила их выбора для конкретного употребления? Можно ли считать одни из синонимичных конструкций преферентными, а другие — маргинальными?*
10. *Есть ли в Вашем языке таксисные союзы? Если такие союзы есть, то какие финитные / нефинитные глагольные формы, вводимые этими союзами, могут выступать в роли зависимых таксисных форм? Какие финитные формы в этом случае выступают в роли опорных таксисных форм? Какие таксисные значения могут быть выражены таким способом? Какова семантика конкретных таксисных союзов? Есть ли среди них синонимичные союзы? Могут ли таксисные союзы иметь в качестве маргинальных нетаксисные значения? Какова структура таксисных союзов, т. е. есть ли среди них наряду с простыми также и составные союзы? Известна ли этимология таксисных союзов в Вашем языке? Могут ли таксисные союзы служить базой для образования каких-либо других союзов? Если в Вашем языке есть асемантические союзы, то могут ли они употребляться в таксисных конструкциях? Употребляются ли в таксисных конструкциях коррелятивные союзы?*
11. *Есть ли таксисные предлоги / послелоги в Вашем языке? Если такие таксисные предлоги / послелоги есть, то какие нефинитные глагольные формы / отглагольные имена, вводимые этими предлогами / послелогами, могут выступать в роли зависимых таксисных форм? Какие финитные формы в этом случае выступают в роли опорных таксисных форм? Какие таксисные значения могут быть выражены таким способом?*
12. *Существуют ли какие-либо ограничения или преференции для употребления тех или иных таксисных конструкций в текстах различной стилевой принадлежности?*

⟨…⟩

Новизна результатов проявляется также в том, что данный проект является одним из первых опытов «внутригруппной» типологии: методология исследования, разработанная на типологической базе (сопоставительное изучение языков, между которыми отсутствует генетическое родство и ареальный контакт), применяется для анализа структурных особенностей близкородственных языков. Кроме того, существенным моментом данного проекта является то обстоятельство, что исследуется группа языков ц е л и к о м (в выборку не попали только мертвые славянские языки).

Среди частных результатов, полученных к настоящем моменту, также имеются такие, которые можно считать принципиально новыми. Приведем всего два примера:

Обнаружено, что в лужицком разговорном языке перфективные формы настоящего времени обозначают действие, происходящее в настоящий момент (для предельных глаголов). Для непредельных глаголов действие, происходящее в настоящий момент, обозначается с помощью форм имперфектива.

В чешском языке отмечено наличие двух временных союзов со значением «когда», дистрибуция которых определяется временным планом высказывания.

В целом можно сказать, что работа с материалом славянских языков по единой типологической анкете позволила по-новому взглянуть на многие известные факты грамматик этих языков. Именно это обстоятельство определяет **научную и практическую значимость** промежуточных результатов исследования, которые позволят осмыслить соответствующие разделы грамматик современных славянских языков (связанные, например, с оформлением бипредикативных конструкций в этих языках) уже на новом уровне.

6. **Общее число опубликованных по проекту работ** В 2009 г. публикации по проекту не планировались

7. **Список опубликованных монографий и сборников статей** В 2009 г. выход в свет монографий и сборников статей по проекту не планировался

8. **Список опубликованных по проекту статей** В 2009 г. публикация статей по проекту не планировалась

9. **Список книг, сданных в печать или поданных на издательские гранты** Не планировалось

10. Экспедиции, проведенные в рамках проекта Экспедиции по проекту не планировались

11. Конференции, организованные в рамках проекта В 2009 г. научные мероприятия по проекту не планировались.

5.7. Семантическая и формальная избыточность текста в современном русском литературном языке. Руководитель – д.ф.н. Мария Дмитриевна Воейкова

В 2009 году проводилась работа по координации участников проекта с теми исследователями, которые занимались проблемой избыточности с разных точек зрения. Создана проблемная группа «Семантическая и формальная избыточность текста в русском литературном языке» в рамках семинара по функциональной грамматике Петербургского лингвистического общества, которая регулярно собиралась в отделе теории грамматики ИЛИ РАН для обсуждения докладов участников проекта и специалистов по изучению избыточности. В рамках этих заседаний были заслушаны и обсуждены следующие доклады: «Избыточность в грамматической системе русского языка (на материале записей устной речи) М.Д. Воейковой, «Пропуск предлога: устранение фонетической, грамматической и текстовой избыточности (на материале бытовых писем XVI - нач. XVIII в.)» О.В. Блиновой (СПбГУ), «Исследование избыточности русского звучащего текста» Е.В. Ягуновой (СПбГУ), «Сокращения в современном немецком языке как результат словообразовательной редукции» К.В Манеровой (СПбГУ*), «*Значение избыточности грамматического маркирования для процессов порождения высказывания» О.Б. Сизовой (ГДОУ № 85 СПб), «Конкуренция форм СВ и НСВ при выражении неактуального настоящего в русском языке (в сопоставлении с турецким) Л.Ч. Далкылыч (СПбГУ), «Модусные вопросы в диалоге: избыточность или необходимость» В.В. Казаковской (ИЛИ РАН). До конца года планируется обсуждение еще четырех докладов (С.С. Сай (ИЛИ РАН), И.Н. Смирнов (ИЛИ РАН), М.В. Хохлова (СПбГУ), Л.Н. Дешелиева (РГГУ)). Тексты уже обсужденных сообщений составили основную часть запланированного сборника «Избыточность в грамматическом строе языка», который выйдет в свет в серии Acta Linguistica Petropolitana в первом квартале 2010 года. Деньги на издание сборника переведены в издательство «Нестор-История», которое выпускает труды ИЛИ РАН, для создания оригинал-макета и печати тиража. Основные научные результаты исследования (по главам сборника) состоят в следующих наблюдениях.

Введение. Интерес к явлению языковой избыточности проявился в исследованиях 60-70 гг. в связи с формализацией лингвистических знаний и применением к языковому материалу математических методов исследования. Современное понимание избыточности представлется более детализированным. Целесообразно различать интенциональную и неинтенциональную избыточность, причем на долю неинтенциональной избыточности приходится более значительная часть описываемых явлений по сравнению с избыточностью интенциональной, осуществляемой за счет сознательных повторов.

В работах последних лет были намечены основные разновидности понимания языковой избыточности. С одной стороны, под избыточностью понимают двойное маркирование одного и того же семантического содержания разными языковыми единицами в составе синтагмы (синтагматическая избыточность единиц одного и того же языкового уровня), ср. явление согласования по роду, числу, падежу. Явление синтагматической избыточности выступает на передний план при анализе процессов восприятия и порождения высказывания (статьи О.Б. Сизовой, Е.В. Ягуновой, Е.В. Грудевой). При этом существенно различать собственно синтагматическую избыточность (реализованное в высказывании двойное маркирование) и «предсказуемость» - не реализованное, а намеченное в высказывании двойное маркирование, при котором некоторые свойства языковых единиц левого контекста помогают предугадать форму единиц зависимого правого контекста (ср. глагольное управление, например, предсказуемость формы дополнения в вин. падеже после переходного глагола). Разграничение избыточности и предсказуемости последовательно проводится в работах Е.В. Грудевой. С другой стороны, некоторые авторы рассматривают явление парадигматической избыточности, состоящей в существовании грамматических дублетов в системе языка. Реализация парадигматической избыточности приводит к конкуренции форм, подчиняющейся семантическим и системным правилам (см. статьи Л.Н. Дешелиевой, И.Н. Смирнова, Л.Ч. Далкылыч). Аналогичные явления наблюдаются не только на уровне морфологических дуплетов или синонимов, но и на уровне синтаксических дублетов (см. статью С.С. Сая).

Так, анализируя материал вариантных форм родительного и предложного падежа единственного числа и именительного падежа множественного числа, Л.Н. Дешеулина отмечает, что во всех трех случаях действуют одни и те же факторы. Во-первых, развитие в словах вариантных форм объясняется историческими причинами, преимущественно взаимодействием старых типов склонения. Во-вторых, сосуществование данных форм характерно для определенных тематических групп слов, причем при избыточности парадигмы эти группы во многом оказываются тождественными. Так, например, существительные с вещественным значением, называющие пищевые продукты и напитки; состояния природы сохраняют вариантные формы во всех трех списках; состояния, называющие части живого организма; приспособления; рельеф местности и местоположение на ней объектов; сооружения и постройки, совпадают в списках существительных с вариантными формами предложного падежа и именительного падежа.

В-третьих, решающую роль в данных образованиях сыграл акцентологический фактор. В-четвертых, на сосуществование вариантных форм оказывает влияние стилистическая маркированность слов. Так, форму *–а* именительного падежа множественного числа принимают на себя многие существительные, имеющие в словаре помету «проф.» (*стопор, клапан, дюбель*). Вариантные формы второго родительного и второго предложного падежей, именительного падежа множественного числа имеют слова, преимущественно употребляемые в разговорной речи (*хлам, хряст, баз*). На разговорный характер существительных указывают и суффиксы субъективной оценки. Слова с такими суффиксами также имеют избыточные формы (*бережок, коньячок, крылечко, лачок, носище, хлебушко*). Сходный набор факторов оказывает влияние на выбор одного из дублетов в составе глагольной парадигмы (И.Н. Смирнов, Я.Э. Ахапкина).

Некоторые авторы придерживаются понимания избыточности, опирающегося на теорию информации (Е.В. Ягунова, Е.В. Грудева). Основным отличием этого подхода к

изучению избыточности является опора на устный или письменный текст, в котором избыточность предстает не как потенциальное, а как уже реализованное явление. Избыточность текста может быть измерена при помощи определенных математических операций и поддается экспериментальному анализу. В работах представлены результаты так наз. «лакунарных» экспериментов, показывающих, какой процент утраченных фрагментов текста на русском языке подлежит восстановлению. При этом принимается во внимание не только синтагматическая и парадигматическая избыточность и предсказуемость, но и любые особенности текста, облегчающие его понимание. С описанной традицией связано также и представление об избыточности как о действии «вспомогательных механизмов», объединяющих средства различных языковых уровней (например, взаимодействие фонологического и морфологического уровней системы языка при усилении падежных маркеров).

Различные понимания термина «избыточность» не мешают рассматривать данные разнородные явления в составе одного сборника, поскольку все они выполняют сходную функцию — облегчения процесса говорения и понимания. Отключение механизмов избыточного оформления высказывания, наблюдающееся при некоторых видах афазии, затрудняет оба процесса (Воейкова 2009а: 86-95). В нормальной речи существуют механизмы компенсации, позволяющие слушающим опираться на вспомогательные механизмы в условиях недостаточной силы основных морфологических маркеров (Воейкова 2009б (в печати)).

В материалы сборника включены работы, в которых анализируется языковая избыточность за пределами рамок современного русского литературного языка (К.В. Манерова, Л.Ч. Далкылыч, О.Б. Сизова, О.В. Блинова). Это создает условия для сопоставительного и диахронического изучения явления избыточности на современном материале.

Теория избыточности также позволяет объяснить некоторые закономерности явлений эллипсиса в русском языке (Е.В. Грудева, С.Н. Цейтлин, В.В. Казаковская). Так, в статье В.В. Казаковской определяется понятие и семантический объем модусных вопросов; очерчивается репертуар репрезентирующих модус реплик; предлагается типология вопросов к модусу. Анализируются структурно-семантические и конверсациональные типы вопросительных реплик, апеллирующих к различным сферам ментального модуса говорящего/слушающего. Рассматривается вопрос о прагматической оправданности/избыточности данных реплик в каноническом типе диалоге.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что для диалога типичными являются частные вопросы к ментальному модусу. Структурно избыточными, однако прагматически отягощенными оказываются те из них, которые занимают позицию первой (инициативной) реплики и обращены к сферам мнения, полагания и оценки. В свою очередь, сфера достоверного/недостоверного знания «провоцирует» появление реактивных модусных вопросы к источнику информации или способу ее получения, претендующих на роль элементов, необходимых в конверсациональной структуре связного диалога. Тем самым, собственно коммуникативная и метакоммуникативная функции, выполняемые модусными вопросами, определенным образом коррелируют с структурно-семантическим аспектом их репрезентации, а в отдельных случаях предопределяют ее.

В исследовании С.Н. Цейтлин рассматривается проблема устранения избыточности, связанного с дейксисом и ситуацией Я -ЗДЕСЬ-СЕЙЧАС. Эллипсис может касаться не только субъекта, но и адресата. Говорящий произносит : «Дай книгу», не

говоря «мне». Интересно, что чаще он бы сказал «дай сюда» («Сюда» - тоже дейктическое слова, по смыслу она равно «там, где я нахожусь», фактически здесь-«тому, кто говорит», т.е. МНЕ). Интересно, что синтаксема адресата и направления оказываются в каком-то смысле взаимозаменяемыми, что кажется в теоретическом отношении странным, но ощущается как нечто совершенно естественное. Местоименные наречия ЗДЕСЬ-СЮДА-ОТСЮДА, входящие в сферу дейксиса и связанные с позицией говорящего, тоже попадают под действие правила «актуального эллипсиса». Существенны идиоэтнические особенности этого правила (ср. англ. .give ME the book, I wash MY hands). Очевидно, что возможность пропуска элементов актуального дейксиса специфически проявляется в разных языках.

Е.В. Грудева представляет результаты экспериментального обследования русских письменных текстов. Ею демонстрируется, что русские письменные тексты имеют разную степень избыточности в зависимости от стиля (научный и разговорный стиль речи находятся на высшей отметке), на восстанавливаемость текста влияет актуальное членение высказываний (элементы темы восстанавливаются лучше, чем элементы ремы), развитая флективная морфология позволяет восстанавливать до 90% утраченных флексий.

Синтаксическая избыточность анализируется в статье С.С. Сая, посвященной показателю отрицания в придаточных предложениях с союзом *пока.* Таксисная интерпретация придаточных предложений с союзом *пока* тесным образом связана с аспектуальными характеристиками сказуемого. Большинство предложений с глаголами НСВ обозначают фоновое действие (*пока он работал на заводе, в семье было достаточно денег*). Хотя отрицание в таких конструкциях используется редко, оно потенциально несет ожидаемое значение (*пока он не работал на заводе, в семье было мало денег*). Однако в случае, если сказуемое выражено глаголом СВ, придаточное предложение с союзом выражает значение правого временного предела, т.е. обозначает событие, сменяющее или прерывающее действие, выраженное в главном предложении. В таких случаях семантически в придаточном предложении отсутствует противопоставление по полярности. Таким образом, во многих случаях, особенно в конструкциях с сентенциальными актантами, вводимыми союзом *пока* показатель отрицания *не* оказывается избыточным: *из сока убрать специи и кипятить, пока жидкость не убавится наполовину*. К факторам, влияющим на употребление частицы *не* в конструкциях с сентенциальными актантами и сирконстантами, вводимыми союзом *пока* относятся порядок слов, наречия, акциональные свойства предикатов в главном и в придаточном предложении, наличие «усилителя» *до тех пор* и т.д. В статье рассматриваются также получают интерпретацию диахронические тенденции, связанные с употреблением союза *пока* в текстах XVIII-XXI веков.

Неинтенциональная избыточность присутствует в закономерностях неорфографических написаний, особенно в те периоды развития русского языка, когда орфографическая норма еще не сложилась или охватывала не все слои населения. Так, в бытовых письмах XVI - нач. XVIII наблюдаются регулярные пропуски предлогов, особенно в тех случаях, когда начало слова по написанию совпадает с предшествующими элементами предлога. Психологические механизмы этих ошибок в письменной речи сходны с ошибками детей, обучающихся письму, и с ошибками взрослых в устной речи при оформлении адъективных сочетаний.

Анализ сбоев, допускаемых при формообразовании в адъективных сочетаниях, подтверждает функциональное значение избыточного грамматического маркирования связанных между собой словоформ для поддержания связности и грамматичности

высказывания непосредственно в процессе его развертывания. Грамматическое маркирование предшествующей формы определяет и ограничивает появление последующей словоформы, при этом зависимое или главное положение предшествующей словоформы, похоже, не играет определяющей роли, ср. распространенные в устной речи замены типа *участвует в наших самых различных* ***проектов**. Важно, что информация, закодированная в морфологическом показателе уже озвученной словоформы, определяет вероятность присоединения последующей единицы. Сбой возникает, если информация в предшествующей словоформе двусмысленна: в этом случае говорящий потенциально может выбрать из двух (или более) возможных вариантов адекватный или неуместный в контексте целостного высказывания: в последнем случае возникает окказиональная словоформа.

Следовательно, избыточное грамматическое маркирование является значимым в силу своей функциональности механизмом, обеспечивающим порождение высказывания. Описанный механизм надежно обеспечивает поддержание развертывания высказывания в любой момент протекания этого процесса; опора на этот механизм формируется уже на ранних этапах онтогенеза и существенна для порождающего высказывания носителя языка. Разработка психолингвистических объяснений для отмечаемых в устной и письменной речи ошибок происходила с опорой на основные положения трудов участника проекта д.ф.н. М.В. Русаковой, скончавшейся в сентябре 2009 г., и будет в дальнейшем учитывать сформулированные ею гипотезы синтагматического развертывания высказывания.

6. две статьи со ссылкой на программу напечатаны в 2009 г., сборник статей готовится к печати (см. п. 9).

7. нет

8. М.Д. Воейкова. Падежная система при афазии: анализ случая. В кн.: Психолингвистика. Материалы докладов Всероссийской филологической конференции 9-16 марта 2009 г. в СПбГУ. Издательство ФФИИ СПбГУ, т.1. сс. 86-95.

М.Д. Воейкова. Недискретные средства выражения падежного маркирования в устной речи (на материале Национального корпуса русского языка). В кн.: «Континуальность и дискретность в языке и речи. Язык как живая система в исследовательских парадигмах современной лингвистики», Новосибирск, Изд-во ГОУ НГПУ (2009 – в печати).

9. (Отв. ред. М.Д. Воейкова) Избыточность в языке и тексте. Acta Linguistica Petropolitana № 8, часть 3 (1 квартал 2010 г.). 12 а.л.

10. Экспедиции не планировались.

11. Организация конференций не планировалась. Участники проекта (С.Н. Цейтлин, М.Д. Воейкова и В.В. Казаковская) выступили с докладами на конференции «Наследие В.Г. Адмони и современная лингвистика», проходившей в ИЛИ РАН с 9 по 12 ноября 2009. М.Д. Воейкова выступала также с докладами на Филологической конференции

СпбГУ и в качестве приглашенного докладчика на конференции «Континуальность и дискретность в языке и речи. Язык как живая система в исследовательских парадигмах современной лингвистики» в Новосибирске (см. опубликованные статьи).

12. Важнейшие научные результаты работы по проекту (ок. 0,5 стр. для публикации на сайте программы)

По итогам первого года работы коллективом авторов подготовлен сборник статей, в которых реализованы разные подходы к явлению избыточности в современном русском литературном языке. Разграничены основные разновидности избыточности, такие как интенциональная и неинтенциональная, синтагматическая и парадигматическая, информационная и знаковая избыточность. Пилотные исследования проводились в основном на материале современного русского литературного языка с привлечением исторических данных и элементов типологического сравнения. Основным результатом первого года исследований можно считать намеченную возможность привлечения данных психолингвистики для объяснения синхронных и диахронических явлений, определение основных факторов, влияющих на бессознательный выбор говорящим той или иной дуплетной формы, а также объяснение языковых предпочтений и ошибок устной и письменной речи. Публикация результатов планируется на 1 квартал 2010 года.

5.8. Древние индоевропейские тексты. Руководитель – д.ф.н. Леонард Георгиевич Герценберг

На сегодняшний день исследование индоевропейских формульных выражений остается одной из наиболее актуальных областей современной индоевропеистики. Попытки реконструкции формульных выражений и фрагментов текста опираются на достижениях последних десятилетий в области морфологии, синтаксических конструкций (композитов), уточнения семантики реконструируемых лексических элементов праязыка, а также прояснения многих вопросов текстологии отдельных индоевропейских языковых традиций. В частности, за последние десятилетия прояснились некоторые вопросы хеттского синтаксиса.

Новизна исследовательской деятельности заключается в применении к анализируемому материалу новейших синтаксических и типологических теорий. В последнее время особое распространение получила практика применения новейших теорий в области синтаксиса и типологии к мертвым языкам (так, например, в хеттском

языке предполагается наличие «расщепленной» эргативности; порядок слов в древнегреческом языке рассматривается в прагматическом аспекте; фрагменты древнеармянского эпоса рассматриваются в свете теории формульных выражений и поэтической стилистики). Несомненно, верификация индоевропейской реконструкции с помощью теорий современного языкознания позволяет значительно дополнить и уточнить полученные ранее данные.

В первый год проекта, как и было запланировано, был проведен сбор и анализ данных, необходимых для исследовательской работы по изучению синтаксических конструкций и формульных выражений на материале отдельных древних индоевропейских языков (анатолийских, индоиранских, древнегреческого, древнеармянского).

В частности, были исследованы: анатолийские аналитические конструкции, выражающие предшествование, и их возможные связи с аналогичными конструкциями в древнегреческом, народной латыни и германских языках; вопросы «расщепленной» эргативности в хеттском языке; особенности поэтического синтаксиса древнегреческого и древнеармянского языков, различие между прозаическим и поэтическим порядком слов, влияние метрических факторов на порядок слов и процесс формирования метрических формул.

В рамках исследования древнегреческого материала особое внимание было уделено линейному синтаксису элегической поэзии. Собранный материал помог обнаружить наличие стандартных схем словорасположения (в первую очередь, в клаузуле пентаметра). Особенно стандартизированной оказывается так называемая «низовая» поэзия. В частности, изучение надгробных и посвятительных эпиграмм (т. е. текстов, в которых утилитарная составляющая играет существенную роль) показало существенную клишированность такого рода текстов, вписывающихся в весьма небольшое количество схем словорасположения.

Тщательному рассмотрению подверглась хеттская синтаксическая конструкция, выражающая предшествующее время. Хотя говорить о ее возможной связи с аналогичными конструкциями в германских и романских языках следует с осторожностью, основы для их появления могли быть заложены уже в праиндоеропейском. В рамках анализа хеттских грамматических конструкций, выражающих предшествование с использованием вспомогательных глаголов *hark-* «иметь» и *es-* «быть», были составлены списки глаголов, сочетающихся с тем или иным

вспомогательным глаголом. Это распределение не является случайным. Глаголы, использующие в качестве вспомогательного глагол *es*- «быть», также сочетаются с энклитическим местоимением -a-, используемым в качестве субъекта, в то время как в предложениях с другими глаголами эти энклитические местоимения либо используются только для выражения объекта, либо не засвидетельствованы вообще. Как показал Э. Гаррет в своей диссертации 1996 года, к классу глаголов, сочетающихся с *es*- «быть», можно применять термин ‘unaccusative’. Поэтому в список глаголов, использующих вспомогательный глагол *es*-, попали и те, у которых не было засвидетельствовано предпрошедшее время. В целом, эти глаголы в большинстве своем относятся к следующим семантическим группам: 1) глаголы, выражающие эмоции; 2) глаголы состояния и изменения состояния; 3) непереходные глаголы перемещения. Стоит отметить, что в других анатолийских языках подобных конструкций не выявлено.

Помимо этого было изучена зависимость количества столбцов на глиняных табличках, что позволяет нам получить дополнительные указания на возраст фрагментов. Известно, что количество столбцов зависит от жанра текста. Так, в письмах, актах передачи земельных наделов, оракулах всегда содержится один столбец; в то же время в законах и исторических текстах всегда встречаются два и более столбца. Более того, в некоторых жанрах количество используемых столбцов со временем изменялось.

На материале армянского языка был изучен ряд формульных выражений, некоторые из которых могут восходить к праиндоевропейскому периоду. В частности, рассматривалась лексика в группе «небо» и «земля», двойственная природа огненного юноши Ваханга, в образе которого соединяются черты потомка Вод (божества огня, известного из авестийской, ведийской и древнеисландской традиций) и индоевропейского бога-змееборца, а также выражения «багряное море».

Результаты исследования представлены на следующих докладах:

1) А.В. Андреев: «Синтаксические особенности древнегреческой элегии в индоевропейской перспективе» (заседание сектора сравнительно-исторического изучения индоевропейский языков и ареальных исследований ИЛИ РАН);

2) А.В. Шацков: «Хеттская текстология: проблема синтаксиса» (заседание сектора сравнительно-исторического изучения индоевропейский языков и ареальных исследований ИЛИ РАН)

3) А.С. Николаев: «Greek l©aj and Other Greek and Indo-European Words for ‘stone’» (The 21st Annual UCLA Indo-European Conference, Los Angeles, USA).

4) П.А. Кочаров: «Древнеармянский язык в индоевропейской перспективе (формульные выражения)» (Саламанский университет, 26 ноября 2009 г.).

5) П.А. Кочаров: «Др.-арм. cirani cov ‘багряное море’: к вопросу происхождения поэтического эпитета» (Международная конференция «Индоевропейское языкознание и классическая филология - XIII» (чтения памяти И.М. Тронского), 22-24 июня 2009 г.)

В материалах конференции была опубликована соответствующая статья:

П.А. Кочаров. «Др.-арм. cirani cov ‘багряное море’: к вопросу происхождения поэтического эпитета» // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIII (чтения памяти И.М. Тронского). СПб.: Наука, 2009. С. 302-311.

Частным результатом поиска и сбора материалов явилась рецензия проф. Л.Г. Герценберга «Новейшие работы по индоевропеистике – Nomina im Indogermanischen Lexicon», представленная на международной конференции «Индоевропейское языкознание и классическая филология - XIII» (чтения памяти И.М. Тронского), 22-24 июня 2009 г.

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников)

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации (до 0,5 стр.)

8. Список опубликованных по проекту статей (объемом не менее 1 п.л.)

9. Список книг, сданных в печать или поданных на издательские гранты (указать ожидаемое время издания, объем в а.л.)

10. Экспедиции, проведенные в рамках проекта (регион, руководитель, сроки, тематика исследований, полученные результаты, их значимость – до 2 стр.)

11. Конференции, организованные в рамках проекта (название, место и сроки проведения, обсуждаемые проблемы, результаты)

12. Важнейшие научные результаты работы по проекту (ок. 0,5 стр. для публикации на сайте программы:

Исследованы важнейшие работы по изучению синтаксических конструкций и формульных выражений на материале отдельных древних индоевропейских языков (анатолийских, древнегреческого и древнеармянского).

В рамках проекта были исследованы синтаксические конструкции со вспомогательными глаголами «иметь» и «быть» в хеттском языке и возможность их сопоставления с типологически сходными конструкциями в позднем древнегреческом, народной латыни и германских языках.

На материале древнегреческой элегической поэзии проведен сбор статистического материала по порядку слов в стихе. На начальном этапе классификации и анализа собранного материала удалось обнаружить большое количество метрических формул в первую очередь в «сильных» позициях стиха.

На примере древнеармянского эпического фрагмента, «Песни Вахагна», выявлены некоторые стилистические особенности, сближающие древнеармянскую поэтическую традицию с древнеиндийской, авестийской и древнегреческой, с одной стороны, и выявлены новообразования, обусловленные самостоятельным развитием армянской традиции под влиянием традиций христианского Востока и зороастризма, с другой.

5.9. Разработка автоматического глоссирования текстов языков с грамматическими тонами: семья манде. Руководитель – д.ф.н.Валентин Феодосьевич Выдрин

Задачей данного проекта является сбор и анализ материалов по языкам манде (распространённых в Западной Африке), описание фонологии, грамматики и лексики этих языков по единой модели, создание механизма для автоматизированного глоссирования текстов на этих языках и создание корпусов таких текстов.

В рамках первого этапа производились исследования трёх языков, распространённых в Гвинее и ранее не описанных: лоома (диалект вои-балага), мано (гвинейский вариант), леле.

а) По языку леле проведён первичный сбор материала, данные обработаны и представлены:

– в виде электронного словаря в программе Toolbox, т.е. в формате базы данных;

– в виде предварительного описания фонологической системы (консонантизма, вокализма, тональной системы) и морфологии.

Созданный словарь леле имеет три выходных языка – русский, английский и французский. Он имеет 1077 вхождений. В словарную статью систематически включается, помимо переводных эквивалентов, также информация о частеречной принадлежности лексемы, этимологическая информация (отсылка к соотвествующей праязыковой основе в этимологическом словаре семьи манде, для заимствований – источник заимствования); в структурированном виде представлена полисемия, при наличии внутренних валентностей обозначаются валентностные характеристики слов (для полисемичных лексем – в каждом значении), приводятся фразеологические сочетания. Приводятся нестандартные грамматические формы лексем: для существительных – определённые формы, для глаголов – формы перфектива. В словарь включены, помимо материалов недавней экспедиции, также данные по леле, собранные В.Ф.Выдриным в 1994-1996 годах. Кроме того, В.Ф.Выдрин обработал и включил в словарь материалы из дипломной работы гвинейских студентов 1979 года. Все формы в словаре снабжены отсылочными пометами, указывающие и на диалектное происхождение, и на источник информации. К сожалению, материалы из упомянутой дипломной работы характеризуются невысокой надёжностью: нередко противоречивой оказывается информация о лексическом тоне слова, слова приводятся в своих производных формах без указания этого факта; в некоторых случаях недостаточно отчётливо представлено значение лексемы. Собранные В.Ф.Выдриным в 1994-1996 годах материалы также не во всём отвечают современным требованиям, предъявляемым к фиксации полевых материалов, в частности, они не сопровождаются аудиозаписью, что затрудняет точную фиксацию тонов. Тем не менее, учитывая тот факт, что на данный момент в мире не существует других словарей языка леле, было принято включить в словарь все имеющиеся данные, поскольку диалектная и источниковая разметка позволяет пользователю осуществлять сортировку как по степени надёжности формы, так и по её происхождению. В словарь включены и грамматические морфемы языка леле.

В отношении языка леле задача упрощается тем, что по многим характеристикам (функционирование тональной системы; именная морфология; расширенная глагольная морфология; лексический состав) он близок к другим языкам группы моколе (в частности, к коранко и к какабе), а также к наиболее изученным языкам семьи манде – манинка и бамана, образующим группу манден внутри языковой семьи манде.

Несколько более сложная задача стояла в отношении языков мано и лоома, которые характеризуются высокой сложностью своих фонологических систем. Поскольку анализ морфологии, синтаксиса и лексики языка без предварительного выявления инвентаря

фонологических единиц, их вариативности и правил контекстной реализации обречён на неудачу, на первом этапе основное внимание в работе над этими языками было обращено именно на фонологический аспект.

В языке мано главную трудность представляет собой определение фонологического статуса сегментных единиц. В качестве наиболее спорных моментов определены следующие:

– статус лабиовелярных согласных [kw] и [gw] – являются ли они самостоятельными фонемами или комбинациями «согласный + редуцированный гласный»? В результате исследования был сделан вывод, что речь всё же идёт об особых фонемах, хотя и занимающих в фонологической системе мано маргинальное положение;

– статус носовых согласных. Дело в том, что почти во всех других языках южной группы манде (к которой принадлежит и мано) эти согласные не представляют собой особых фонем, а являются аллофонами неносовых имплозивных и/или сонантов того же места образования в назальном контексте (т.е. в соседстве с носовыми гласными). В то же время, в языке бен (южная группа манде), а также в языках других групп, для пра-языков которых реконструируется такая же ситуация, носовые согласные фонологизовались, хотя их оппозиция соответствующим неносовым фонемам оказывается довольно слабой. Проведённое исследование дало противоречивые результаты: некоторые данные свидетельствуют в пользу того, что фонологизация консонантного противопоставления по признаку «носовой : неносовой» в мано произошла, однако сохраняется необходимость в дополнительной проверке этого положения в ходе дальнейшего исследования;

– статус элемента *N*, представленного в различных местоименных сериях мано. Исследование показало, что перед нами – гласная фонема нулевой степени открытости (аналогично многим другим языкам южной группы манде), которая оказывает ассимилирующий эффект на последующие согласные, создавая консонантное чередование в мано;

– фонологический статус долгих гласных. Применение нескольких критериев (критерий морфемной границы; критерий тональной комбинаторики; критерий сочетаемости гласных в рамках метрической стопы) склонило исследователя к выводу, что бифонемная трактовка долгих гласных в мано является предпочтительной.

Был также создан первый вариант словаря гвинейского мано (968 вхождений), который предполагается пополнять в ходе дальнейшей работы. На настоящий момент это – единственный в мире словарь данного идиома.

Язык лоома отличается повышенной сложностью своей тональной системы: при переходе от глубинного фонологического уровня к поверхностному лексические тоны слов подвергаются последовательному воздействию нескольких правил (как контекстных, так и грамматических), в результате чего тональные реализации на поверхностном уровне очень сильно отклоняются от исходной (глубинной) модели. Имеются работы, в которых анализируются некоторые фрагменты тональной системы либерийских диалектов лоома (в первую очередь, тона в именной группе), однако тонология гвинейских диалектов до настоящего времени оставалась совершенно неизвестной лингвистам.

В качестве объекта исследования был избран диалект вои-балага, который распространён в р-не города Масанта (административного центра зоны расселения гвинейских лоома) и избран, в рамках кампании по ликвидации неграмотности, в качестве основы для создания литературной нормы гвинейского лоома. В результате проведённой в 2009 году работы были установлены основные параметры тональной системы этого диалекта, что является важнейшим прорывом в этой сфере. Выявлено наличие 7 тональных классов существительных, которые различаются между собой как по лексическому тону (высокий, низкий, восходящий, нисходящий), так и по воздействию на последующее прилагательное в рамках атрибутивной именной группы. Подробно рассматривается тональное поведение существительных каждого класса также в посессивной ИГ, в ИГ генетивного типа, в сочетании с числительными, а также при словосложении.

У глаголов в лоома выделяется только два тональных класса, для этой части речи свойственны свои правила, влияющие на поверхностную тональную реализацию.

Выясняется, что лексический (исходный) тон слова во многих контекстах не проявляется совсем, будучи элиминирован в результате применения нескольких контекстных и грамматических правил, в других же случаях он оказывается кардинальным образом смещён (так, лексический тон существительного может определяться только по тону суффикса следующего за существительным прилагательного). В то же время, было бы неверным считать, что тональная система лоома находится на пути к исчезновению: тоны продолжают играть важную дистинктивную роль – но центр тяжести этой системы сместился из лексической сферы в сферу грамматики.

В результате первого этапа работы был составлен первый в мире тонированый словарь лоома. В настоящее время он насчитывает 564 вхождений. Небольшой объём

словаря объясняется описанными выше трудностями в идентификации лексических тонов в лоома. В дальнейшем предполагается существенно увеличить объём словаря.

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников) 4

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации (до 0,5 стр.)

8. Список опубликованных по проекту статей (объемом не менее 1 п.л.)

1) Mishchenko, Daria. Tonal System of Looma Language: The Woi-Balagha Dialect. *Mandenkan* (Paris), 45, 2009, pp. 3-16.

2) Vydrine, Valentin. Esquisse de la langue lélé (groupe mokolé). *Mandenkan* (Paris), 45, 2009, pp. 29-104.

3) Мищенко Д.Ф. Тональная система лоома (диалект вои-балага) // Африканский Сборник – 2009. СПб: МАЭ РАН, 2009. С. 317-331.

4) Хачатурьян М.Л. Сегментная фонология гвинейского мано // Африканский Сборник – 2009. СПб: МАЭ РАН, 2009. С. 403-416.

9. Список книг, сданных в печать или поданных на издательские гранты (указать ожидаемое время издания, объем в а.л.)

10. Экспедиции, проведенные в рамках проекта (регион, руководитель, сроки, тематика исследований, полученные результаты, их значимость – до 2 стр.)

В рамках работы по проекту в январе-феврале 2009 года проведена экспедиция в Республику Гвинея общей продолжительностью 7 недель. Руководителем экспедиции был В.Ф.Выдрин. Участники экспедиции жили в г. Нзерекоре (область Лесная Гвинея), где они и осуществляли работу по изучению языков манде. В качестве основного метода работы использовалась элицидация (прямой опрос информантов, получение лингвистической информации путём выявления диагностических контекстов); в качестве языка-посредника выступал главным образом французский (в некоторой мере – манинка). Метод элицидации незаменим на первом этапе изучения языка, однако он сохраняет свою значимость и на более продвинутых стадиях, когда исследователь переходит к анализу нарративов и иных спонтанных текстов, а также к наблюдению за диалогической речью. В качестве объектов исследования выступали

языки лоома (диалект вои-балага), мано (гвинейский вариант) и леле. Все научные результаты, полученные в отчётном году (см. раздел 5), основаны на материалах, собранных в ходе этой экспедиции.

5.10. "Ключи" нарратива – лексемы художественного текста. Руководитель – член-корр. РАН Татьяна Михайловна Николаева

Теоретическая лингвистика XX века пережила несколько этапов, которые – как это ни удивительно – почти совпадают с уровнями языковой структуры.

Сначала был этап фонологический и, естественно, увлечение фонологическими описаниями и соответствующими типологическими сопоставлениями фонологий. Следующий этап, столь же долго длящийся, - этап морфологический. Парадигматические описания и ,в известной степени, словообразовательные тогда доминировали. После этого языковеды обратились к синтаксическим структурам : высказывания разлагались на тему и рему, конструировались разные типы Актуального членения, выяснялось место «логического ударения». Синтаксическая семантика уступила место семантике вообще, а за ней выстроилась в ряд когнитивная лингвистика и семиотическая сфера языкознания. Но чаще всего лингвисты все-таки не могли уйти от сферы изолированных высказываний, иногда со стороны казавшихся виртуальными.

И вот перед раскинулось почти не паханное лингвистами поле – текст, нарратив. По сути его единицы и его уровни нам неизвестны. Действительно, «Самой лингвистике экспансия на области, дотоле ей не подвластные, такие как структура нарратива, безусловно, должна принести большую пользу. Сопоставление интерпретаций одних и тех же элементов в естественном языке и в нарративе позволит уточнить инвариантные значения , выявленные для того или иного элемента»). Совершенно справедливо Е.В.Падучева требует прежде всего точности будущей лингвистики нарратива: «Факты типа тех, которые были выявлены Виноградовым, должны перестать быть «ценными наблюдениями», «гениальными догадками» и пр. Такого рода сведения о семантике текста должны получаться в результате тривиального лингвистического анализа - вроде анализа по членам предложения.

Такой лингвистики пока еще нет, но ее контуры уже вырисовываются : эта лингвистика должны включать формальные правила извлечения из повествовательного текста всей той семантической информации, которую получает из него человек как носитель языка.

Но каковы единицы этой семантической информации и насколько они многообразны, во-первых, и не отличаются ли они от единиц естественного языка, во-вторых? Наконец, не имеет ли нарратив свою систему уровней, отличную от по-уровневой системы традиционно описываемых языков?

В 1967 г. Юлия Кристева опубликовала основные тезисы того понятия, которое теперь повсюду и широко называется интертекстуальностью. Понятие это заимствовано ею у русских формалистов, но в наибольшей степени – в работах М.Бахтина о полифонии.

Впрочем. основные идеи интертекстуальности некоторые исследователи возводят к А.Н.Веселовскому и даже к А.А. Потебне. Интертекст отсылает читателя к другому тексту или даже к другим текстам. Мера образованности и внутренней душевной глубины читателя определяет количество этих других текстов , их давность и степень их влияния. Таким образом существует некоторое принципиальное различие между Автором, упорядочивающим совокупность накопленных ранее знаний и их вербализиующим ,и Читателем , «вычитывающим смыслы текста» в своем личностном сознании и восприятии». Разумеется, в тексте могут присутствовать как эксплицитные формы интертекстуальности (графические, семантические . ономастические и под.), так и формы имплицитные, определить которые значительно труднее. Как пишет известная исследовательница интертекстуальности Н.Пьеге-Гро , «Когда же интертекстуальность имплицитна, ее показатели более неопределенны и разнообразны. Иногда приходится руководствоваться ощущением неоднородности текста: читатель понимает, что его отсылают к другому тексту, который имплицитно присутствует в данном, являя читателю свои следы. <…> Хотя подобного рода нарушения целостности не всегда отсылают к интертексту (их причиной может быть недостаточная внутренняя связность текста) , тем не менее они часто являются убедительным свидетельством его присутствия.Итак, по сути всякий текст – это палимпсест. Различается при этом и читатель . Палимпсестом , точнее, его подобием, является и сам мозг, и наш разум и творчество. «Таким образом, палимпсест – привилегированный образ интертекстуальности, ибо она тоже представляет собой работу по накоплению текстовых отложений; нередко она стимулирует такое прочтение и такую интерпретацию текста, когда главное заключается в обнаружении в нем скрытых следов иного текста. Как кажется, здесь таится некое противоречие. Разумеется, в любом нашем тексте можно обнаружить следы былых текстов и былых выражений, происхождение которых не всегда можно выявить. С другой стороны, цельность художественного текста также не подлежит сомнению и потому всякий текст является единственным, уникальным. Французская наука о тексте выходит из этого

противоречия , различая текст и произведение (последнее цельно и неповторимо).Так, самый яркий представитель этого направления Ролан Барт отличает произведение (фено-текст, по Ю.Кристевой) от текста (гено-текста, по Ю.Кристевой).

Однако блестящей и популярной теории интертекстуальности , на наш взгляд, мешает отсутствие теории, описывающей внутреннюю структуру текста так, как уже много веков описывают языковую структуру.

Каковы же минимальные единицы интертекстуальности?

Каковы максимальные?

Как мы распознаем инородное для «произведения» присутствие иного текста, насколько автор хочет нам это продемонстрировать и насколько это зависит от «палимпсеста» нашей мозговой структуры? Уже приходилось писать о том, что некоторая «боязнь» текста, особенно у литературоведов (я имею в виду непосредственный анализ нарратива, а не его истории или биографии автора и под.) объясняется тайным нарратива объясняется тайным подозрением, что слово ведет себя в тексте иначе и вообще его по-уровневой слой какой-то иной.

Н.Пьеге – Гро выделяет такие черты соприсутствия инородного текста:

- цитаты,
- референции,
- плагиат,
- аллюзии,
- пародии и бурлескная травестия,
- стилизация.

Однако при этом остается не выявленной прежде всего мера многоплановости и ощущения чужого текста в тексте анализа. Так о «многоплановости» слов и ассоциаций у Пушкина писал еще В.В.Виноградов: «Отказываясь от старой манеры схематических «применений», допускавшей возможность беспорядочного, анахронистического смешения образов и стилей , несколько абстрактной и риторичной, Пушкин окружает слово атмосферой сложных и неоднозначных ассоциаций, связанных с современностью.

Ю.Н.Тынянов правильно определил семантическую основу принципа двупланности – «отношение к слову как к лексическому тону, влекущему за собой

целый ряд ассоциаций». Та же Н.Пьеге – Гро пишет о целях интертекста : «Выпадающее на долю читателя истолкование интертекста можно сравнить с разгадыванием аллюзий и отсылок, намеренно маскирующих его смысл; задача читателя заключается в том, чтобы обнаружить этот смысл и понять его суть.

Но все ли тексты одинаково аллюзивны и интертекстуальны?

Этот вопрос был в свое время поставлен В.В. Виноградовым, - и он самый сложный и в то же время самый близкий для дальнейших рассуждений. Это вопросы "символики" художественной речи". По его мнению, нужно найти "принцип создания и объединения простейших стилистических элементов в составе каждой речевой формы. Эти элементы не есть данность; их необходимо отыскивать путем анализа художественного произведения. Их нельзя вырезать из художественного произведения механически, аналогично словам языка : это не слова, а "символы".

Итак, каковы же эти символы для нас, привыкших к позднейшей семиотике, где весы, например, символ правосудия и т.д.? По Виноградову оказывается, что "они могут совпадать со словами, фразами, предложениями, с большими синтаксическими единствами, с комплексом синтаксических групп". Они не соединяются путем простейшего примыкания, они, "соприкасаясь, объединяются в большие концентры, которые в свою очередь следует рассматривать опять-таки как новые символы, которые в своей целостности подчиняются новым эстетическим преобразованиям". Символы нужно найти и исследовательская задача "сводится к тому, чтобы, как осколки разбитого зеркала, собрать словесные элементы произведения, установив последовательность в выборе определенных формул и восстанавливая систему семантических соответствий".Символом может быть описание пейзажа, может быть часть слова, как у Маяковского. Но "смысловые переклички, повторения, движение "эмоциональное тож", развитие словесных образов, сцепления и разрывы эвфонической цепи – словом, все эти семантические процессы, давая ключ к композиции произведения, помогают вычленить его простейшие компоненты – символы".

Итак, здесь, как мы видим, вводится важное для нас в дальнейшем слово "ключ", говорится о "смысловых перекличках", повторах. Словом, все эти семантические процессы, давая ключ к композиции произведения, помогают вычленить его простейшие компоненты – символы" .Символы в смысле В.В.Виноградова можно найти у ряда авторов-теоретиков, анализирующих те или иные произведения. Но в большинство случаев их можно назвать тем. что теперь называется ключевыми словами. Например, тот

же В.В.Виноградов говорит от слове **метель** , пронизывающем повесть А.С.Пушкина с тем же названием: « В соответствии с законами своего стиля Пушкин делает метель, как и выстрел в повести того же названия, повторяющейся темой своей повествовательной полифонии.<,,,> Интересно, что смысл образов метели и самый характер ее стилистического развития во всех трех частях повести – разные» . Он же обращает внимание на ,видимо, значимое для автора слово-цифру **шестьдесят** в «Пиковой даме» Пушкина:

«Семидесятые годы ХУ111 века – остановившееся солнце старой графини, которая, по словам повествователя, «сохраняла все привычки своей молодости, строго следовала модам семидесятых годов и одевалась также долго, так же старательно, как и шестьдесят лет тому назад» .Она как бы отделена от других персонажей повести шестидесятилетнирм промежутком.

На этом фоне повторение числа шестьдесят не может быть воспринято как случайность .И к намекам, скрытым в этой цифре, притягивается образ «славного Чекалинского»:. «Он был человек лет шестидесяти, самой почтенной наружности…» .Так,Чекалинский для молодежи тридцатых годов заменил Venus muscovite. <…> Так, посредством цифры шестьдесят, условно намечающей места композиционных скреплений, осуществляется своеобразная симметрия в расположении Сюжетных звеньев.

Элементами плана выражения в художественном тексте могут быть не только имена собственные или «символы» В.В.Виноградова; это могут быть цитаты, эпиграфы, некие «общие места», пословицы и поговорки. Например, в течение долгого времени по сути никто не обращал внимания на эпиграф Л.Н.Толстого к роману «Анна Каренина»: МНЬ ОТЪМЩЕНИЕ И АЗЪ ВОЗДАМЪ. Т.е. только Бог карает грешную женщину , не покаявшуюся в грехе прелюбодейства, а не светское общество, знакомые, семья и т.д. И, действительно, Анна Каренина, как это демонстрирует врач-фармаколог, становится наркоманкой-морфинисткой, что последовательно показано Л.Н.Толстым, и проходит все этапы этой ужасной болезни.

Указанием на дальнейшее развитие событий может и обычное русское слово, которое как бы «стреляет» в искушенного читателя. (А филолог и должен быть искушенным читателем). Так, например, героя романа В.Набокова «Дар» приглашают в гости, перечисляют будущих гостей. среди которых между прочих мелькает имя Зины Мерц .

Он идет домой и кругом все мерцает, мерцает и становится ясно, что именно Зина Мерц, еще не знакомая читателю, будет грядущей героиней романа

Но некоторые слова в тексте и явно неслучайны, и загадочны, и часто повторяются в тексте и потому их свойство быть «ключами» несомненно. Так, князь Олег , увидев немощного старца-волхва, который **идет** навстречу ему , предлагает ему в награду – коня, на котором старец явно ездить не может.

Что это – насмешка или глупость? Волхв отвечает, что князь примет смерть «от коня своего».Постпозитив посессивного местоимения здесь несомненно неслучаен: в эту эпоху слово свой ставилось после имени существительного в том случае, если это имя обозначало близкий круг владельца: жена, дом, сын, воевода и т.д. Таким образом выбор Олегу предлагается дважды: он может предложить старцу нечто другое, а не коня, и, во-вторых, может не пожелать увидеть «кости коня». Изменило бы это его судьбу? Мы не знаем; не знает и Пушкин, который явно связывал легенду со своей судьбой. Но является ли слово «конь» ключом нарратива? Безусловно.

В некоторых случаях «ключи» могут быть полисемантичны, даже быть близкими к омонимии. Текстовые "ключи", будучи нетривиальным, но вполне русским словосочетанием, могут вести к некоему прецедентному тексту и даже гораздо дальше, когда ситуации разворачиваются как куклы-матрешки внутри одной куклы.

Ключами могут являться самые мелкие и как будто бы незначительные в тексте служебные слова.. Так, при анализе стихотворения Б.Окуджавы выяснилась "ключевая" роль союза/ частицы а.

Достаточно сложен вопрос о том. могут ли «ключи» работать назад, т.е. прояснять уже прочитанный ранее текст. Думаю, что в редких случаях, да, могут. Так анафорические местоимения , употребленные Ф.М.Достоевским в «Братьях Карамазовых» в сцене беседы Ивана Карамазова с чертом, помогают понять, что черт и есть Смердяков. Так, возвратясь от Смердякова, Иван Карамазов видит черта и Иван явно дает понять, что предыдущий разговор был недавним: «Ты меня не приведешь в исступление, как в прошлый раз». и т.д. Иван многократно называет черта «лакеем». Черт мгновенно исчезает, когда появляется Алеша Карамазов с известием, что Смердяков только что повесился.

Метафорические выражения или имена собственные типа Олимп, Парнас, Юлий Цезарь, Наполеон и т.д. также могут быть «ключами»: см. подчеркнутое сходство с Наполеоном у Чичикова и у Германна.

Наличием или отсутствием «ключей» нарратива могут различаться и «низовые» тексты, например, блатного шансона. Так, «Во Францию два гренадера из русского плена брели..» явно стоит за текстом «С одесского кичмана сбежали два уркана…» , но объединяющего ключа здесь нет .А в тексте «На Дерибасовской открылася пивная»… просматривается «Троянская война», а «ключ» здесь «прекрасная, как тая древняя гречанка».

Таким образом задачей нашей работы является поиск "ключей" русской художественной литературы, которые могут быть обращены: к тексту того же автора, к его жизненной ситуации, к тексту другого автора. Они могут принимать разную языковую форму, но обязательно должны быть выражены.

По данной теме прочитан курс лекций в Сербии, Австрии, Университете журналистики (Москва),

подготовлены и сданы в печать 5 статей по теме проекта;

написано Введение к будущей коллективной монографии – 2 а.л.;

разработана тема "ключей" в романе М.Ю.Лермонтова "Герой нашего времени" и повести Н.В.Гоголя "Шинель".

написана глава будущей монографии (3, 5 а.л.) о лингвисте Е.Поливанове в творчестве В.Каверина ("Скандалист" и "Большая игра") в сравнении с реальным творчеством Е.Поливанова и лингвистов его времени.

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников)

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации

8. Список опубликованных по проекту статей (объемом не менее 1 п.л.)

9. Список книг, сданных в печать или поданных на издательские гранты (указать ожидаемое время издания, объем в а.л.) :

Семантика имени. ЯСК. В типографии. Отв.ред.Николаева , 23 а.л.

10. Экспедиции, проведенные в рамках проекта (регион, руководитель, сроки, тематика исследований, полученные результаты, их значимость – до 2 стр.)

11. Конференции, организованные в рамках проекта (название, место и сроки проведения, обсуждаемые проблемы, результаты) :

"Ключи" нарратива – единицы текста, декабрь 2009;

Изучено описание поляка и литовца соответственно у авторов этой национальности.Конференция "Многоязычный Вильнюс";апрель 2009;

Подготовлен ряд докладов для конференции памяти В.Н.Топорова "Сквозь призму мифологии" (3-4 декабря 2009) о мифологических "ключах" в русской классике.

12. Важнейшие научные результаты работы по проекту

- Авторами проекта высказывается гипотеза о существовании в художественных текстах особого по-уровневого строя с возможными эксплицитными вербальными единицами в плане выражения. При этом предполагается, что эти единицы можно назвать "ключами" текста.
- Эти ключи могут вести: к раскрытию содержания этого же текста;
- К сопоставлению с другим художественным текстом;
- К раскрытию жизненной биографии писателя;
- К раскрытию реальной ситуации в определенное время.
- К мифопоэтической интерпретации произведения.

Сами же эти "ключи" могут выражаться: служебными словами, знаменательными словами, именами собственными, цитатами, словосочетаниями.

5.11. Культурные константы и вариативность славянского текст. Руководитель – д. ф. н. Анатолий Федорович Журавлев

В коллективном проекте «**Культурные константы и вариативность славянского текста**» задачей ставится изучение социокультурной обусловленности выбора вариантов широкого круга разноуровневых языковых явлений — от предпочтения того или другого произносительного варианта до поисков наиболее адекватной синтаксической конструкции при построении фразы, от отбора номинативной единицы (однословной или фразеологической) до формулирования избираемой стратегии построения речи / текста в открытых метаязыковых высказываниях и т. д., вплоть до выбора диалектной базы для сознательно формируемого литературного языка. Выбор языкового варианта в каждом конкретном случае определяется целым комплексом условий и причин как внутриязыковой, так и внелингвистической природы; исключительную

важность имеет характер культуры, в границах которой осуществляется языковой акт и которая предлагает носителю языка серии возможных кодов.

Актуальность исследования определяется ощутимым в современном языкознании сдвигом к выявлению соотношений и связей между языком и культурой, языком и ментальным миром его носителя.

Исследование строится на привлечении ранее не исследованных языковых данных, извлекаемых из собственных наблюдений авторов над построением текста и отбора возможных языковых вариантов, из обширного свода лексикографических изданий и полевого материала. Анализ и обобщение выявленных фактов, тенденций и закономерностей предполагает их проведение в русле современных теоретических подходов, соответствующих отечественной и мировой практике.

Заявленная проблема решается в ряде конкретных исследований разной тематической отнесенности.

Г. К. Венедиктовым в рамках темы, посвященной вариативности славянских текстов, определяемой культурными установлениями, велась работа скорее поискового характера, чем ее практического воплощения, на материале истории современного болгарского литературного языка. Этот язык складывался в XIX в. как новый — в общей истории литературного языка у болгар — язык в условиях сложного взаимодействия и конкуренции историко-культурных факторов экстралингвистического характера, определявших как выбор его основы, ориентированной на книжную традицию или народный язык, так и нормализацию его звукового строя, грамматики, лексики и орфографии по пути устранения варьирующих элементов в текстах одного и того же автора или текстов разных авторов в рамках литературного языка в целом. В 2009 г., в соответствии с планом работы, проводился сбор языкового материала, его обработка и начальный анализ.

М. И. Ермаковой по теме «Соотношение различных форм существования серболужицкого языка на разных этапах исторического развития» в течение 2009 года изучалась литература, освещающая проблемы вариативности текстов в славянских языках, вариативности как способа существования и функционирования языковой системы, начата авторская работа. Для данной работы были отобраны серболужицкие тексты, характерные для разных периодов развития серболужицкого языка. Были определены те культурные константы в истории развития серболужицкого языка и письменности, которые обусловили его специфику, своеобразие, в том числе и в соотношении различных форм его существования на конкретных исторических этапах (ср., например, «островное» положение серболужичан, постоянные контакты и взаимодействие с немецкой культурой и языком, отсутствие единой светской, церковной, административной власти, единой системы школьного образования; влияние конфессионального различия, возникших в период Реформации, роль католической церкви, постоянные попытки германизации).

В. С. Ефимова, обратившаяся к проблеме «Культурные константы в древнейших славянских списках гомилетических текстов» исследует отражение культурных констант оригинальных греческих гомилетических текстов в древнейших славянских переводах эпохи старославянского языка. Для анализа в 2009 г. был выбран определенный круг гомилетических текстов — два слова «На Благовещение», «О блуднице», «О зависти», «На вербное воскресенье», приписываемые Иоанну Златоусту, «Мучение 40 мучеников», Епифаниева гомилия «О сошествии во ад», сохранившиеся как в собственно старославянских рукописях (Супрасльской рукописи, Клоцовом сборнике), так и в более поздних сборниках разных изводов (Германовом сборнике 1359 г., Успенском сборнике

XII / XIII вв., Венском кодексе № 137 XIII в., Гомилиаре Михановича XIII в.), т. е. в более, чем одном списке, что облегчает их сопоставительный анализ с греческими оригиналами. (В дальнейшем круг источников может быть расширен.) Материал собирался, главным образом, по известным изданиям, а также с помощью Греческо-старославянской картотеки, хранящейся в Институте славяноведения АН ЧР, работать с которой была возможность во время командировки в Прагу (3–16 сентября). Статья «К вопросу о значении так называемых «знаков препинания» в древнейших славянских списках гомилетических текстов» сдана в ж. «Славяноведение».

Ф. Р. Минлос в своих поисках обратился к летописным текстам. Восточнославянские средневековые летописи представляют собой большой и гетерогенный набор текстов разного происхождения, писавшихся и компилировавшихся по крайней мере в течение пяти веков, но в основном объединенных одной традицией и некоторыми общими особенностями. Историко-текстологическое членение («расшивка», как называл ее А. А. Шахматов) восточнославянских летописных сводов осуществлялась рядом крупных ученых в ряде монографий. Лингвистическое изучение летописей как неоднородного текста осуществлялось в значительно более скромных масштабах (прежде всего следует упомянуть работу А. А. Гиппиуса по Новгородской первой летописи и статью Д. Ворта по галицко-волынской летописи, в других работах задача такого членения остается на периферии). В рамках работы по гранту предполагается изучение некоторых аспектов языка летописных сводов с целью выделить в них (на языковых основаниях) текстовые блоки, произвести их классификацию и сопоставить их с «расшивкой» летописных сводов, основанной на текстологическом и историческом анализе.В 2009 году изучено линейное положение притяжательных местоимений в Ипатьевской летописи, исключая «Повесть временных лет» (т. е. в киевской и в галицко-волынской части свода). Положение притяжательного местоимения в значительной степени зависело от языкового регистра: в церковных текстах преобладает постпозиция, в светских деловых — препозиция. Получено два результата, вполне естественно вписывающихся в существующие знания о языке летописей: 1) прямая речь светских персонажей содержит больше случаев препозиции, чем основной текст. Отличие прямой речи светских персонажей от основного текста летописи до этого была установлена на основании других языковых параметров (употребление времен, полногласие, расстановка клитик); 2) галицко-волынская летопись содержит границу по 1260 / 1261 гг., отделяющую галицкую часть (в которой очень мало случаев препозиции) от волынской (с заметной долей препозиции). В науке было предложено несколько возможных членений галицко-волынской летописи. Граница, которая подтверждается нашими исследованиями, предлагалась в работах В. Л. Черепнина, Д. Чижевского и Д. Ворта.

Ф. Б. Людоговским исследуются проблемы вариантности на примере текстов с довольно жёстко заданными узкожанровыми параметрами; в качестве таковых были выбраны тексты, принадлежащие современной церковной практике. В 2009 г. было проведено исследование структуры акафиста, в частности, входящих в его состав лексико-структурных констант (например, словоформ, находящихся в абсолютном начале определенной строфы большинства текстов), представляется актуальной и перспективной задачей, решение которой позволит уяснить особенности поэтики рассматриваемого жанра. На первый план была выдвинута задача каталогизации акафистов (как на церковнославянском, так и на других языках). В рамках данного проекта была осуществлена каталогизация церковнославянских акафистов Господу Богу (около 7% от общего количества

акафистов) и Богородице (около 20%), были исследованы типовые структуры (как макро-, так и микроуровня) акафистов каждой из названных групп, а также были выявлены лексико-структурные константы и переменные, характерные для группы текстов либо для конкретного текста. В настоящий момент собранные данные находятся в стадии обработки. По материалам исследования опубликована статья «Акафисты в их соотнесении с богослужебными циклами» // Православный собеседник. Вып. 1 (19). Казань, 2009 (объем 0,3 а. л.), а также сдана в печать статья «Церковнославянский акафист: структуры и константы // Славянские языки: единицы, категории, константы» / Сб. статей. Волгоград, в печати (объем 1,1 а. л.).

Д. Ю. Анисимова вела работу над тематическим блоком «Функции предикатов внутреннего состояния в формировании авторского идиостиля», с целью выявить, какие основные смысловые оппозиции определяют специфику ментосферы / эмосферы автора, поскольку тип миропорождающего субъекта является одним из факторов, формирующих коммуникативную составляющую авторского идиостиля. Было рассмотрено, как автор употребляют «предикаты внутреннего состояния», которые подразделяются на предикаты, обозначающие умственную (рациональную) и предикаты, обозначающие эмотивную (иррациональную) деятельность. Выбор для анализа именно предикатов обусловлен тем, что предикаты актуализируют в речи объекты действительности (в художественном дискурсе предикаты актуализируют текстовые проекции объектов, или реалии) и маркируют способ восприятия реальности тем или иным субъектом. При этом мы пользовались двумя основными методами, которые взаимно дополняют друг друга – это статистический метод и метод контекстуального анализа семантики соответствующих предикатов. По материалам обработки материала была подготовлена и сдана в печать в «Славянский альманах» статья «Ментальные и эмотивные предикаты в лирике Павла Яника и Милана Руфуса» (объемом 0,5 а. л.).

Л. Э. Калнынь рассматривает вариантные характеристики текста на примере взаимодействия кодифицированных и некодифицированных подсистем языка. Наиболее очевидным проявлением вариативности славянского текста является сосуществование в пределах каждого национального языка его кодифицированной/литературной и диалектной формы. Эти формы не только по-разному маркированы социологически и территориально, но имеют также разный статус как компоненты национальной культуры. Определение этого статуса в значительной степени входит в компетенцию официальной языковой политики. Различие в языковой политике выражается в разном уровне терпимости (поддержки) к диалектным формам языка. Данная проблематика легла в основу проводимого в ноябре с. г. в Институте славяноведения РАН Круглого стола на тему «Особенности сосуществования диалектной и кодифицированной форм языка в славяноязычной среде». В докладах используется материал восточнославянских, польских, кашубских, болгарских, сербских, хорватских, словацких, венгерских, вепсских диалектов; проводится сопоставление с литературными языками. В работе Круглого стола принимают участие все, кто записан в Проекте. Л. Э. Калнынь выступит на Круглом столе с докладом «Особенность диалектов как структурно организованных языковых идиомов в ситуации их сосуществования с литературным языком».

А. Ф. Журавлев одной из областей, где вариативность текста напрямую зависит от влияния культурных факторов, трактует диалектную лексикографию. В качестве «текста», подлежащего анализу с указанной точки зрения, рассматриваются словарные толкования, а культурными факторами,

определяющими выбор того или иного лексикографического решения, являются не в последнюю очередь принадлежность лексикографа «продвинутой» европеизированной городской культуре с обслуживающим ее литературным языком, отражающим опыт этноса в целом (а не региональных его подразделений, в гораздо большей степени сохраняющих прежний уклад жизни, по крайней мере многие существенные его особенностей), степень осведомленности составителей диалектного словаря в этнографии, материальной оснащенности старых форм хозяйствования, в константных формах и элементах картины мира, отражаемой фольклором, в системе жизненных ценностей, исповедуемых носителями традиционной культуры и проч. Читатель региональных словарей нередко сталкивается с проявлениями культурных конфликтов, когда при формулировании словарного толкования лексикограф исходит скорее из более ему знакомой системы письменного кодифицированного языка, нежели опираясь на требуемое его профессией знание семантического строя бесписьменного диалекта и стоящих за ним региональных традиций. [Эта проблема затрагивалась в предварительных публикациях: Должен ли диалектолог быть этнографом? // Русская речь. 1988, № 5; Скрытые межкультурные конфликты в диалектной лексикографии // Словарь и культура. К столетию с начала публикации «Словаря болгарского языка» Н. Герова. Материалы международной научной конференции (Москва, ноябрь 1995 г.). М., 1995; Диалектный словарь как этнографический источник // Языкознание: взгляд в будущее. Калининград, 2002.] В 2009 г. велся сбор, систематизация и предварительный анализ материала, черпаемого из русских диалектных словарей, основным из которых выбран сводный «Словарь русских народных говоров», вып. 1–41. Подготовлены к публикации две работы: очередная, 9-я по счету, статья в серии «Лексикографические фантомы» («СРНГ, *Р*»; объемом 1,09 а. л.), где, кроме лексикографических оплошностей в чтении полевых данных, затрагиваются и факты неверной семантической трактовки показаний диалектных записей «на местах»; популярная статья «Кто такой царь Горох» (0,27 а. л.), в которой иллюстрируется необходимость толкований, опирающихся на широкий культурный контекст, с критикой «моноэтнического» подхода к фактам традиционной культуры, отражаемой в унаследованных языковых клише.

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников) в общей сложности 8 статей по теме проекта.

Нет

7. Список опубликованных монографий и сборников статей

Нет

8. **Список опубликованных по проекту статей**

Венедиктов Г. К.: Официальные бумаги, касающиеся подготовки путешествия Ю. И. Венелина в Болгарию // *Д. Д. Данилюк.* Історична думка на Закарпатті епохи національного відродження (кінець XVIII–середина XIX ст.). Ужгород, Інформаціонно-видавничий центр ЗІППО, 2009, с. 280-293 (1,1 печ.л.);

Ефимова В. С.: К вопросу о способах номинации лица в старославянском языке // Slavia, roи. 78, 2009, seль. 4 (0,6 п. л.);

Журавлев А. Ф.: Кто такой царь Горох // Учительская газета, 2009, 6 октября (№ 40). 0,25 п. л.;

Журавлев А. Ф.: Об авторстве одного каламбура // Политическая лингвистика. Вып. 3 (29). Екатеринбург, 2009. С. 53–55 (0,2 п. л.);

Калнынь Л. Э.: Проблемы описательной диалектологии в контексте современного изучения диалектов. // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества. М. 2009, с. 92-92 (0,2 п. л.).

Людоговский Ф. Б. (совм. с диак. Максимом Плякиным). Богослужебные языки славянских Поместных Церквей: современная ситуация // Минея.ру – URL: http://mineya.ru/articles/87-liturgy-languages.html (1,2 п. л.);

Людоговский Ф. Б. О причинах популярности акафистов // Портал Богослов.ру – URL: http://www.bogoslov.ru/text/372613.html (0,25 п. л.);

Людоговский Ф. Б. Тема света в церковнославянских акафистах // Портал Богослов.ру – URL: http://www.bogoslov.ru/text/486196.html (0,5 п. л.);

5.12. Традиционный нарратив и способы его документации (на материале алтайских языков). Руководитель – д.ф.н. Елена Всеволодовна Перехвальская

За рубежом существует ряд крупных проектов, посвященных документированию малых и исчезающих языков; значительная часть их ориентирована на материалы полевых исследований (системы E-MELD, OLAC, DOBES), однако в рамках этих проектов нет ссылок на российские ресурсы, посвященные языкам России; малые языки России в них практически не представлены; в России пока не существует современных баз данных по этим языкам, хотя ведутся разработки по арчинскому языку (Москва). Настоящий проект содействует задаче документации текстов, в первую очередь традиционных нарративов, на языках народов Российской Федерации. Тексты представлены в глоссированном виде в соответствии с международными стандартами (Лейпцигские правила).

В течение 2009 работа по проекту проходила по следующим направлениям:

I. Аккумуляция нарративного материала (текстов) на изучаемых языках. Работа проводилась по следующим языкам алтайской языковой семьи:

– тунгусо-маньчжурские языки (нанайский, удэгейский);

– монгольские языки (калмыцкий).

Калмыцкий язык

1) собранные ранее звучащие тексты и фразовые примеры транскрибированы, переведены и отглоссированы;

2) создана библиография устных нарративов на калмыцком языке;

3) собраны важнейшие работы по грамматике калмыцкого языка, а также словари калмыцкого языка.

4) библиография вывешена на сайте калмыцкого семинара: http://iling.spb.ru/kalmyk/Bibliography

Удэгейский язык

1) собраны все опубликованные тексты на удэгейском языке, в том числе тексты, изданные в Японии;

2) собраны все описания грамматического строя, фонетики и фонологии удэгейского языка; словари удэгейского и близкородственного ему орочского языка;

3) составлен список возможных новых источников текстов на удэгейском языке (архивные материалы Е.Н. Баскаковой);

4) библиография книг по удэгейскому языку опубликована на сайте Лаборатории полевых исследований: http://pole.iphil.ru/udyhe/Bibliography

Нанайский язык

1) собраны книги, опубликованные на нанайском языке (художественная и публицистическая литература, как переводная, так и оригинальная);

2) в ходе экспедиции 2009 г. собраны новые тексты на найхинском диалекте нанайского языка: тексты фольклорного содержания (сказки, былички, песни), а также иные нарративы (биографии, случаи из жизни);

3) создана библиография работ по нанайской грамматике, фонетике и фонологии, работ лексикографического плана.

4) полная библиография книг на нанайском языке, а также научных описаний нанайского языка опубликована на сайте Лаборатории полевых исследований http://pole.iphil.ru/bibliography

II. Компьютерное представление материалов на исследуемых языках, а также важнейших грамматических описаний и словарей по данным языкам. Этот этап работы предполагает создание электронных версий опубликованных текстов:

– сканирование с последующим распознаванием и обработкой;

– компьютерный набор (в отдельных случаях).

Отсканированы и представлены в форматах .pdf и djvu:

– работы по грамматике калмыцкого языка, словари (Илишкин И.К. (ред.) Русско-калмыцкий словарь. М., 1964; Илишкин, И.К. Сопоставительная грамматика калмыцкого и русского языков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1973; Котвич, В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Прага, 1929; Очиров, У.У. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста, 1964; Санжеев, Г.Д. (ред.) Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология.. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1983;

– основные грамматики и словари нанайского языка (Аврорин А.А. Грамматика нанайского языка (в 2 томах), М.-Л., 1959-1961; Аврорин В.А. Очерки по синтаксису нанайского языка. Ленинград : Гос. учебно-педагог. изд-во, 1948; Суник О.П. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л., 1958; Оненко

С.Н. Словарь нанайско-русский и русско-нанайский: Пособие для учащихся начальных школ; Петрова Т.И. Нанайско-русский словарь. Л., 1960 (.pdf).

– основные словари удэгейского языка (Шнейдер Е.Р. Краткий удэйско-русский словарь. М.-Л., Учпедгиз, 1936; Леонтович С. Краткій русско-ороченскій словарь съ грамматической заметкой. Владивостокъ. Типографія Н.В.Ремезова, 1896; Симонов М.Д., Кялундзюга В.Т. Словарь удэгейского языка ((хорский диалект) (препринт). Стеншев 1998), а также работы по грамматике удэгейского языка (Шнейдер Е.Р. Грамматический очерк: Краткий удэйско-русский словарь. М.-Л., Учпедгиз, 1936; Кормушин И.В. Удыхейский язык. М., 1998); Шнейдер Е.Р. Материалы по языку анюйских удэ. Главсевморпуть при СНК СССР. Научно-исследовательская ассоциация Института Народов Севера им. И.Г. Смидовича, вып. 11. М.-Л., 1937.

III. Отработка автоматического глоссирования текстов на изучаемых языках с использованием программы Toolbox.

Отработан алгоритм автоматического глоссирования для калмыцкого и удэгейского языков.

а) В первую очередь были составлены вспомогательные словари формата Toolbox для автоматического глоссирования: для калмыцкого языка – более 2000 единиц; для удэгейского языка – около 4500 единиц. Последнюю версию вспомогательного калмыцкого словаря можно увидеть на сайте калмыцкого семинара: http://iling.spb.ru/kalmyk/Materials.

б) Для указанных языков составлены вспомогательные словари грамматических показателей. Уточнен и значительно расширен список глосс, используемых при глоссировании. Глоссы были составлены на основе Лейпцигских правил; представленный в Лейпцигских правилах список глосс был расширен, применительно к особенностям морфологии каждого из языков.

в) В формате Toolbox глоссированы 35 текстов на дербетском говоре калмыцкого языка, а также фразовые примеры (более 1000 единиц). Тексты и фразовые примеры были собраны самими участниками проекта (В.В. Баранова). Глоссированные тексты и фразовые примеры вывешены на сайте калмыцкого семинара http://iling.spb.ru/kalmyk. Глоссирование и перевод сделаны на русском языке.

г) Глоссирование в формате программы Toolbox было осуществлено применительно к текстам, принадлежащим к различным диалектам и периодам развития удэгейского языка. К настоящему моменту глоссированы:

– 20 текстов, собранных в 1933 г. Е.Р. Шнейдером (анюйский диалект удэгейского языка);

– 2 текста, опубликованных в 1936 г. Е.Р. Шнейдером без перевода на русский язык (хорский диалект удэгейского языка); был осуществлен перевод этих текстов;

– 3 главы книги современного удэгейского писателя А.А. Канчуга (бикинский диалект удэгейского языка);

– 10 текстов из сборника удэгейского фольклора (Новосибирск, 1998).

В настоящий момент идет отработка "word formulas", необходимых для автоматического глоссирования.

д) Начата работа по применению программы Toolbox к текстам на нанайском языке.

Пример глоссированного текста на калмыцком языке (глоссирование выполнено автоматически с помощью программы Toolbox):

Shneider_Anuj1
Shneider_Anuj1.001
Bu Sul’aiŋʒiga, Kamʒiga tu osimu.
Bu Sul'aiñziga, Kamziga tu osimu.

bu	Sul'aiñ	Ka		osi	-mu	
	ziga	mziga	uu			
1PL.	Sulainz	Ka		appea	-	
EXCL	iga	mziga	o	r	1PL.EXCL	
1PL.	Суляй	Ка		появ	-	
EXCL	ндзига	мдзига	ак	ляться	1PL.EXCL	
pron	n	n		v	-pers	
			dv			

Мы сделались Суляйндзига и Камдзига таким образом.

Shneider_Anuj1.002
Uti jəmi ʒa oʒo?
Uti jemi za ozo?

	je	zaa	w	-		
ti	mi		o	zA		
	w	relative	m	-		
hat	hy		ake	FUT1		
	п	родств	д	-		
тот	очему	енник	елать	FUT1		
	Q	n	v	-		
et				tense		

Почему они станут родственниками? (Почему бы им (этим родам) стать близкими?

Shneider_Anuj1.003
Omo xamuna ʒu nii biṣiti.
Omo xamuna zuu nii bisiti

(	xa	-		ni	l	-	·	
mo	a	mula	uu	i	i	si	ti	
(	si	-		pe	l	-	·	
ne	bling	together	wo	rson	e	PST1	3PL	
(	си	-		че	(	-	·	
дин	блинг	вместе	ва	ловек	ыть	PST1	3PL	

ı n -pl n l - ·
um um e tense pers
Были два человека, брата.

Shneider_Anuj1.004
Uti səənəfi utə-bədə b’ahati.
Uti seenefi utebede b'ahati
- -fei ut b'a - ·
ti ee nA ebede hA ti
- - li me - ·
hat in DEST REFL.PL ke.that et PST1 3PL
- - та нах - ·
тот од DEST REFL.PL к одить PST1 3PL
- - a v - ·
et case pers dv tense pers
Они так получили название своих родов (досл.: роды для себя)

IV. Начата работа по созданию поисковой системы, которая позволила бы находить нужные формы в корпусе глоссированных текстов, а также выводить на экран полные контексты (в размере одного предложения), и давать статистику встречаемости для каждой из найденных единиц (лексем, словоформ, морфем, алломорфов, глосс, переводных русских или английских эквивалентов). Для выполнения этой задачи была выбрана поисковая программа Xaira, разработанная Оксфордским университетом в 2009 г.

В формате Xaira создан пробный корпус глоссированных текстов на удэгейском языке (три первые главы из книги А.А. Канчуга «Автобиография», 282 предложения разной длины). В настоящее время проводится пробное испытание этой программы. Предварительные результаты вполне удовлетворительны.

Идет подготовка к увеличению корпуса глоссированных текстов на удэгейском языке, которые будут трансформированы в формат программы Xaira. Предполагается включить в этот корпус все тексты, опубликованные в 1930-е годы (всего 23 текста), а также избранные тексты (10 текстов), опубликованные в сборнике удэгейского фольклора (Фольклор удэгейцев: ниманку, тэленгу, ехэ (Сост. М.Д. Симонов, В.Т. Кялундзюга, М.М. Хасанова). Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 18)

V. Налажено сотрудничество с рабочей группой по документированию малых языков России (Москва, рук. А.Е. Кибрик). Проведены консультации по компьютерной обработке текстов на естественных языках; консультанты: А.Архипов, М. Даниэль. От этой группы получена новая программа обработки данных естественных языков Fieldworks. Начата работа по освоению этой программы, а также программ анализа звукового состава естественного языка – SpeechAnalyser и Praat.

5.13. **Корпус языков народов России. Руководитель – к.ф.н. Валентин Юрьевич Гусев**

Создание текстовых корпусов и корпусные исследования в последние годы стали одним из магистральных направлений лингвистики. Уже практически все европейские языки имеют свои корпуса, не является исключением и русский язык. Уже существующие корпуса расширяются и пополняются, и число исследований, проводимых на их основе, постоянно растет.

При этом сложившаяся практика такова, что для каждого языка создается отдельный корпус (иногда и несколько), не связанный с другими. Создание корпуса — дело достаточно трудоемкое и затратное, однако «большие» языки обладают достаточными исследовательскими и финансовыми ресурсами, чтобы позволить себе свой корпус.

Так называемые «малые» языки по понятным причинам остаются на обочине этого процесса. Каждым из них по отдельности занимается лишь небольшое число исследователей, иногда — всего несколько человек, и это очень затрудняет создание полноценного корпуса, хотя небольшие корпуса на отдельных языках существуют (см., например, юкагирский корпус http://ling.uni-konstanz.de/pages/home/nikolaeva/documentation/index.html или калмыцкий http://www.iling.spb.ru/kalmyk/Materials). Кроме того, создание корпуса требует большой программистской работы, для которой лингвисты — специалисты по соответствующему языку, естественно, не обладают нужной квалификацией. Между тем, нужность и актуальность корпусных исследований для «малых» языков ничуть не меньше, чем для «больших».

Естественный выход из этой ситуации — создание единого многоязыкового корпуса, к примеру — корпуса языков многонационального государства, каковым является, в частности, Россия. Такой многоязыковой корпус обладал бы одновременно рядом преимуществ по сравнению с моноязычными.

Во-первых, наличие единой платформы облегчит задачу составления корпусов по отдельным языкам, поскольку решит проблему программного обеспечения для корпусов.

Во-вторых, многоязыковой корпус позволит проводить не только внутриязыковые, но также и ареальные исследования, обеспечивая возможность поиска одновременно по нескольким языкам. Существующие моноязычные корпуса такой возможности, естественно, не предоставляют.

Не следует забывать и о таком отличии малых языков от больших, как относительное небольшое количество материала по ним. Если тексты на большом языке — например, на русском — всегда доступны в неограниченном количестве, то материала по малым языкам опубликовано немного, и часто даже существующие материалы труднодоступны. Поэтому создание корпуса по малым языкам будет иметь и побочный, но очень важный результат: компьютеризацию и размещение в открытом доступе труднодоступного материала, зачастую ставшего библиографической редкостью.

Содержание работы, проделанной в 2009 г.

В первый год выполнения проекта работа шла по трем основным направлениям:

— разработка принципиальной структуры корпуса;

— разработка программного обеспечения;

— сбор текстового материала для создания тестовых корпусов.

Принципиальная структура корпуса

В разработке структуры корпуса принимали участие В. Ю. Гусев, Д. С. Ганенков, Т. А. Майсак, А. Б. Шлуинский. Помимо первоначальных участников проекта, в ней также участвовали А. В. Архипов (МГУ) и Ю. А. Ландер (Институт востоковедения РАН).

Каждый текст разбивается на предложения; при необходимости также на абзацы. Каждое предложение представляется в виде перечисленных ниже полей; при этом каждый тип поля может быть представлен несколько раз и любой тип поля может отсутствовать.

1. Текст на языке (в стандартной орфографии, орфографии источника, разных видах транскрипции).

2. Глоссы (возможно на нескольких языках) либо другой вид пословного разбора (например, типа «я-вошел в-лес»).

3. Тэговая грамматическая разметка (указание грамматических категорий для словоформы).

4. Пословные комментарии (например, «диалектная форма» и пр.).

5. Переводы (м. б. несколько в зависимости от языка перевода и пр.).

6. Комментарии (содержательный, грамматический, этнографический и т. д.).

Каждый текст снабжается также метаинформацией следующего вида.

1. ID текста (номер и т. д.)
2. Название
3. Язык

4. Тип текста
5. Жанр
6. Аннотация
7. Источник
8. Дата записи
9. Место записи
10. Время создания
11. Место создания
12. Является ли текст переводом
13. Исполнитель (-и)
14. Автор(ы)
15. Кто записал
16. Кто обработал
17. Информанты, участвовавшие в работе над текстом (расшифровка, выверка и т. д.)
18. Можно ли выдавать текст целиком
19. Публикуемые комментарии
20. Непубликуемые комментарии
21. Наличие аудио- или видеофайлов, отсканированных источников

Корпус должен обеспечивать возможность сложного поиска, с заданием области поиска (например, все тексты языков такой-то подгруппы в таком-то жанре), по глоссам, т. е. по подстрокам в полях глосс с учетом нахождения в одной словоформе; по грамматической разметке; по подстрокам в других полях (т. е. в самом тексте, в переводах, в комментариях и т. д.); по комбинации этих параметров.

Разработка программного обеспечения

Программным обеспечением для корпуса занималась О. М. Урюпина при участии А. В. Архипова, В. Ю. Гусева.

Общая техническая концепция корпуса такова. Тексты хранятся в формате xml; поиск по ним осуществляется на основе существующей программы Elan, (созданной в Институте

им. Макса Планка в Неймегене, Нидерланды) с некоторыми дополнениями, которые необходимо создать по согласованию с авторами Elan'а.

Первоначальный материал поступает в корпус либо набранным в одном из текстовых редакторов (типа Microsoft Word; эта опция предусматривается в первую очередь для неглоссированных текстов), либо отглоссированным с помощью одной из предназначенных для этого программ (в первую очередь это Toolbox и FieldWorks). Глоссирование «вручную», т. е. ручной набор глосс в текстовом редакторе, «не поощряется», однако приходится считаться с тем, что некоторый объем текстов уже существует в таком виде.

Файлы, набранные в редакторе, конвертируются в текстовый формат с помощью встроенного конвертера редактора. Далее необходимо отконвертировать их в xml. После обсуждения был выбран тот вариант xml, который является выходным экспортным форматом программы FieldWorks. Причины для такого выбора следующие. Во-первых, этот формат постепенно завоевывает популярность в качестве «обменного» формата для глоссированных текстов (аналогично формату RTF для обычных текстов) и, следовательно, хранящийся в нем материал может быть использован и другими программами. Во-вторых, уже есть встроенный конвертер в этот формат из FieldWorks. Наконец, в-третьих, недавно у программы Elan появилась возможность импорта из него. Таким образом, этот формат оказывается оптимальным как с точки зрения нахождение «в русле» общих тенденций в этой области, так и в смысле экономии усилий.

Необходимо было написать конвертер из текстового формата (текстовых редакторов и ToolBox) в xml, и этот конвертер в 2009 г. был написан. На 2010 г. ставится задача создать необходимые надстройки для программы Elan.

Создание тестовых корпусов

В 2009 г. были созданы небольшие корпуса (около 1000 предложений каждый) для следующих языков народов: осетинский (дигорский диалект, а также ок. 400 предложений на иронском диалекте), ногайский, лезгинский, удинский, агульский; энецкий, долганский; ульчский, орочский; водский. В этой работе участвовали Т. Б. Агранат, Д. С. Ганенков, Т. А. Майсак, Ю. В. Мазурова, Н. Л. Шибасова, А. Ю. Урманчиева, А. Б. Шлуинский. Также к работе присоединилась Е. Ю. Калинина. Имеющиеся корпуса используются для тестирования создаваемых программ, а также, естественно, в будущем станут основой для больших корпусов на соответствующих языках и будут использоваться для лингвистических исследований. Как видно, в 2009 г. был охвачен прежде всего кавказский ареал, представленный рядом неродственных языков (нахско-дагестанскими, одним тюркским и одним индоевропейским), что дает возможность и для контактологических исследований.

Публикация результатов

В. Ю. Гусевым было сделано два доклада с сообщением о содержании проекта и ходе его выполнения: на Круглом столе «Корпуса языков России и постсоветского пространства» (РГГУ, 30 марта 2009 г.) и на III Международной конференции по полевой лингвистике (Институт языкознания РАН, 19—22 октября 2009 г.).

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников)

2

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации (до 0,5 стр.)

8. Список опубликованных по проекту статей (объемом не менее 1 п.л.)

Т. Б. Агранат. Водские тексты с поморфемной нотацией // МЛЖ № 11 (Вестник РГГУ, № 6), 2009.

9. Список книг, сданных в печать или поданных на издательские гранты (указать ожидаемое время издания, объем в а.л.)

10. Экспедиции, проведенные в рамках проекта (регион, руководитель, сроки, тематика исследований, полученные результаты, их значимость – до 2 стр.)

Т. Б. Агранат побывала в экспедиции в места компактного проживания носителей сойкинского диалекта ижорского языка длительностью 17 дней (август 2009 г.). Была проведена запись текстов (около 18 часов записи, в том числе видеозаписи). Дополнительно проводилось социолингвистическое обследование и анкетирование по ряду грамматических тем.

А. Б. Шлуинским с 5 июля по 5 сентября была проведена экспедиция в Таймырский муниципальный район Красноярского края по сбору текстового материала на энецком языке, находящемся под угрозой скорого исчезновения. Первой задачей экспедиции была расшифровка современных и архивных аудиозаписей текстов на лесном (бай) диалекте энецкого языка. Эта задача решалась в пос. Потапово г/п Дудинка. В общей сложности за время экспедиции было затранскрибировано около 5 часов аудиозаписи. Вторая задача экспедиции состояла в записи новых текстов на тундровом (маду, сомату) диалекте энецкого языка, носители которого наиболее труднодоступны. Эта задача решалась в оленеводческих бригадах и на рыбозаготовительных точках, находящихся в подчинении пос. Тухард с/п Караул. В общей сложности было записано около 3 часов тундровоэнецкой речи.

Т. А. Майсаком и Д. С. Ганенковым (совместно с Ю. А. Ландером, ИВ РАН) были проведены две экспедиции по изучению удинского языка общей продолжительностью 16

дней: в пос. Нидж Габалинского района Азербайджана (февраль 2009 г., ниджский диалект) и с. Октомбери Кварельского района Грузии (варташенский диалект). В ходе поездки проводилась аудиозапись и расшифровка текстов, всего было записано около полутора часов, примерно половина записей расшифрована. Кроме этого, проводился сбор данных по грамматике ниджского диалекта удинского языка.

5.14. **Вепсский корпус. Руководитель –** д.ф.н. **Нина Григорьевна Зайцева (вместо к.ф.н. А.Е.Беликовой)**

Создание лингвистических корпусов – сбалансированных коллекций текстов со встроенным лингвистическим аппаратом или разметкой является на сегодняшний день одним из актуальнейших направлений лингвистики, которое способно вывести верификацию лингвистических гипотез и составление словарей и грамматик на иной уровень. До сих пор исследователь редкого языка, каковым является вепсский язык, часто был лишен возможности проверить те или иные данные, приводимые в научных работах, корпусные же ресурсы дают возможность повысить прозрачность исследований и достоверность результатов.

Решение поставленных создателями корпуса конкретных задач позволит говорить о разработке модели документации языков малочисленных народов, находящихся под угрозой исчезновения. Данный проект может стать своеобразным музеем вепсского языка с широким и доступным кругом экспонатов, на который можно ориентироваться при описании других языков малочисленных народов. Вепсский корпус позволит обеспечить частное и сопоставительное языкознание источником лингвистических данных по вепсскому языку – одному из прибалтийско-финских языков со своеобразной грамматикой и богатой словообразовательной системой, а также повысить возможность независимой проверки примеров из вепсского языка и обогатить инструментарий лингвистики. Кроме того, идея национального вепсского корпуса – это своеобразный фактор национального возрождения, способный стимулировать российские и зарубежные исследования, что косвенным образом может повлиять и на популяризацию вепсского языка и культуры в целом. Материалы корпуса могут помочь широкому кругу людей, которые говорят, читают и пишут на вепсском, изучают или преподают вепсский язык, редактируют и переводят вепсские тексты.

Конечная цель проекта «Вепсский корпус» - создание обширного корпуса оригинальных вепсских диалектных текстов и текстов на младописьменном вепсском языке, а также словаря и размещение их в открытом доступе в сети Интернет.

В 2009 год планировалось:

1) проводить компьютерную подготовку текстов на вепсском языке; формировать источниковую базу для корпуса и компьютерный набор расшифрованных аутентичных текстов на разных диалектах вепсского языка фольклорного, этнографического и бытового характера, газетных и художественных текстов;
2) урегулировать вопросы авторского права;
3) определить методику и разработку компьютерных программ для осуществления лемматизации.

В течение года осуществлялась работа по *компьютерной подготовке* текстов разного характера. Значительная часть вепсских текстов, которой располагает ИЯЛИ КарНЦ РАН, хранится не в электронном виде, многие аудиозаписи даже не расшифрованы, поэтому проводилась кропотливая работа по сканированию, оцифровке, набору, редактированию, а

также паспортизации текстов. Введено в электронную версию и подвергнуто паспортизации 73 диалектных текста, которые представляют говоры средневепсского диалекта фольклорного, этнографического и бытового характера (список названий текстов см. в приложении **№ 1**).

Урегулированы вопросы *авторского права*:

а) получено разрешение от издательства «Периодика» на введение в электронную версию корпуса вепсских текстов газеты Kodima («Родная земля»; см. приложение **№2**);

б) получено разрешение Института перевода Библии (г. Хельсинки) об использовании изданий на вепсском языке, опубликованных названным институтом (см. приложение **№3**).

Тексты Института перевода Библии (основу перевода текста Нового Завета на вепсский язык подготовила, а также руководила группой переводчиков руководитель данного проекта Зайцева Н.Г.), полученные в настоящее время, уже все обладают электронной версией, в дальнейшем в течение 2010 года они будут паспортизованы и размещены на сайте как образцы текстов на младописьменном вепсском языке. Часть газетных текстов издательства Периодика (газета Kodima за 2009 г.) также обладает электронной версией и может быть в скором времени использована в Вепсском корпусе, но большая часть газетных текстов нуждается в переводе их в электронную форму.

При создании схемы метаразметки и детальной паспортизации текстов каждый текст описывается по строгой схеме, учитывающей пол и дату рождения автора текста, характер текста (устный, письменный), жанр текста и некоторые другие признаки.

Лемматизация для вепсского языка, к которой также приступили в 2009 году, не имеет простого решения: весь материал корпуса размечается вручную, для чего в течение года привлекались дополнительные человеческие ресурсы (сотрудники газеты Kodima, студенты Петрозаводского госуниверситета).

С *технической точки зрения* в работе над проектом «Вепсский корпус» можно условно выделить три основные составляющие.

1). Создание базы данных;

2). Разработка инструментов для управления базой данных;

3). Разработка пользовательского интерфейса.

За истекший период (2009г.) были запланированы и выполнены работы по двум первым пунктам: создание базы данных и разработка инструментов для управления базой данных.

База данных

База данных служит для хранения структурированной информации, составляющей ядро корпуса. В проекте используется база данных MySQL.

В настоящее время база данных содержит два вида информации:

1. Вепсские тексты.

2. Вепсский словарь.

В базе данных содержится на сегодняшний день 73 подготовленных текста общим объемом в 31 тысячу словоупотреблений (из них 9 тысяч уникальных словоформ).

Вепсский словарь структурно разделен на две составляющие: словарь лемм (800 единиц) и словарь словоформ (1500 единиц). На данный момент словарь содержит лексико-грамматическую информацию (перевод на русский и английский языки и грамматические характеристики). Для введения грамматических характеристик был разработан полный перечень грамматических форм вепсского языка с их сокращенными наименованиями (см. приложение **№4**). В настоящее время в процессе решения находятся проблемы подачи при лемматизации сложных именных и сложных глагольных временных и отрицательных форм.

Инструменты для управления базой данных

Для управления базой данных был разработан специальный сайт, позволяющий пополнять и редактировать информацию в базе данных. Сайт содержит страницы для управления текстами и словарем. На данный момент этот сайт открыт *только участникам проекта* для работы над корпусом. Сайт реализован с помощью технологий PHP и Ajax.

6. *Общее число опубликованных по проекту работ*.

Опубликованные по проекту труды пока отсутствуют, поскольку работа находится в начале своего пути. Отметим лишь, что уже на начальном этапе создания корпуса его материалы используются в настоящее время при подготовке составляемого впервые в истории вепсского младописьменного языка «Орфографического словаря вепсского языка», поскольку введенный в корпус материал словоформ помогает определить характер и направление построения орфограмм.

7. *Список опубликованных по проекту монографий*.

8. *Список опубликованных по проекту статей*.

9. *Список книг, сданных в печать*.

10. *Экспедиции, проведенные в рамках проекта*.

11. *Конференции, организованные в рамках проекта*.

Руководитель проекта д.ф.н. Зайцева Н.Г. выступила на *научно-практическом семинаре* «Летний языковой лагерь – путь к реализации языковых прав», который состоялся в с. Винницы Подпорожского р. Ленинградской обл. 18-20.09.2009г. с докладом на тему «Исследования ученых ИЯЛИ КарНЦ РАН по вепсскому языку», а также на *IV Всероссийской конференции финно-угроведов* (г. Ханты-Мансийск, 17-20.11.2009) с пленарным докладом на тему «Отражение современной языковой ситуации в теории и практике исследования прибалтийско-финских языков Карелии и сопредельных областей», в которых осветила и проблемы работы над Вепсским корпусом, идея создания которого может стимулировать российские и зарубежные исследования на материале вепсского языка, сможет помочь разработать модель документации языков малочисленных народов, находящихся под угрозой исчезновения, а также дать возможность широкому кругу людей, которые говорят, читают и пишут на вепсском, изучают или преподают вепсский язык, редактируют и переводят вепсские тексты обладать широким кругом вепсских текстов разного характера.

12. *Важнейшие научные результаты работы по проекту**

В рамках проекта «Вепсский корпус», который призван стать сбалансированной коллекцией текстов со встроенным лингвистическим аппаратом или разметкой, решается задача выведения верификации лингвистических гипотез и составления словарей и грамматик на иной уровень, дающий возможность повысить прозрачность исследований и достоверность результатов редких языков малочисленных народов, к каковым относится сейчас язык вепсов – один из прибалтийско-финских языков со своеобразной, довольно сложной, грамматикой и богатой системой словообразования.

В 2009 году осуществлена работа по составлению репрезентативной коллекции и определению круга оригинальных диалектных и младописьменных текстов разного характера (этнографического, бытового, фольклорного) на вепсском языке, а также урегулированы вопросы авторского права. Решались проблемы технической составляющей проекта: создание базы данных и разработки инструментов для управления базой данных. Вепсский корпус структурно разделен на две составляющие: словарь лемм и словарь словоформ. В базе данных на сегодняшний день содержится 73 подготовленных паспортизированных текста общим объемом в 31 тысячу словоупотреблений (из них 9 тысяч уникальных словоформ).

Создание Вепсского корпуса поможет разработать модель документации языков малочисленных народов, находящихся под угрозой исчезновения. Кроме того, с помощью корпуса есть возможность стимулировать российские и зарубежные исследования на вепсском материале, что косвенным образом может повлиять и на популяризацию языка и культуры малочисленного вепсского народа в целом.

5.15. Аспекты морфологической структуры текста: корпусное исследование грамматической вариативности в русском языке XVIII-XXI вв. Руководитель – член-корр. РАН Владимир Александрович Плунгян

В ходе выполнения работы по проекту получены следующие результаты.

1. На основе анализа основных пособий по грамматике, стилистике и культуре речи[1]

составлен перечень важнейших зон морфологической вариативности русского языка (всего около 60)

1. Род существительных

---

[1] Русская грамматика/ Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980; Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. М. 1977; Граудина Л. К. и др. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. М., 2001; Н.А. Еськова. Нормы русского литературного языка XVIII-XIX веков. М., 2008.

1.1. Колебания в роде, выраженные морфологически

1.1.1. Сущ м.р. на твердый согласный // ж.р. на –а: *рельс – рельса*

1.1.2. Сущ на мягкий согласный, *ж, ш*: м.р. // ж.р.: *толь, толя – толь, толи*

1.1.3. Сущ. ж.р. на –а // ср.р. на –о: *ведерка – ведерко*.

1.1.4. Сущ. с суффиксами субъективной оценки: м.р. // ср.р., м.р. // ж.р.: *этот домишко – это домишко, огромный домина – огромная домина.*

1.2. Колебания в роде, выраженные синтаксически:

Сущ. несклоняемые: *боа* пушистый – *боа* пушистое.

1.2.1. Аббревиатуры, оканчивающиеся на согласный: наша *ЖЭК* – наш *ЖЭК*

1.2.2. Аббревиатуры, оканчивающиеся на гласный: *СОЭ* повысился – *СОЭ* повысилось.

1.2.3.Композиты: *часы-будильник* встали – *часы-будильник* встал.

1.2.4. Существительные – наименования лиц

2. Число существительных

2.1. Употребление ед. ч. конкретных существительных вместо множественного: *читатель ждет – читатели ждут*

2.2. Формы множественного и единственного числа имен абстрактных существительных: *мощности – мощность, поиски – поиск, инициатива – инициативы*.

2.3. Формы множественного и единственного числа вещественных существительных.

2.4. Формы множественного и единственного числа существительных с собирательным значением: *коллективы – коллектив*.

2.5. Варианты числа существительных при однородных определениях: *английский и французский язык – английский и французский языки*

3. Падеж существительных

3.1. Именительный - винительный множественного существительных муж. р. с основой на твердый согласный: *тракторы – трактора*

3.2. Родительный единственного сущ. муж. р. с основой на твердый согласный: *чая – чаю*

3.3. Родительный множественного сущ. м.р. с основой на твердый согласный: *граммов – грамм*.

3.4. Родительный множественного сущ. с основой на мягкий согласный, ж, ш, j: *грабель – граблей*.

3.5. Творительный единственного сущ. жен. рода на –а, -я: *весной – весною*.

3.6. Предложный единственного сущ. муж. р. на твердый согласный: *в отпуске – в отпуску*.

4. Варианты склоняемых и несклоняемых форм существительных

3.7. Географические названия: *в Кучино – в Кучине, в городе Москва – в городе Москве*.

3.8. Личные имена и фамилии: *у Ивана Петренко – у Ивана Петренки, у Черныха – у Черных* и пр.

3.9. Аббревиатуры на согласный: *в МИД – в МИДе, сотрудник ТАСС – сотрудник ТАССа*.

3.10. Составные части композитов: *диван-кровати – дивана-кровати*.

3.11. Числительные даты: *к празднику Восьмое марта – к празднику Восьмого марта*.

5. Прилагательное

5.1. Краткие формы прилагательных муж. р. на *–енный*: *ветрен – ветренен*.

5.2. Формы сравнительной степени прилагательных и наречий: *красивее – более красиво*.

5.3. Формы сравнительной степени прилагательных и наречий с суффиксами *–ее, -ше*: *более – больше*.

5.4. Формы сравнительной степени прилагательных и наречий с суффиксами *–ее, -ей*: *скорее – скорей*.

5.5. Формы превосходной степени прилагательных: *важнейший – самый важный – наиболее важный*.

6. Местоимение

6.1. Особенности употребления краткой и поной форм местоимения сам и самый: *само* управление – *самоё* управление, ее *саму* – её *самоё*.

6.2. Формы косвенных падежей местоимения *некий*: с *неким* товарищем – с *некиим* товарищем.

6.3. Форма родительного падежа личного местоимения она: *у нее – у ней*.

6.4 Творительный единственного личных и притяжательных местоимений: *мной – мною, своей – своею*.

6.5. Употребление притяжательного местоимения *свой* по отношению к субъекту действия.

6.6. Взаимозамена местоимения *что* и вопросительного наречия *чего*: *что ж тут не понять*? – *чего ж тут не понять*?

7. Числительное

7.1 Формы косвенных падежей числительных: *оба – обе: обеих – обоих*.

7.2. Склонение сложных числительных: *шестьюдесятью – шестидесятью*.

7.3. Склонение составных числительных: *из девяноста семи – из девяносто семи*.

7.4. Склонение числительного сто: *в ста метрах – в стах метрах – в сотне метров*.

7.5. Употребление собирательных числительных: *мать двоих детей – мать двух детей*.

7.6. Форма творительного единственного и особенности управления слова тысяча: *с тысячей рублей – с тысячью рублей – с тысячью рублями.*

7.7. Склонение числительного восемь: *восемью – восьмью*.

7.8. Склонение неопределенно-количественных числительных: *по нескольку человек – по несколько человек.*

7.9. Склонение числительных в составе сложных слов: *стодвадцатипятитысячный трактор – стадвадцатипятитысячный трактор, двуспальная кровать – двухспальная кровать.*

8. Глагол

Вид

8.1. Глаголы несовершенного вида на –*ывать*(-*ивать*) с чередующимся корневым гласным –о//-а под ударением: *обусловливать – обуславливать*.

Наклонение

8.2. Формы повелительного наклонения 2 л. ед ч. некоторых глаголов: *выброси – выбрось*.

8.3. Формы повелительного наклонения 3 л.: *пусть лежат – пускай лежат*.

8.4. Формы инфинитива глаголов на –нуть: *достигнуть – достичь*.

Время

8.5. Формы прошедшего времени глаголов на –нуть: *сох – сохнул, промок – промокнул*.

8.6. Формы настоящего – будущего времени глаголов: *движется – двигается, сыпет – сыплет, обессилю – обессилею*.

Причастие

8.7. Формы причастий прошедшего времени глаголов на –нуть: *промокнувший – промокший, сохнувший – сохший.*

Деепричастие

8.8. Параллельные формы деепричастий сов. вида от глаголов на *–нуть*: *возникнув – возникши*.

8.9. Параллельные формы деепричастий сов. вида от глаголов на –еть: *увидев – увидя*.

8.10. Параллельные формы деепричастий от глаголов движения: *унеся – унесши.*

8.11. Параллельные формы деепричастий сов. вида от глаголов на *–ереть*: *замерев – замерши*.

8.12. Параллельные формы деепричастий сов. вида от возвратных глаголов на *–нуть*: *вторгшись – вторгнувшись*.

2. Проведено пилотное исследование типов морфологической вариативности на материале текстов Национального корпуса.

I. На материале Национального корпуса проведено исследование употребления форм деепричастий. Деепричастие – форма, употребление которой активно менялось на протяжении последних трех веков. Первоначально они образовывались от глаголов обоих видов: от основы настоящего-будущего времени при помощи суффикса *–а (-я),* а от основы прошедшего времени – при помощи вариативных суффиксов *–в* и *–вши*. Позже суффикс *–а* стал тяготеть к глаголам несовершенного вида, *-в, -вши* – совершенного, а остальные деепричастия (*видев*(*вши*), *увидя*) начали постепенно выходить из употребления. Тенденция настолько очевидна, что большинство учебников говорят только о деепричастиях двух видов и часто не упоминают форм типа *видев(вши)* и *увидя*.

Полный набор форм деепричастия, согласно классификации А.В. Исаченко[2], выглядит следующим образом.

1. Деепричастия несовершенного вида:

А. на –я (а) и -учи (-ючи)

Б. на –в, -вши

2. Деепричастия совершенного вида:

А. на –в, -вши, -ши

Б. на –я (а)

На основе данных Национального корпуса русского языка рассмотрено употребление «нестандартных» деепричастий (п. Б) ряда глаголов, обычно упоминаемых в грамматических описаниях. Исследована статистика их встречаемости в текстах разных периодов в сопоставлении со стандартными формами (п. А), проанализированы контексты употребления. Сделаны следующие выводы.

1. Широко использовавшиеся в XIX веке деепричастия от глаголов несовершенного вида на *–в, -вши* сейчас практически не употребляются, кроме стилистически нейтральной формы *читав*, фразеологизированных, стилистически выделенных и предпочитающих отрицание форм *евши, пивши, спавши* и умеренно популярной в разговорной речи формы *быв*. Несколько более активно некоторые из таких деепричастий, в частности, *видев* и *слышав*, используются в религиозных текстах, часто представляя собой непрямую цитату из синодального перевода Библии.

2. Деепричастия совершенного вида с суффиксом *–а*, употребляющиеся в языке последних десятилетий, удобно разделить на следующие 4 группы.

2.1. В настоящее время нормативными и абсолютно вытеснившими аналоги с суффиксом *-ши* являются деепричастия совершенного вида на *–а* от глаголов на *–ти*, например, *привезя, выйдя, произнеся* и др.

2.2. Нормативным и устойчивым является использование деепричастий совершенного вида на *–а* во фразеологизированных сочетаниях *положа руку на сердце, сложа руки, не спросясь*, а также использование *помолясь* и *благословясь* в сочетании с *начать* и других

[2] Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава, 1954-1965

близких по значению контекстах. Во всех остальных фразеологизмах нестандартные деепричастия к настоящему времени практически вытеснены стандартными.

2.3. Нормативным и используемыми наравне с аналогичными на *–вши* стали деепричастия о возвратных глаголов 2-го спряжения: *возвратясь*, *наклонясь*, *облокотясь* и др.

2.4. Несколько разрозненных деепричастий совершенного вида на *–а* продолжают использоваться до сих пор, но намного реже стандартных аналогов, что, по-видимому, свидетельствует об их неуклонном вытеснении. Пример нейтральных и относительно частотных форм – *увидя* и *завидя*, пример устаревающих – *заметя*, *уставя*.

Полностью результаты исследования опубликованы в: Добрушина Е.Р. *Видев* и *увидя*: жизнь и смерть нестандартных деепричастий // Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000, 2009. С. 15-33.

II. Исследована зона глаголов несовершенного вида на *–ывать*(*-ивать*) с чередующимся корневым гласным –о//-а под ударением: *обусловливать – обуславливать*. По материалам Корпуса отмечается вариативность в наличии/отсутствии чередования о/а в таких корнях:

а) устаревшие варианты без чередования ряда глаголов, употреблявшиеся в XIX в.: *присвоивать* (46 примеров в 1783-1930 на 103 *присваивать* за этот же период); *усвоивать(ся)* (42 за 1830—1893 на 80 *усваивать*), *освоивать(ся)* (2 за 1869—1894 при 8 *осваивать*), *удостоивать* (178 за 1721—1960 при 202 *удостаивать*), *удвоивать* (24 за 1788—1900 при 27 *удваивать*). Оценка актуальности варьирования корневого гласного в *заподазривать* (8 за 1862-1935 при 18 *заподозривать*) затрудняется тем, что глагол после 1968 года в Корпусе не отмечен (относящаяся к этому же времени «Практическая стилистика русского языка» Д. Э. Розенталя относит чередование к числу актуальных, учтено оно и в словаре Л. К. Граудиной и др. «Грамматическая правильность русской речи» 2001 г.), то же относится и к паре *обеспокоивать/обеспокаивать* (в Корпусе только примеры с *–о-*, из них только один относится к XX веку). Безусловно ушедшим является указанное в данных источниках как активное варьирование *задабривать* (52) / *задобривать* (11), *опоражнивать* (38) / *опорожнивать* (4), где все примеры с *-о-* не позже 1900-х гг..; и *подмораживать / подмороживать*, *сдабривать / сдобривать,* где вариант с *–о-* не отмечен вообще.

Что за ужасная среда, в которой жил он: рожден в деревне и с любовью к простой жизни, а его пошли мыкать туда и сюда и под видом образования *освоивали* с такими вещами, которых и знать не стоит. [Н. С. Лесков. Заячий ремиз (1894)]

б) пары с активным варьированием. Так, сюда, возможно, ещё относится пара *оспоривать* — *оспаривать*; форма *оспоривать* несколько раз встречается в авторской речи в 1990-е годы (возможно, её поддерживает часто цитируемое пушкинское *И не оспоривай глупца*, где чередование признавал устаревшим ещё Корней Чуковский).

С 1805: *уполномачивать* (16) / *уполномочивать* (78)

С 1846: *сосредотачивать* (193) / *сосредоточивать* (1146)

С 1895: *обуславливать* (219) / *обусловливать* (1524)

С 1903: *заболачивать* (32) / *заболочивать* (1)

С 1920: *унаваживать* (5) / *унавоживать* (13)

Информация о частотности различных значений категорий и их показателей, морфологических вариантов, значений носит важную информацию о структуре грамматических категорий, об их главном и второстепенном значениях, об активности морфологического варьирования в реальном узусе. Так, степень варьирования различных глаголов с корневым *о/а* (типа *сосредоточивать/сосредотачивать*) неодинакова у различных лексем: у глагола *заболачивать* решительно преобладает вариант с *–а-* (тогда как вариант с *-о-* отмечен только единожды против 32 *заболачивать*). *Уполномочивать* встречается чаще, чем *уполномачивать*, в 5 раз, в то время как *обусловливать* — уже в 7 раз чаще, чем вариант с *–а-*.

III. Исследование вариантов форм родительного падежа множественного числа существительных мужского рода проведено на материале группы названий лиц по принадлежности к воинским соединениям, включающей 14 существительных. Согласно нормативным рекомендациям, эти существительные допускают в род. п. мн. числа формы с окончанием –ов и с нулевым окончанием: *гусаров* и *гусар*, *гренадеров* и *гренадер*, *драгунов* и *драгун* и пр. Материал НКРЯ позволил уточнить особенности соотношения вариантов с нулевым и ненулевым окончанием в этой группе существительных, проследить динамику этого соотношения в исторической перспективе и даже пересмотреть ряд нормативных рекомендаций.

В ходе исследования удалось установить следующее:

1) В рассматриваемой группе, как показывает материал корпуса, начиная с 18 века, наблюдается распространение флексии *–ов*, которая воспринимается как основная флексия род. п. мн. ч. у существительных муж. р. с основой на твердый согласный. Это способствует выравниванию парадигмы множественного числа, в которой формы мужского рода (с окончанием *–ов*) противопоставляются формам немужского (женского и среднего, pluralia tantum) рода (с нулевым окончанием).

2) Существительные, входящие в данную группу, ведут себя по-разному на фоне общей тенденции, причем решающим фактором, который определяет закрепление того или иного варианта в слове, служит его принадлежность к активному или пассивному запасу.

Так, внутри группы выделяется 3 подгруппы.

В подгруппу 1 входят 2 слова, относящиеся к активному лексикону: *солдат* и *партизан*. Варианты *солдат* и *партизан* закрепились очень рано. Формы на *–ов* появляются в текстах спорадически или используются в художественных текстах для имитации народной речи или просторечия.

В подгруппу 2 входят слова, которые снизили свою частотность в современном языке, но все же не вышли из употребления и даже по тем или иным лингвистическим или экстралингвистическим причинам повысили активность в конце XX в. Это *кадет1* (воспитанник военного учебного заведения в связи с возрождением таких заведений), *кадет2* (член или сторонник политической партии в связи с интересом к событиям начала XX в.), *гардемарин*, *гусар* (герои кинематографа), *карабинер* (солдат итальянской армии), *рекрут*, *гренадер* (расширение значения). У слов этой подгруппы доля вариантов с нулевым окончанием сокращается, а доля вариантов с окончанием *–ов* растет. У всех существительных этой группы, за исключением *кадетов*, в 18 веке преобладало нулевое окончание, а к 20 веку формы с нулевым окончанием количественно преобладают только у существительного *гусары*. Вероятно, эти формы поддерживаются устойчивыми контекстами: «Эскадрон гусар летучих» и пр.

Подгруппу 3 составляют слова-историзмы, которые обозначают реалии, вышедшие из употребления в первой трети XX в., - военнослужащих подразделений царской армии. Их можно встретить в текстах исторической тематики: *драгун*, *кирасир*, *улан*, *рейтар*, *янычар*. У слова *канонир*, включенного в эту группу в ряде пособий, не зафиксировано ни одной формы с нулевым окончанием, поэтому оно не рассматривалось. У этих слов соотношение вариантов не получило продолжения своего развития в XX в. и в целом склоняется в

пользу форм с нулевым окончанием. Они либо резко противопоставлены в количественном отношении (*янычар, драгун*), либо представлены в приблизительно равном соотношении (*кирасир, улан*). Интересно, что в произведении одного автора могут присутствовать оба варианта.

3) Анализ данных корпуса и сравнение их с рекомендациями в нормативных пособиях и словарными пометами позволил сделать вывод о том, что наиболее приемлемой и отвечающей современному состоянию нормы кажется разрешительная помета, рекомендующая вариант с *–ов* в качестве основного и нулевой вариант в качестве дополнительного, уместного, в частности, в архаизированной речи. Именно такие рекомендации относительно рассматриваемой группы существительных предлагаются в Грамматическом словаре русского языка А.А. Зализняка.

Результаты исследования были изложены в докладе: С.О. Савчук «Национальный корпус русского языка как инструмент для исследования грамматической вариативности» (The Russian National Corpus as a Tool for the Research on Grammatical Variability) на 3-й Международной конференции «Грамматика и корпус - 2009» (20-23 сентября, Мангейм, Германия) и сданы в печать.

В пилотных исследованиях, проведенных с применением корпусных методик, анализируются действительно присутствующие в текстах случаи вариативности, а не искусственные примеры, нередко фигурировавшие в традиционных грамматиках; тем самым, имеющаяся в теоретических описаниях картина развития и функционирования морфологической системы русского языка может подвергнуться значительным коррективам. Корпусные исследования позволяют не только полнее выявить релевантный материал на всем протяжении существования современного русского литературного языка, но и внести в исследование морфологии квантитативный компонент, практически отсутствовавший во всех предыдущих морфологических исследованиях. Иными словами, речь идет о статистике употребления морфологических категорий в целом и об изменениях в динамике их употребления по различным периодам и типам текстов. Получение подобных данных позволит значительно обогатить наши представления о функционировании русской морфологической системы.

3. Анализ типичных ошибок действующей в корпусе программы автоматического морфологического анализа

В ходе анализа ошибок действующей в корпусе программы автоматического морфологического анализа, основанной на лексическом и грамматическом стандарте словаря А. А. Зализняка, особое внимание уделялось существующем в современном языке (или языке XVIII—XIX вв.) и представленным в Корпусе морфологическим вариантам, не опознаваемым программой вообще или получающим неполный разбор. При этом анализировалась в основном обработка программой зон морфологической вариативности, обсуждающихся выше, в разделах 1—2.

К таким зонам прежде всего относятся:

Вариативность рода, например: словоформы слова *рельса* разбираются только как словоформы слова *рельс* и pluralia tantum *рельсы*; словоформы слова *толь* ж. р. III склонения не предусмотрены, словоформа *толью* разбирается лишь гипотетически; у слова *боа* мужской род указан лишь в сочетании с признаком одушевлённости, как обозначения животного (удава), целый ряд аббревиатур либо вовсе отсутствует в словаре морфологического анализатора, либо дан с каким-либо одним (иногда не преобладающим в реальном узусе) родом.

Склоняемость: в словаре анализатора формы типа *Люблино* и *Измайлово* даны только как несклоняемые; отсутствуют склоняемые варианты некоторых аббревиатур, представленных в корпусе неоднократно (например, *ТАССе*).

Прилагательное: отсутствуют вариативные краткие формы, представленные в корпусе (например, *ветренен*).

Местоимение: отсутствуют вариативные формы слова *некий* (*некиим, некиими*), неоднократно представленные в XX в., хотя характерные прежде всего для XVIII—XIX вв.

Числительное: отсутствуют вариативные падежные формы вроде *шестидесятью* (в основном XIX в., но немало примеров и в XX), *стах* (в составе сочетания *в нескольких стах* представлено неоднократно), не получает правильного разбора фактически стандартная форма *нескольку* (в контекстах вроде *по нескольку человек*), отсутствует ряд вариантов сложных слов, включающих в себя числительные (вполне частотное *двухспальный*).

Глагол: целый ряд форм с -о- вместо -а- в корне при образовании глагола несовершенного вида словарём не предусмотрен; в большинстве своём они устарели (причём в текстах

XIX в. очень частотны), но иногда засвидетельствованы и в текстах XX в. (*присвоиать, усвоивать, освоивать, удостоивать, удвоивать, заподозривать, задобривать, опорожнивать*), ряд отсутствующих в словаре анализатора форм вполне активен (см. ниже): *оспоривать, уполномачивать*. Получает только неверные разборы ряд форм прошедшего времени (*привыкнул*) с устойчивым *–ну-*, а также некоторые активные вплоть до середины XIX в. формы деепричастий типа *приведши, благословясь* и вполне современные частотные формы *возвратясь, наклонясь, облокотясь, уставя.* Орфографическая форма *заметя* разбирается лишь как форма от *заметать/замести* (т. е. *заметя́*, а не *заме́тя*).

По итогам анализа подготовлены предложения по исправлению ошибок программы морфологического анализа. Прежде всего это добавление конкретных словоформ в множество порождаемых морфологическим анализатором разборов, добавление разборов к уже существующим словоформам, а также список ряда слов, которые целиком с парадигмой требуется добавить в словарь.

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников)

3, в т.ч. сборник статей - 1

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации (до 0,5 стр.)

Корпусные исследования по русской грамматике. Сб. статей. – М.: Пробел-2000, 2009. – 516 с. (42 п.л.)

В сборнике предлагается экспериментальное описание ряда грамматических явлений на основе языкового материала, представленного в Национальном корпусе русского языка и других корпусных источниках. В нем представлены не только разные языковые явления, но и разные способы описания, разные подходы к теории. Корпусной характер собранных в сборнике исследований проявляется по-разному в зависимости от целей, которые ставили перед собой авторы. Для одних главный интерес корпусного исследования состоит в статистическом анализе форм и конструкций, для других важно проследить эволюцию языковых явлений, третьим корпус позволяет для подтверждения гипотез

использовать не сомнительные сконструированные примеры, а реальные и многочисленные употребления, зафиксированные в текстах.

8. Список опубликованных по проекту статей (объемом не менее 1 п.л.)

Добрушина Е.Р. *Видев* и *увидя*: жизнь и смерть нестандартных деепричастий // Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000, 2009. С. 15-33.

Русакова М.В., Сай С.С. Конкуренция действительных причастий прошедшего и настоящего времени // Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000, 2009. С. 245-282.

Сичинава Д.В. ‘Стремиться пресекать на корню’: современная русская конструкция с *было*. // Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000, 2009. С. 362-396.

9. Список книг, сданных в печать или поданных на издательские гранты (указать ожидаемое время издания, объем в а.л.)

10. Экспедиции, проведенные в рамках проекта (регион, руководитель, сроки, тематика исследований, полученные результаты, их значимость – до 2 стр.)

11. Конференции, организованные в рамках проекта (название, место и сроки проведения, обсуждаемые проблемы, результаты)

5.16. Процессы словообразования в текстовой динамике. Руководитель – к.ф.н. Ольга Николаевна Ляшевская

Внедрение словообразовательной (деривационной) разметки является уникальным проектом в мировой практике создания лингвистически ориентированных корпусов. Фактически, это первая попытка введения подобного рода аннотации в общую схему разметки в корпусах.

В 2009 г. в рамках проекта решались следующие задачи:

– Подготовка списка параметров для словообразовательной разметки словаря Национального корпуса русского языка.

– Сплошная разметка словаря НКРЯ по части данных параметров.

– Выявление продуктивных моделей современного русского словообразования с учетом их текстовой реализации по данным корпуса.

I. Первоочередной задачей стала разработка общих принципов аннотации и параметров поиска в корпусе, инвентаря словообразовательных единиц и общей технологии разметки. В ходе работы специально созданного семинара при участии специалистов в сфере русского словообразования (И.Б.Иткина, Г.И. Кустовой и других) был выделен ряд общетеоретических проблем и предложены подходы к их решению. В первую очередь обсуждались следующие вопросы:

1. Подходы к широко распространенному в словообразовательных моделях русского языка алломорфическому варьированию и способы его отражения в разметке словоформ в их орфографической записи.

2. Проблемы синхронного статуса некоторых морфем (в первую очередь, префиксов).

3. Выделение полного списка префиксов русского языка, включая заимствованные морфемы с неоднозначным статусом.

4. Проблема выделения списка связанных корней.

5. Сравнение различных подходов к составлению словообразовательных словарей и выделение (разработка) оптимального варианта для разметки словника НКРЯ

6. Оптимальный порядок разметки словника.

7. Автоматизация разметки словника.

По результатам работы семинара были приняты следующие решения:

1. Создать словник словообразовательного словаря корпуса на базе Грамматического словаря русского языка А.А. Зализняка.
2. Сосредоточить работу на первом этапе (2009) на выделении префиксов и корней сложных слов.
3. Разметить словник словообразовательного словаря по этому параметру автоматическими методами с последующим ручным постредактированием.
4. Произвести разметку слов на уровне алломорфов отдельной морфемы.
5. Параллельно составить списки соответствия инвариантов префиксов и их алломорфов.
6. Для автоматической разметки словника создать программу.
7. Осуществить ручную проверку результатов работы программы.

8. По результатам работы программы составить список корней, претендующих на статус связанных.

Таким образом, на 2009 год были поставлены задачи составления списков префиксов и сплошной автоматической разметки словника НКРЯ (словника Грамматического словаря А.А. Зализняка) с последующим редактированием результатов работы программы.

5.1. Составление списка префиксов и связанных компонентов сложных слов.

Списки префиксов и связанных компонентов сложных слов как основа работы программы-разметчика были составлены на основании списков префиксальных морфов и повторяющихся (в том числе связанных) компонентов сложных слов, представленных в АГ-80, с дополнениями на основании словообразовательного словаря А.И. Кузнецовой. Выделенный список не считался окончательным, поэтому в программном коде программы-разметчика была предусмотрена возможность его дальнейшей трансформации.

Все морфы с неоднозначным статусом были присоединены либо к списку префиксов, либо к списку связанных компонентов сложных слов, в зависимости от их деривационных свойств.

5.2. Автоматизированная разметка словообразовательного словаря. Программа для автоматической разметки словника (выделения префиксов и сложных слов).

<u>Принцип работы программы.</u>

Программе на вход поступает список лемм (в данном случае - словник Грамматического словаря). Опираясь на списки префиксов и связанных частей сложных слов, программа проверяет наличие соответствующих частей в леммах словника по порядку убывания длины морфа: сначала осуществляется поиск соответствий более длинным приставкам, затем более коротким, с целью уменьшения количества ошибок (например, чтобы в словах с префиксом *между*- не был выделен префикс *меж*-). Затем программа проверяет

наличие в словаре леммы, соответствующей неприкрытой части леммы с выделенным префиксом. Если таковая существует, лемме приписывается свойство «имеет префикс» и указываются префикс и неприкрытая часть основы. Процедура повторяется для всех префиксов списка. После завершение первого круга проверки, программа тем же образом проверяет отделенные неприкрытые части лемм, выделяя таким образом не только первые, но и вторые, и последующие приставки. На финальном этапе работы программа проверяет список лемм, не получивших разбора, на наличие связанных корней: ищет одинаково оканчивающиеся леммы, и если начальные части таких лемм являются приставками, входящими в составленный список префиксов, то им приписываются свойства «имеет префикс» и «имеет связанный корень».

Также разработанная программа осуществляет предварительную обработку сложных слов, опираясь на список связанных частей сложных слов (таким образом выделяются сложные слова со связанными начальными корнями) и на следующий принцип: если в списке лемм, не имеющих префиксов, есть леммы, оканчивающиеся на части, идентичные другим леммам из данного списка, а начальные части не соответствуют префиксам и связанным корням, то таким леммам приписывается первичная помета «сложное слово».

Результаты работы программы.

Разработанная программа работает с точностью, приблизительно равной 90%. В связи с предусмотренной возможностью нескольких вариантов разборов одной леммы в результате ее работы для 110 000 лексем было получено в общей сумме 125 000 возможных разборов.

По результатам работы программы был отредактирован список префиксальных морфов и связанных частей сложных слов.

5.3. Ручная проверка результатов работы программы и редактирование словообразовательного словаря.

В связи с определенным количеством ошибок, неизбежно возникающим в ходе автоматической обработки, было принято решение о ручной проверке результатов работы программы. Для оптимизации и ускорения этого процесса была создана специальная компьютерная программа – рабочее место постредактора. Общий список лемм был разбит на равные части (приблизительно по 20 000 лемм каждая), каждая из которых проверялась отдельно разными участниками проекта. Спорные случаи разбора, а также статус отдельных морфов обсуждались совместно. После первичной проверки отдельные отредактированные части были вновь собраны в единый массив и подвергнуты вторичной проверке на предмет единообразия принятых по спорным случаям решений.

5.4. Выявление продуктивных моделей современного русского словообразования с учетом их текстовой реализации по данным корпуса.

Существующие описания русского словообразования не содержат статистически описанных данных о продуктивности тех или иных деривационных моделей, отдельных морфем и их сочетаемости, а также о конструкционных и сочетаемостных ограничениях, которые присущи словам того или иного словообразовательного типа в тексте. Для решения задачи динамического (текстового) описания продуктивности морфологических деривационных моделей была поставлена задача создать словообразовательную базу данных НКРЯ. В 2009 г. база данных была разработана в части словообразовательных моделей приставочных и сложных слов.

Основу базы данных данных составил размеченный словообразовательный словарь, см. п. 5.0-5.3 выше. Введены следующие параметры разметки:

- лексическая единица (лемма);
- членение леммы: алломорфы и их порядок;
- статус алломорфов;
- словообразовательный тип;
- часть речи и другие характеристики леммы в НКРЯ;
- частота леммы в НКРЯ и подкорпусах отдельных жанров.

Данные о частоте леммы даны в соответствии с частотным словарем корпуса современного русского языка (1950-2007 гг.; Ляшевская, Шаров в печати).

Запрос

лемма: **п***
часть речи:
тип:
элемент: статус:
частота: от до
подкорпус:

Тип	**Всего**	**Пример**
имеет префиксоид	220	петро-градский
имеет префиксоид, имеет приставку	20	полу-за-сохший
имеет приставку	5478	про-учиться
имеет приставку, связанный корень	4194	пере-сол
сложное слово	521	перфо-лента
сложное слово, имеет приставку	57	по-благо-душествовать
составное слово	48	пила-рыба
Общий итог	10538	

Рис. 1. Продуктивность словообразовательных типов.

База данных дает возможность исследовать выборки групп лексем, словообразовательных единиц, словообразовательных типов, ограничивать их по частоте употребления в корпусе, жанру текстов и др. На рис. 1 представлены результаты по запросу о продуктивности словообразовательных типов у лексических единиц, начинающихся на *п*; на рис. 2. – результаты по запросу о наиболее продуктивных приставках, начинающихся на *п*.

Запрос

лемма:
часть речи:
тип:
элемент: **п*** статус: **приставка**
частота: от **100** до
подкорпус:

Элемент	**Всего**	**%**	**Пример**
по	2928	31%	по-аплодировать
при	1764	19%	при-азовский
про	1743	18%	про-учиться
под	1693	18%	под-бегать
пере	543	6%	пере-садочный
пре	295	3%	пре-благой
пред	284	3%	пред-банник
полу	248	3%	полу-колония
Общий итог	9498	9498	

Рис. 2. Продуктивность приставок.

5.5. Заключение

Таким образом, за первый год работы (2009 г.) были разработаны общая концепция, порядок и параметры словообразовательной разметки Национального корпуса русского языка. Для этого были разрешены многие спорные общетеоретические вопросы, связанные со словообразовательными моделями русского языка, в том числе статус заимствованных морфов, синхронный статус некоторых исконных морфов. С опорой на принятые решения были составлены списки префиксов и связанных частей сложных слов русского языка. Также была разработана схема автоматизации разметки префиксов и сложных слов, на основании которой была написана программа-разметчик. Ее точность разметки составила приблизительно 90%. С помощью данной программы был произведен анализ словника Грамматического словаря русского языка А.А. Зализняка, результаты работы программы были подвергнуты ручной проверке, по окончании которой программа была усовершенствована для того, чтобы работать с более высокой точностью на словниках большего объема (в перспективе – на словнике Национального корпуса

русского языка). Для выявления продуктивных моделей современного русского словообразования с учетом их текстовой реализации по данным корпуса была создана словообразовательная база данных НКРЯ. Получены статистические показатели употребления приставочных и сложносоставных моделей в корпусе, которые позволяют сопоставить продуктивность разных моделей.

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников)

2

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации (до 0,5 стр.) -

8. Список опубликованных по проекту статей (объемом не менее 1 п.л.)

Itkin I.B., Tagabileva M.G. Suffix of nomina actionis *-ьb(a) in the Proto-Slavic language // SLS 2009: Book of abstracts 4th annual meeting of the Slavic linguistic society. Zagreb, 2009.

Тагабилева М.Г., Гришина Е.А., Иткин И.Б., Ляшевская О.Н. О задачах и методах словообразовательной разметки в корпусе текстов // Poljarnyj vestnik. Reports from Tromsø University Department of Russian. Volume 12, 2009.

5.17. Формальный и семантический анализ поэтического текста. Руководитель -- к.ф.н. Лариса Леонидовна Шестакова

В 2009 году, согласно внутренним стандартам поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (http://ruscorpora.ru/search-poetic.html), были обработаны следующие авторы акмеистического круга: Н. Гумилев, А. Ахматова, С. Городецкий («досоветский» период), М. Зенкевич, В. Нарбут, а также близкие к акмеизму М. Кузмин, Н. Недоброво, С. Шервинский, В. Шилейко и В. Комаровский. Все эти авторы представляют собой репрезентативный срез акмеистической поэтики 1910-х гг., позволяющий делать выводы о метрической и грамматической структуре множества текстов, объединяемых под названием «акмеизм».

Кроме того, были обработаны следующие авторы первой трети XX в., не принадлежащие к акмеистическому направлению: П. Соловьева, Вяч. Иванов, В. Верховский, А. Герцык, В. Гофман, С. Клычков, Н. Клюев, А. Кондратьев, В. Меркурьева, М. Моравская, С. Соловьев, Б. Садовской, И. Северянин, А. Скалдин,

А. Тиняков, В. Хлебников (стихотворения и поэмы), В. Ходасевич, Черубина де Габриак, М. Шкапская, Л. Кобылинский (Эллис). Все они в совокупности с уже размеченными в прошлом авторами (В. Брюсов, Ф. Сологуб, З. Гиппиус, Д. Мережковский, А. Белый, А. Блок, А. Добролюбов, М. Волошин, Ю. Балтрушайтис, С. Парнок, С. Киссин, С. Соловьев, С. Есенин) дают достаточно полную картину русской поэзии до 1917 г.

В ряде случаев приведенный материал позволяет делать выводы о позднейшей эволюции акмеистической поэтики: например, творческая биография А. Ахматовой включает в себя также и советский период вплоть до шестидесятых годов; С. Шервинский продолжает акмеистические традиции вплоть до начала восьмидесятых. Другой полюс являют «прото-акмеисты» — В. Комаровский и В. Шилейко, творчество которых раскрывает движение поэзии 1910-х гг. к акмеизму в его канонической форме. Отдельный интерес для исследователя представляет и М. Кузмин, напрямую не примыкавший к акмеистическому направлению, но соединенный с ним множеством биографических и творческих связей, запечатленных также и в метрическом репертуаре этого поэта.

Актуальность такого выбора текстов связана с продолжением и развитием исследований по акмеизму в современной филологии, в рамках которых акмеизм осмысливается не только исходя из образцов творчества крупнейших его представителей, но во всей полноте функционирования в литературном контексте своего периода, ставится задача формулирования объективных характерных признаков акмеизма, выявления взаимовлияний, цитат и в рамках акмеистического движения, и со стороны и в направлении как представителей других поэтических течений русского модернизма, так и всё более многочисленных, начиная с 1910-х годов, поэтов-модернистов, осознанно занимающих позицию «вне групп», однако в той или иной степени оказывающихся в орбите акмеистской поэтики.

В поэтическом подкорпусе были учтены стихотворные тексты разной жанровой природы. Несмотря на всю размытость жанровых границ в рассматриваемый период, кроме непосредственно лирических стихотворений, в корпус были включены в большом количестве также поэмы (Ахматовой, Хлебникова, Кузмина, Клюева и других), в несколько меньшем стихотворные драмы; специальное внимание, как и для XVIII-XIX вв., уделено песням поэтов, а также стихотворным посланиям разного рода. Все произведения снабжены соответствующими специальными пометами. Отдельно обозначено включение

текстов в тот или иной стихотворный цикл. На сайте НКРЯ также была предусмотрена возможность поиска внутри стихотворных циклов (конкретных или вообще всех).

При подготовке текстов использовались наиболее авторитетные из существующих собраний, включая издания «Библиотеки поэта» и «Новой библиотеки поэта», представительные и обычно претендующие на полноту сборники, выходившие в 1990-е-2000-е гг. в других издательствах («Водолей», «Издательство Ивана Лимбаха» и мн. др.), а также тексты, любезно предоставленные издательствами. В ряде случае проводилась дополнительная проверка по первым публикациям. Тем самым, собрания представлены практически с исчерпывающей полнотой, за исключением С. Городецкого, подборка которого по причине особенностей его позднего творчества ограничена досоветским периодом. Важно отметить, что вся совокупность данных текстов едва ли не впервые введена в таком объеме в научный оборот.

Все тексты были переведены в электронную форму и снабжены специфической метаразметкой. Метаразметка поэтического подкорпуса НКРЯ, кроме общей информации о тексте (такой, как его название, год создания и автор), включает также сведения о его стиховедчески значимых характеристиках: метре, строфике, схеме рифмовки, длине строки (в силлабо-тонической системе — число стоп, в тонической — число ударений), чередовании окончаний (клаузул), обобщенной формуле размера, а также о некоторых других дополнительных параметрах стихотворного текста. При этом в каждой строке стихотворного текста проставляются икты (знак `), и каждая строка получает свою собственную формулу.

Сплошная стиховедческая разметка текстов поэтов акмеистического круга позволяет выявить многие метрические закономерности, не обнаруженные в процессе разметки текстов XVIII-XIX вв., ранее включенных в поэтический подкорпус. Прежде всего, это касается несиллабо-тонических стихотворных форм, которые получают активное развитие в творчестве акмеистов. Так, каждая строка тонического текста в дополнение к символической формуле получила схему расположения иктов, что позволяет проводить поиск по метрическим формам этих текстов.

После получения стиховедческой разметки все тексты были снабжены грамматической и семантической разметками в соответствии с общими стандартами НКРЯ. Эти разметки аналогичны соответствующим уровням для других подкорпусов НКРЯ: каждой словоформе приписывается специфическая для нее информация, в которой отображается ее частеречная и лексико-семантическая характеристика. Таким образом, полученный

корпус доступен для поиска по целому ряду параметров и их сочетаний, в частности, по определенному частеречному составу строки, определенным лексемам в рамках определенного метра, семантическим характеристикам.

Для поэзии начала XX в. характерно увеличение несиллабо-тонических стихотворных форм. Для обработки текстов этого рода программное обеспечение, выполняющее ряд работ по разметке поэтических текстов, было значительно усовершенствовано. Так, появилась возможность полуавтоматической разметки тонических текстов (ранее такая задача не ставилась), предоставляющая возможность генерации метрических формул строк и обобщенных параметров произведения по данным работы автоматического акцентуатора и ручной проверки. Благодаря использованию этих технологий появляется возможность автоматического анализа метрики тонических текстов, что может существенно облегчить изучение до сих пор не изученных в полной мере метров, таких как дольник и тактовик.

В процессе обработки текстов были внесены существенные коррективы в типологию тонических размеров, использованную в поэтическом подкорпусе НКРЯ. Так, все тонические тексты сопровождают пометы о характере анакрусы (постоянная, урегулированная, переменная). Для исследователя русского стиха это создает возможность дополнительной проверки гипотезы об отнесении тонических метров к разным классам в зависимости от характера анакрусы (ряд интереснейших примеров такого рода обнаружен у М. Кузмина).

Были разделены строчный и стопный логаэды, причем разметка последних была переинтерпретирована на всем корпусе в качестве разметки тонического стиха. Логаэды занимают значительное место в поэзии первой трети XX в., особенно в подражаниях и переводах античной поэзии, количество которых также увеличивается в данный период. Таким же образом все доступные нам образцы русского дактилического гекзаметра за указанный период были размечены наравне с другими типами тонического стиха.

Также были выделены специфические виды (строчных) логаэдов, представляющие собой регулярные чередования тонических и силлабо-тонических метров. В отдельный класс вынесены так называемые «гетерометрические» стихи, т.е. состоящие из строк разных правильных силлабо-тонических размеров с минимальными примесями тоники. В отдельный класс были выделены силлабо-тонические (трехсложные и двусложные, соответственно) метры с переменной анакрусой. Для всех этих случаев были предусмотрены специальные возможности поиска в корпусе.

За счет поэзии рассматриваемого периода существенно расширился подкорпус стихотворений с так называемыми цезурными эффектами (наращениями и усечениями), также до сих пор не становившимися предметом целенаправленного изучения. Уточнена качественная типология рифмы, использовавшаяся в корпусе на материале XVIII-XIX вв. Проведено последовательное различение разноударной и неравносложной рифмы, становящееся актуальным для поэтов рассматриваемого периода. Для всех размеченных текстов систематически проведена проверка на наличие «экзотических» рифм, различаемых корпусной номенклатурой (диссонанс, ассонанс, составная рифма и др.).

Эпоха модернизма — время существенного развития и разнообразия не только русской метрики, но и строфики. В это время нередко воспроизводятся античные и средневековые строфические образцы, индивидуальные строфические схемы времен романтизма, ведутся и оригинальные эксперименты; соответствующая тенденция задана, прежде всего, символистами, но ей следовали и многие акмеисты и поэты акмеистического круга. Существенно расширен подкорпус твердых строфических форм — прежде всего, сонета в самых разнообразных модификациях. Кроме сонета были в большом количестве зафиксированы также такие твердые формы, как рондо, рондель, секстина, баллада и некоторые другие еще более маргинальные.

Систематически проведено различие переводных и оригинальных произведений. На данный момент переводы были включены в поэтический корпус в объемах используемых изданий. Однако при этом введены такие существенные для исследователя пометы, как автор оригинального текста и язык, с которого сделан перевод. Это позволяет соответствующим образом специфицировать поиск по корпусу, что является незаменимым источником информации для исследователя русского стихотворного перевода (особенно учитывая вклад в его развитие переводчиков первой трети XX в.). В указанный период переводческая деятельность русских поэтов продолжает быть релевантной, хотя и в меньшей степени, чем в XIX веке, для развития многих формальных инноваций русского стиха (таких как дольник, верлибр и т. д.).

Учтен и такой важный параметр литературы начала XX в., как принадлежность произведения тому или иному авторскому сборнику (роль книги стихов как целого очень важна в исследуемый период; она приобретает особое значение именно в русском модернизме и канонизируется именно течением акмеистов). Введен специальный параметр «поэтическая книга», который позволяет делать заключения о метрике поэта в рамках интересующего авторского сборника.

Для сопоставления индивидуальных словарей авторов рассматриваемого периода в «бета»-режиме для внутреннего пользования на сайте НКРЯ была введена возможность автоматической генерации частотных словарей для исследуемых авторов. Это возможно благодаря грамматической разметке, сопровождающей тексты внутри НКРЯ, которая предлагает «лемматизацию» и возможность дальнейшей обработки полученного множества лексем. Сравнение индивидуальных частотных словарей авторов позволит исследователю делать выводы об особенностях их художественного мира, а также в совокупности с анализом метрики на основании словаря диагностировать отличия одной коллективной творческой манеры от другой (например, акмеизма от символизма или футуризма).

Данная возможность, однако, требует снятия грамматической омонимии (автоматического или вручную) на всем объеме поэтического корпуса, что делает на данный момент невозможным ее запуск для общего пользования.

Подготовлена возможность доступа к полным текстам поэтических произведений (сроки авторского права на большинство из них к настоящему времени уже истекли) с целью возможности работы исследователя с текстом как единым целым, анализа сверхстиховых единств, композиции и других параметров.

На сегодняшний момент поэтический подкорпус НКРЯ не имеет аналогов в мире. Несмотря на то, что проблема создания лингвистических корпусов различных типов была давно оценена мировым научным сообществом, задача создания корпусов чисто поэтических, причем снабженных специализированной стиховедческой метаразметкой, до сих пор не ставилась. Тем не менее все достижения научного стиховедения XX в. опирались на статистические подсчеты, которые невозможны в отсутствие корпуса поэтических текстов, размеченных специальным образом. Поэтический подкорпус НКРЯ делает этот уникальный материал доступным для исследователя.

Особенно остро проблема создания подобного корпуса стоит для поэзии первой трети XX века, которая до сих пор систематически не исследована стиховедами. Тем самым, поэтический подкорпус НКРЯ предоставляет не имеющий аналогов на сегодняшний день исследовательский инструмент для стиховедов, историков языка поэзии и литературоведов.

5.18. Модель управления глагола и текст: теоретические и прикладные аспекты. Руководитель – д.ф.н. Елена Викторовна Падучева

Проблематика проекта находится в русле одного из ключевых направлений современной лингвистической семантики и теории текста. Проект предполагает корпусное исследование способов реализации (поверхностно-синтаксического выражения) аргументной структуры русского глагола и их вариативности, обусловленной, с одной стороны, закономерностями построения текста, а с другой – полисемией самого глагольного слова. Исследование проводилось на основе электронной лексической базы данных «Лексикограф» и Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Одна из важных идей данного проекта состоит в том, чтобы на базе корпусного исследования частотных глаголов русского языка по корпусу со снятой морфологической омонимией расширить «Лексикограф», превратив его в систему, которая для каждого значения глагола отслеживает не только варианты аргументных структур, но и все варианты их корпусных реализаций с учетом их частотности.

Такая система связывает глубинную структуру предиката (как основу предложения), с одной стороны, и текст, с другой стороны, и очень востребована в мировой лингвистической практике. В частности, именно на этот результат ориентируется известная система Framenet и ряд других разработок в США и Европе.

В ходе работы над проектом в 2009 г. получены следующие **основные результаты**:

– Разработан и усовершенствован концептуальный аппарат для описания:

а) закономерных связей (соответствий) между изменением модели управления и изменением значения (типом производного значения) глагола;

б) типов реализации модели управления глагола в тексте;

в) способов представления текстовых вариантов реализации модели управления глагола в лексической базе данных (семантическом словаре глагольного управления);

– Описаны и отражены в лексической базе данных модели управления глаголов и отглагольных имен разных семантических классов;

– Создан тренировочный корпус текстовых реализаций моделей управления глаголов на основе выборки примеров из Национального корпуса русского языка; обоснованы принципы нового типа корпусной аннотации и разработана соответствующая технология, учитывающая современные мировые достижения (идеи англоязычных, а также славянских корпусов);

– Создан и апробирован на корпусе пилотный вариант программы автоматического разрешения неоднозначности глаголов в текстах НКРЯ.

Работа в рамках проекта проводилась по следующим основным направлениям.

Совершенствование концептуального аппарата для описания семантических парадигм и моделей управления глагольной лексики.

В теоретических публикациях по проекту отражен анализ ключевых проблем и понятий, связанных с разными аспектами реализации глубинной семантики предиката в тексте.

Традиционно модель управления считается связанной с определенным значением предикатного слова. Новизна подхода, принятого в рамках системы «Лексикограф», состоит в стремлении выявить более общие закономерности семантического устройства лексики (в первую очередь – глагольной). В частности, одна из важнейших задач данного проекта, определяющих его теоретическую значимость, – описать модель управления глагола не только на уровне отдельного слова, но и на уровне семантического класса (при этом в расширенное понимание модели управления входит не только набор участников глагольной ситуации, но и их семантические классы) и показать закономерные связи между разными параметрами семантики глагольного слова (семантический класс, акциональный тип, семантические роли и семантические классы актантов, типы диатетических преобразований). Исследования глагольной лексики с позиций идеологии системы «Лексикограф» показали, что определенная структура значения глагола (называемая условно «схема толкования») определяет и принадлежность глагольной лексемы к тому или иному семантическому классу, и определенный набор семантических ролей. В рамках данного проекта ставится задача продемонстрировать, что существуют также корреляции между ролью и семантическим классом актанта и, кроме того, между семантическим классом глагола и классами актантов. Изменение определенных параметров актантов приводят к изменению значения глагола, а новое значение, как правило, относится к другому семантическому классу. Таким образом, появляется возможность описать изменение значения в терминах изменения семантического класса, ср.: *Мальчик* [Сб=одуш] *красовался* [‘поведение’] *перед нерусскими ребятишками* (В. Месяц) vs. *Среди горелых построек красовался* [‘местонахождение’] *барак* [Сб=неод] (В. Астафьев); *молоть* [‘воздействие’] *муку* [‘конкр:вещ’] vs. *молоть* [‘речь’] *чушь* [‘абстр’] и т.п. Данная проблема представляет как теоретический, так и практический интерес: глаголы в лексической базе данных «Лексикограф» и в Национальном корпусе русского языка имеют помету семантического класса. Существительные и другие слова (которые участвуют в заполнении валентностей глаголов и других предикатных слов) также снабжены семантической разметкой. Наличие семантической разметки дало возможность не ограничиваться решением только теоретической задачи – обнаружить корреляции между семантическим классом глагола (речь, эмоция, деформация, контакт, обработка, создание и т.д.) и семантическими параметрами актантов, – но и использовать результаты проведенного исследования для решения ряда важных практических задач: формулирование правил разрешения неоднозначности (так наз. семантических фильтров) в терминах семантических классов глаголов и существительных, реализующих их модель управления в тексте; создание программы автоматического снятия неоднозначности в

текстах НКРЯ, использующей эти правила (см. ниже). В первом варианте программы снятия неоднозначности использовались простейшие семантические параметры существительных («абстрактность» vs. «конкретность» и «одушевленность» vs. «неодушевленность»). Семантическая разметка глаголов и существительных, исходя из целей оптимизации работы программы, была уточнена и дополнена. Были проанализированы модели управления и созданы семантические фильтры для наиболее частотных глаголов (*идти, найти, дать, лежать* и под.).

Модели управления отглагольных существительных разных семантических типов.

Наряду с моделями управления глаголов анализировались модели управления других слов с предикатной семантикой – прилагательных, предикативов. Специальное исследование было посвящено моделям управления отглагольных имен. Рассматривались разные семантические, аспектуальные и «актантные» классы отглагольных имен: имена ситуации (*посещение, возвращение, разрушение, приезд*), имена объекта (*совет, рассказ, воспоминание, замысел*). Дано теоретическое обоснование необходимости различать имена ситуации и имена способа (ср. *трактовка, толкование, понимание, изображение, осмысление, исполнение, выбор* и под.). Показано, что актантная структура имен способа наследует от глагола обоих главных участников, субъект и объект. Имена способа обладают диатезой с посессивом субъекта и генитивом объекта (*его изображение ревнивца*, *отцовский выбор будущей профессии сына*, *пастернаковский перевод Шекспира* и т.п.). При этом у имен способа, в отличие от имен ситуаций, валентность субъекта не может замещаться творительным падежом, а только притяжательным местоимением (*мой, его*) или притяжательным прилагательным (*мамин*), в том числе – на *–овский* (ср. *отцовский, расселовский*), причем в современном языке действует активный процесс регулярного образования таких прилагательных практически от любых собственных имен с их последующим использованием для обозначения субъекта имен способа.

Использование извлеченной из текстов Национального корпуса русского языка информации для создания тренировочного корпуса.

Словари моделей управления глагола дают представление о типовой реализации модели управления глагола: предложно-падежном оформлении, семантическом классе слов, обозначающих участников и др. Однако даже система правил поверхностно-синтаксических преобразований (в формах императива, причастий, деепричастий, при контроле, в безличной конструкции и т.д.) не дает представления о реальной вариативности реализаций модели в тексте: когда актанты опускаются, когда они регулярно выражаются при «соседних» предикатах, как влияют на реализацию модели управления сирконстанты, каков типичный порядок следования аргументов и т.д. Реализация аргументов тесно связана со структурой текста в целом, в частности, эксперименты на основе НКРЯ показали, что в корпусе почти не встречается примеров, где все актанты глагола были бы выражены в пределах одного предложения.

Для исследования взаимодействия аргументной структуры и текста была поставлена задача создать тренировочный корпус текстовых реализаций моделей управления глаголов. Основой корпуса служит выборка примеров из Национального

корпуса русского языка, вместе с примерами извлекается ближайший контекст, а также существующая корпусная разметка на уровне слова, предложения и текста.

В 2009 г. были разработаны принципы и технология нового типа корпусной аннотации – разметки реализаций моделей управления. Укажем следующие ключевые особенности этой разметки:

1) единицей разметки является конструкция, в которой имеется фиксированный элемент – глагол (ср. *не знаю, как сказать* или *а он знай себе гуляет*);

2) в корпусе размечается целевой предикат, а также его аргументы: обязательные и факультативные актанты и сирконстанты; размечаются все аргументы, выраженные в пределах предложения, вне зависимости от того, связаны он синтаксически непосредственно с глаголом или нет;

3) разметка производится на уровне группы, выражающей участника, и вершины этой группы;

4) размеченный фрагмент сопоставляется со словарем моделей управления (ср. зону «модель управления» «Лексикографа»): в словаре выбирается та модель управления, которая наиболее близко соответствует значению глагола в тексте, поверхностному способу оформления (с учетом регулярных преобразований) и ограничениям на заполнение слотов;

5) каждый актант в словарной модели управления сопоставляется с соответствующей группой, реализующей этот актант в тексте; в шаблон реализации модели управления включаются в качестве дополнительных элементов сирконстанты и другие новые участники, не предусмотренные словарной моделью (например, бенефициант); отдельно размечаются опущенные актанты;

6) типы информации, отражаемые в разметке реализации аргументов, координируются с ограничениями на модель управления в словаре: словарным морфосинтаксическим ограничениям сопоставляется информация о лексико-грамматическом оформлении аргументов в размечаемом примере, семантическим ограничениям – семантический класс имени вершины, синтаксическому рангу – синтаксический ранг;

7) особо помечаются конструкции, вынуждающие нестандартное оформление участников (императив, контроль и т.д.), а также конструкции, вводящие сирконстанты и необязательных участников; также, если актант не выражен в предложении, но упомянут в преконтексте или постконтексте, или если имеет место парцелляция, в разметку вносится соответствующая помета;

8) в отдельную зону заносится информация о типе предложения (простое, сложно-сочиненное и т. д.), порядке следования аргументов, «разорванных» группах и др.;

9) зона метатекстовой информации включает сведения об авторе, дате создания текста, жанра и др., извлеченные из метаразметки НКРЯ.

В общих чертах, в данной разметке нашли отражение идеи framenet-разметки англоязычного проекта FrameNet (Johnson, Fillmore et al. EE) и текстограмматической разметки (разметки семантических ролей) Чешского национального корпуса (Bohmova et al . 2005), однако в настоящем проекте больший акцент сделан на различиях в поверхностно-синтаксическом оформлении аргументов, в их лексической реализации (в том числе на уровне лексико-семантических классов), а также на сопоставлении «словарной» и «корпусной» информации. Принципиально новым шагом является конструкционный подход к экспликации вариативности глагольного управления: предполагается, что в предложении присутствуют другие конструкции (ср. разметку конструкций типа (7)), которые, взаимодействуя с глагольной конструкцией, обусловливают то или иное отклонение от «канона».

В 2009 г. был создан и размечен в соответствии с указанными выше параметрами тренировочный корпус, включающий 2000 контекстов. Сопоставление моделей управления и аргументов производилось вручную, часть информации (о поверхностном выражении аргументов и семантическом классе) извлекалась автоматически на основе существующей разметки НКРЯ с последующим постредактированием.

Разработка и обучение на тренировочном корпусе программы автоматического снятия неоднозначности глагола с использованием информации о текстовых реализациях его модели управления.

Тренировочный корпус реализаций моделей управления нужен также и для исследований по такой важной теме, как word-sense disambiguation (разрешение семантической неоднозначности). В частности, появляется возможность использовать его для обучения программ автоматического снятия омонимии в корпусе. В свою очередь, обученная программа может быть впоследствии использована для частичной автоматизации разметки реализаций модели управления.

На вход программы подается (а) сам ключевой глагол, (б) корпус с лексико-грамматической и лексико-синтаксической аннотацией и разметкой реализаций модели управления, (в) файл с дополнительными фильтрами, помогающими сопоставлять разные поверхностные реализации. Обучение проводится на части тренировочного корпуса (90%) с последующим тестированием на оставшихся 10% контекстов.

Параметры обучения включают ограничения (1) на форму глагола (например, если данное значение представлено у глагола только в безличной форме или только при наличии отрицания, то это ограничение включается в поисковый образ), (2) на грамматические, семантические и "списковые" ограничения на другие актанты и сирконстанты, (3) на выражение именной группы в именительном или винительном падеже (отсутствие субъектной или объектной группы может служить маркером значения).

В результате работы программы создается файл, в котором имеется несколько полей: (i) выбранное значение, (ii) сработавшие параметры, (iii) поисковый фрагмент и элементы, которые, по предположению программы, реализуют аргументы глагола, (iii) исходный пример с оставленной без изменения разметкой.

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников) – 7.

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации.

Национальный корпус русского языка: 2006-2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. 500 с. (15, 7 п.л.).

В статьях сборника, посвященных проблематике связи моделей управления глаголов и их семантических классов, предпринято теоретическое исследование существующих корреляций между семантическим классом глагольной лексемы, набором актантов, их семантическими ролями и семантическим классом соответствующих имен. Такие корреляции были выявлены и концептуально обоснованы для разных классов глаголов (воздействие, поведение, речевая деятельность и др.); показано, как основные семантические параметры существительных, реализующих в тексте валентности глаголов, могут быть использованы для создания программы автоматического разрешения неоднозначности глагола в тексте, т.е. определения текстового значения глагола с точностью до семантического класса. Описан также опыт применения такой программы к текстам Национального корпуса русского языка, которые снабжены семантической разметкой.

8. Список опубликованных по проекту статей.

Падучева Е.В. Структура события: семантические роли, аспектуальность, каузация. // НТИ, серия 2, 2009, № 6, 38-45.

Падучева Е.В. Посессивы и имена способа действия // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 8 (15). По материалам международной конференции Диалог 2009.

Падучева Е.В. НКРЯ как ресурс при исследовании предметной соотнесенности имен // Национальный корпус русского языка: 2006-2008. Новые результаты и перспективы. СПб, 2009, 374–382.

Кустова Г.И., Толдова С.Ю. НКРЯ: семантические фильтры для разрешения многозначности глаголов // Национальный корпус русского языка: 2006-2008. Новые результаты и перспективы. СПб, 2009, 258-275.

Ляшевская О.Н., Кузнецова Ю.Л. Русский Фреймнет: к задаче создания корпусного словаря конструкций // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27-31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М.: РГГУ, 2009.

Рахилина Е.В., Кустова Г.И., Ляшевская О.Н., Резникова Т.И., Шеманаева О.Ю. Задачи и принципы семантической разметки лексики в НКРЯ // Национальный корпус русского языка: 2006-2008. Новые результаты и перспективы. СПб, 2009, 215–239.

5.19. Конструкции и динамика текста. Руководитель – д.ф.н. Екатерина Владимировна Рахилина

В 2009 году работа над проектом велась по следующим направлениям:

A. Выявление списка квазиграмматических конструкций, его сопоставление со значениями из универсального грамматического набора;

B. Анализ отдельных квазиграмматических конструкций

C. Работа над электронным словарем сравнительных конструкций

D. Организация учебно-исследовательских семинаров

E. Разработка формата описания конструкций

A. Выявление списка квазиграмматических конструкций, его сопоставление со значениями из универсального грамматического набора

В ходе работы над проектом был выявлен пилотный список русских конструкций и грамматикализованных фразем, выражающих значения из универсального грамматического набора. Источником материала при составлении списка стали, во-первых, базы данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также Словарь оборотов, построенный с учетом данных основных толковых словарей (прежде всего, МАС и Ожегова-Шведовой), а также словаря Рогожниковой и, во-вторых, Словарь-тезаурус современной русской идиоматики под ред. А.Н.Баранова и Д.О.Добровольского. (М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007). Как в базах НКРЯ, так и в Словаре идиоматики конструкции не разделяются на такие, которые характеризуются значениями из грамматической зоны, и те, которые выражают неграмматическую семантику, тем самым выявление интересующих нас конструкций стало достаточно трудоемкой исследовательской задачей. Вместе с тем использование одновременно двух источников для извлечения материала оказалось целесообразным: в ходе этой работы обнаружились как единицы, которые не занесены в базы данных НКРЯ, но учтены в Словаре Баранова и Добровольского (например, *сам Бог велел, хлебом (мёдом) не корми, губу раскатать, как ветром сдуло, и след простыл, не ровен час*), так и фраземы, не вошедшие в Словарь, но попавшие в базы (что закономерно, ведь многие из них, являясь устойчивыми, не обнаруживают идиоматичности), например, *судя по всему, как будто, вроде как, по силе, как бы не, нет-нет да и, как водится*).

Одновременно с этой работой проводилось исследование универсального грамматического набора, также нацеленное на поиск русских лексико-синтаксических коррелятов для представленных в нем значений. В результате этого анализа были обнаружены некоторые конструкции, которые не вошли ни в базы данных корпуса, ни в

Словарь, ср., например, *когда еще, на заре (чего-л.), с (кого-л.) станется, вот бы, по словам (кого-л.)*.

Пилотный список конструкций, получившийся в результате применения вышеописанных методов анализа материала, насчитывает свыше 100 единиц. Они выражают значения, представляющие семантические зоны времени, аспекта, фазовости, модальности, экспериенциальности, отрицания, залога и актантных преобразований, числа.

Во **временной** зоне выявленные конструкции могут, во-первых, обозначать временную локализацию ситуации относительно момента речи («абсолютное время»), т.е. отсылать к настоящему, прошедшему и будущему времени (эти значения получают в русском языке и грамматическое выражение), во-вторых, характеризовать временную локализацию ситуации относительно другой ситуации («относительное время») и, в-третьих, различать степень отдаленности ситуации от момента речи, т.е. обозначать малую или большую временную дистанцию (эти значения не имеют в русском языке грамматического выражения). При этом значения прошедшего и будущего времени в конструкциях, как правило, склеиваются с семантикой временной дистанции, ср. прошедшее + малая временная дистанция (*только что*), прошедшее + большая временная дистанция (*при царе Горохе*), будущее + малая временная дистанция (конструкции с такой семантикой нередко могут выражать также аспектуальное значение проспектива, см. ниже, ср. *не за горами, со дня на день, с минуты на минуту, вот-вот, не сегодня завтра*). Кроме того, будущее время может совмещаться с модальными значениями (*того гляди, чего доброго, не ровен час, как бы не*). Как и абсолютное, относительное время в конструкциях тоже часто выражается синкретично с временной дистанцией (*не заставить себя долго ждать, в мгновение ока, в темпе, в темпе вальса, не успел V, как… , стоило V, как , на раз, в два счёта,*). Конструкции же, указывающие на временную дистанцию, могут и не фиксировать временную отнесенность события, свободно сочетаясь с обозначением как прошлых, так и в будущих ситуаций, ср. малая временная дистанция (*на днях, на неделе*), большая временная дистанция (*когда ещё, Бог весть когда*).

Настоящее время в конструкциях склеивается с аспектуальной семантикой (итератив, хабитуалис, дистрибутив, прогрессив, см. ниже).

В **аспектуальной** зоне конструкции могут выражать различные значения, связанные с повторяемостью и линейным развитием ситуации: итератив (‘ситуация повторяется несколько раз’, ср. *время от времени, раз за разом, нет-нет да и, изо дня в день, то и дело, на каждом шагу, сплошь и (да) рядом, как водится*), при этом некоторые конструкции совмещают итеративную семантику с хабитуальной (‘ситуация повторяется регулярно, являясь характерным свойством ее участника’, ср. *сплошь и (да) рядом, как водится*), дистрибутив (‘одна и та же ситуация имеет место несколько раз – с разными субъектами, объектами или другими участниками’, внутри русской глагольной системы это значение может получать словообразовательное выражение посредством приставок *по-*, *пере-*, среди конструкций эта семантика характерна для выражения *направо и налево*), имперфектив (‘ситуация не завершена, продолжается’, ср. *год от года, час от часа / часу, день ото дня*), прогрессив (‘ситуация развивается (в момент речи)’, ср. грамматическое выражение данного значения в английском: *John is reading the book* ‘Джон читает книгу в

данный момент’, эта форма противопоставлена т. наз. простой форме, ср. *John reads books* ‘Джон (часто, изредка) читает книги’, в русском семантика прогрессива может выражаться конструкцией *в данный момент*), результатив (‘ситуация закончилась, достигнут предполагаемый природой ситуации или ожиданиями говорящего результат’, ср. морфологическое выражение данного значения в агульском (<лезгинские) посредством показателя *na*: *raR.una ze Xilar ug.u-na-a* ‘Солнце мои руки обожгло (RES)’, русским лексико-синтаксическим коррелятом этого значения является конструкция *раз и навсегда*), проспектив ‘существующая в момент речи ситуация имеет свойства, позволяющие предположить, что возникнет некоторая другая ситуация’ (см. выше в связи с обсуждением конструкций, совмещающих значения будущего времени и малой временной дистанции).

К аспектуальной зоне примыкают **фазовые** значения, которые не имеют в русском языке грамматического выражения, но могут передаваться посредством конструкций, ср. обозначение начальной фазы *на заре*, срединной – *в разгар / в разгаре*, конечной – *под занавес, в конечном счете, в конечном итоге, под конец, на закате, на излете*.

В зоне **модальности** конструкции покрывают целый спектр значений, связанных с выражением эпистемической оценки, внутренней возможности, необходимости и желания. Эпистемическая модальность в русском языке не имеет грамматического выражения (ср., например, формы с данной семантикой в луизеньо (<юто-ацтекские): *Heyi xumpo* ‘Должно быть, они копают.’). Конструкции в русском могут выражать оценку ситуации как высоковероятной (*скорее всего*), возможной (*должно быть, может быть, станется* (с кого-л.)) и маловероятной (*вряд ли, едва ли*). Кроме того, эпистемическую модальность выражают некоторые конструкции с проспективным значением (см. выше). Заметим, что конструкция *станется* (с кого-л.) тоже совмещает в себе эпистемическое значение с аспектуальным, а именно – с семантикой хабитуалиса.

К семантике эпистемической модальности примыкают конструкции со значением оценки ситуации как не соответствующей ожиданиям говорящего (адмиратив, ср. морфологическое выражение данного значения в албанском посредством суффикса *–ke*): *Ti flis-ke shqip* букв. ‘ты говоришь-ADMIR албанский’ (‘Ты, оказывается, говоришь по-албански’). В русском этой семантике соответствуют конструкции *ни с того ни с сего, возьми да и*.

Для выражения необходимости и возможности в языках мира нередко используются специальные предикаты такой семантики (ср. русск. *должен, может*, англ. *must, can* и под.), однако в типологической перспективе встречаются и морфологическое способы передачи данных значений, ср. показатель необходимости *–meliy-* в турецком: *Elektrik fatura-sı-nı dün öde-meliy-di-n* ‘электричество счёт-3sg-acc вчера платить-necess-pst-2sg’ (Ты вчера должен был оплатить счёт за электричество). В русском кроме предикативных единиц внутренняя возможность (т.е. способность) и необходимость может обозначаться посредством конструкций, ср. обороты, использующиеся для выражения способности/неспособности субъекта осуществить действие: *в состоянии, (не) под силу, (не) по силам (по силе), (не) по плечу, раз плюнуть, как нечего делать* и для выражения необходимости: *до зарезу, сам Бог велел* (мягкая необходимость, ‘желательно и естественно в данной ситуации’).

В семантической зоне желания конструкции покрывают две группы значений – желание говорящего (оптатив; может получать и грамматическое выражение в русском формами сослагательного наклонения, ср. *Пришёл бы он уже наконец!*) и желание участника ситуации (дезидератив, не имеет морфологических средств выражения в русском). Эти значения обнаруживают следующие лексико-синтаксические корреляты: оптатив – *дай бог, боже упаси, вот бы*, дезидератив – *не дурак, хлебом (мёдом) не корми, губу раскатать, руки чешутся*).

К модальной зоне примыкают **эвиденциальные** значения, указывающие на источник сведений говорящего об описываемой ситуации. Конструкции в этой области могут выражать семантику цитатива (‘говорящий пересказывает полученную от некоторой совокупности людей информацию, называя её точный источник’, ср. грамматическое выражение данного значения в болгарском: *Каза че Петко би-л замина-л* ‘сказал что Петя быть-part.pst уехать-part.pst’= ‘Он сказал, что Петя, мол, уехал’, ср. конструкции-корреляты в русском: *по словам (кого-л.)*), ренарратива (‘говорящий пересказывает полученную от некоторой совокупности людей информацию, не называя её точный источник и не отсылая к речевому акту, в ходе которого она была получена’, ср. в болгарском употребление вышеприведенной формы в ренарративном значении: *Иван (би-л) замина-л* ‘Иван быть.part.pst уехать-part.pst’ = ‘Говорят, Иван уехал’, ср. русские конструкции *по слухам, как говорят*), инферентива (‘говорящий делает вывод о случившемся на основании ее результата’, ср. морфологическое выражение в тариана (<аравакские): *Juse irida di-manika-nihka* ‘Жозе футбол 3sgnf-играть-rec.p.infr’ = ‘Жозе играл в футбол’ (мы делаем вывод об этом из того, что видим), ср. конструкции *судя по всему, как будто (бы), вроде как*).

Семантика **отрицания** в конструкциях выражается совмещенно с модально-оценочным значением интенсивности, т.е. отрицательные конструкции, как правило, являются интенсификаторами, ср. *ни в коем случае, никоим образом*. При этом чаще всего при помощи конструкций выражается отрицание наличия объекта, ср. *как в воду канул, как не бывало, как корова языком слизнула, и след простыл, кому-л./у кого-л. не хватает (чего-л.)*. Семантика конструкций такого рода нередко включает в себя адмиративный компонент (отсутствие объекта является неожиданным для говорящего).

Из значений, относящихся к зоне **залога и актантных преобразований**, конструкции могут выражать семантику каузатива (*выкручивать руки*, участник со значением каузатора может также вводиться конструкциями *под влиянием, под нажимом, под давлением, от руки, по милости, с лёгкой руки, по вине*), комитатива (*при участии, с участием, в сопровождении*), ассистива (*с помощью*), бенефактива (морфологически бенефактивный участник может вводиться формами дательного падежа, посредством конструкций – оборотами *в интересах, на благо*), рефлексива (морфологически рефлексивная форма глагола образуется при помощи постфикса *–ся*, конструкция *свою персону* используется в функции рефлексива-интенсификатора), реципрока (морфологически реципрок также выражается постфиксом *–ся*, лексико-синтаксически – оборотом *друг друга*, а также глагольной конструкцией *обменяться (чем-л.),* ср. *обменяться взглядами. поцелуями*).

В качестве грамматических средств для выражения **количественной** характеристики объектов, как известно, в русском языке используется категория числа, противопоставляющая граммемы единственного и множественного. При помощи конструкций количество объектов можно охарактеризовать как очень большое (эта зона в русском чрезвычайно богата) или очень малое, ср. для большого количества *хоть залейся, бог весть сколько, видимо-невидимо, за глаза / с головой хватит, хоть жопой ешь, кишмя кишеть, выше крыши, хоть отбавляй, до ..., вагон и маленькая тележка, на наш век хватит, как собак нерезаных,* а также квантификаторы типа *куча, море, масса* + родительный падеж; для малого количества – *кот наплакал, с гулькин нос, раз-два и обчелся* и квантификаторы *капля, кучка, горстка* в составе генитивной конструкции.

Как уже было отмечено, пилотный вариант списка квазиграмматических конструкций включает свыше 100 единиц. В ходе дальнейшей работы предполагается расширение и уточнение полученного списка, а также подробный анализ некоторых включенных в него конструкций (всего – не менее 50).

В. Анализ отдельных квазиграмматических конструкций

В.1. Конструкции с квантификаторами

Работа над описанием конструкций началась уже в этом году. В частности, Е.В. Рахилина проводила исследование генитивных конструкций с квантификаторами, которые имеют значение неопределенно-большого количества. Всего было выявлено около 30 таких квантификаторов, ср. *арсенал, батарея, бездна, букет, вагон, воз, ворох, галерея, гора, град, груда, дождь, копна, куча, лавина, лес, море, океан, охапка, поток, пропасть, прорва, река, россыпь, туча, фейерверк, фонтан, шквал*. Образуемые ими конструкции возникают в результате сдвига одного и того же типа: вершинное предметное имя в контексте именной генитивной конструкции теряет часть своих исходных свойств и приобретает количественное значение. Таким образом, имеет место процесс грамматикализации. Однако разные квантификаторы грамматикализованы в разной степени – т.е. продолжают двигаться или остановились на разных ступенях этого процесса. Чем больше сохраняется связь единицы с ее исходным значением, тем у́же ее сочетаемость с именами, обозначающими исчисляемые сущности и тем слабее выражена ее грамматикализация. Сильнее всех грамматикализовано имя *куча*, в самой слабой форме – имя *копна*. Важным критерием при определении «продвинутых» в этом отношении квантификаторов может служить сочетаемость с одушевленными именами, несвойственная именам этой группы в исходном значении – ему удовлетворяют (помимо *кучи*) *бездна, лавина, море, поток, река, туча.*

Наряду с различием в степени грамматикализации квантификаторов исследовались их семантические источники. Было установлено, что значение квантификатора могут развивать следующие предметные имена: вертикальные природные объекты (как *гора*), бесконечные поверхности (как *море*), «бесконечные» емкости (как *бездна*), контейнеры (как *воз*), последовательности (как *батарея*), а также движущиеся массы – в

горизонтальной плоскости (как *река*), вертикально вверх (как *фонтан*), падающие (как *дождь*).

Наконец, были изучены параметры исчисляемых множеств, которые влияют на выбор того или иного квантификатора. К ним относятся, например, местоположение говорящего / наблюдателя (так, квантификаторы *град, дождь* предполагают движение множества по направлению к наблюдающему, ср. *на нас посыпался град вопросов* – ??*мы ответили на них градом встречных предложений*); положительная / отрицательная оценка (так, квантификатор *букет* предполагает отрицательную оценку множества, ср. *букет недугов, инфекций, неприятностей,* но не: **букет радостей, надежд, ожиданий*); гомогенность / разнородность (так, квантификторы *фейерверк, арсенал* описывают множество разнородных объектов) и др. Подробнее результаты данного исследования изложены в статье [Рахилина, Ли Су-Хён 2009].

В.2. Отрицательные конструкции с глаголом *хватать*

Другим предметом анализа Е.В. Рахилиной стали две конструкции с глаголом *хватать* при отрицании, ср. *у X-а не хватает Y-а* («посессивная конструкция») и *X-у не хватает Y-а* («дативная конструкция»). Было обнаружено, что несмотря на семантическую близость эти конструкции не всегда взаимозаменимы, ср.

(А) *Зарплата у меня небольшая, но мне / * у меня зарплаты хватает.*

(Б) *Знаешь, мне / * у меня хватает нашей соседки.*

(В) *Ему / * у него не хватает только шутовского колпака.*

(Г) *У него / *ему не хватает переднего зуба.*

На основании сопоставительного анализа двух типов конструкций было дано семантико-синтаксическое объяснение этим фактам. В частности, было показано, что неприемлемость посессивной конструкции в (В) и дативной в (Г) связана с различием в интерпретации аргумента, называющего недостающий объект. В дативной конструкции (ср. *Мне не хватает карандаша*) этот аргумент можно проинтерпретировать так: ≈ ‘если есть ресурс *Y*, то для выполнения некоторой цели *Q* его все равно недостаточно: нужен еще *Y'* (карандаш), который пока отсутствует’, т.е. предложение можно перефразировать примерно как ‘еще мне нужен карандаш’. Посессивная же конструкция была бы очень естественна в ситуации обнаруженной потери или кражи и может быть описана так: ≈ ‘у меня есть некоторый ресурс (*Y*), но его недостаточно, потому что в нем отсутствует имевшийся ранее *Y''*, который дополнил бы его до нужного количества’. Тем самым *Y'* не тождественно *Y''*: первое можно было бы назвать «*проспективным* дополнением» исходного ресурса *Y*, а второе – «*ретроспективным*». Проспективное дополнение складывается с *Y*, и в результате образуется множество, которое требуется субъекту для выполнения цели *Q*. Ретроспективное дополнение восполняет «утраченный» фрагмент самого *Y*, который в этом случае не требует увеличения. Об этих и других свойствах конструкций см. [Рахилина, Кор-Шаин 2009].

В.3. Дезидеративная конструкция *руки чешутся*

В докладе А.А. Бонч-Осмоловской, Е.В. Рахилиной и Т.И. Резниковой на конференции по лексической типологии в Стокгольме (6-7 апреля 2009 г.) были представлены результаты анализа дезидеративной конструкции *руки чешутся* и ее коррелятов в других языках. Было показано, что глаголы со значением физиологических ощущений на коже типологически частотно становятся источниками для дезидеративных конструкций (ср. нем . *es juckt j-n* ‘у кого-л. зудит’, франц. *les mains démangent qn* ‘руки зудят у кого-л.’). При этом в случае русской конструкции можно говорить, скорее, о слабой степени грамматикализации, что обусловлено существенными ограничениями на ее сочетаемость с предикатами, выражающими содержание желания.

C. Работа над словарем сравнительных конструкций

Отдельной задачей в рамках проекта стало исследование устойчивых сравнительных конструкций – оборотов с *как* (ср. *несся как бешеный*) и с творительным падежом (ср. *летел стрелой*). Результатом этой работы должен стать электронный словарь сравнительных конструкций, который будет размещен на сайте Института русского языка РАН. На первом этапе работы была осуществлена обработка баз данных НКРЯ и, с учетом лемматизации, вручную установлен список сравнений с частотой больше 2 (объем конечного списка ок. 1500 единиц). Начата обработка малочастотного фрагмента перечня сочетаний, похожих на сравнительные конструкции.

D. Организация учебно-исследовательских семинаров

Организационно работа над проектом проходила в рамках двух учебно-исследовательских семинаров по квазиграмматическим конструкциям – в Москве (под рук. Е.В. Рахилиной) и в Санкт-Петербурге (под рук. С.С. Сая). Из-за недостаточного финансирования взаимодействие между московской и петербургской группой осуществлялось только дистанционно, однако в будущем планируется и проведение совместных семинаров.

E. Разработка формата описания конструкций

Одним из важных направлений работы в 2009 году стала разработка формата описания русских квазиграмматических конструкций. В качестве стандартной была принята схема описания, включающая следующие компоненты:

- состав конструкции,

- ограничения на заполнение конструкции,

- грамматическая функция конструкции,

- сочетаемость конструкции,

- семантика конструкции,

- прагматика конструкции,

- альтернативные способы выражения данного грамматического значения в языке и их семантико-синтаксические отличия от анализируемой конструкции

- частотность конструкции по Национальному корпусу русского языка.

Работа над описанием квазиграмматических конструкций является одним из этапов создания новой – корпусной – грамматики русского языка, т.е. грамматики, которая должна быть построена на корпусных данных. Существующие грамматики создавались в «докорпусную» эпоху, тем самым при всей детальности имеющихся описаний (прежде всего Грамматики-80) в них просто невозможно было предусмотреть все многообразие языковых фактов, которое стало доступно благодаря корпусу. Тем самым насущной для русского языка является задача создания грамматики, базирующейся на корпусных данных. Эта задача осознается как актуальная и в общемировой практике лингвистического описания, о чем свидетельствуют вышедшие за последние годы корпусные грамматики для разных языков (ср., например, для английского Biber et al. *Longman Grammar of Spoken and Written English,* 1999), действующие в разных странах проекты по созданию корпусных грамматик (ср., например, для немецкого языка проект Grammis http://hypermedia.ids-mannheim.de/grammis/), а также организация серии конференций Grammar & Corpora, специально посвященных грамматическим корпусным исследованиям.

С появлением корпусов в общемировой практике составления грамматических описаний явно обозначился сдвиг в сторону лексики. Действительно, именно корпуса позволяют не просто охарактеризовать собственно грамматические структуры, но и обогатить описание за счет анализа лексических средств, функционирующих в языке в качестве коррелятов грамматических значений. Задача выявления полного списка таких коррелятов до сих пор не ставилась в русистике, таким образом, полученные уже на первом этапе результаты существенно расширяют имеющиеся в лингвистике представления о грамматической системе русского языка.

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников)

4

7. Список опубликованных монографий и сборников статей

Киселева К.Л., Плунгян В.А. Рахилина Е.В., Татевосов С.Г. (ред.) Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел, 2009. 516 стр. (42 п.л.)

В сборнике предлагается экспериментальное описание ряда грамматических и квазиграмматических явлений на основе языкового материала, представленного в Национальном корпусе русского языка. Сборник призван показать, какие новые возможности открывает корпус для решения задачи грамматического описания русского языка.

8. Список опубликованных по проекту статей (объемом не менее 1 п.л.)

Е.В. Рахилина, И. Кор-Шаин. Чего не хватает глаголу *хватать*? // Н.Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка: Ассерция и негация. М.: Индрик, 2009.

Е.В. Рахилина, Ли Су-Хён Семантика лексической множественности в русском языке // Вопросы языкознания, 2009, № 4, 13-40.

E. Rakhilina, I. Kor-Chahine. The verb *xvatat'* in possessive constructions // T. Berger et al. (eds.). Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern – Festschrift für Daniel Weiss. München-Wien: WSA 73, 2009, 359-378.

9. Список книг, сданных в печать или поданных на издательские гранты (указать ожидаемое время издания, объем в а.л.)

Е.В. Рахилина «Лингвистика конструкций» 30 п.л., 2010 г.

10. -

11. Конференции, организованные в рамках проекта

12-14 марта в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) прошел круглый стол «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы». Инициатором и организатором конференции выступил С.С. Сай. В рамках круглого стола было представлено несколько исследований, посвященных изучению отдельных квазиграмматических конструкций. Так, А.В. Выдрина рассматривала конструкцию с глаголом *стоить*, описывающую связь между двумя следующими друг за другом событиями (ср. *стоило мне поравняться с дверью комнаты, как та распахнулась*). Было показано, что данная конструкция может выражать три разных типа соотношения между описываемыми событиями: целевое, причинно-следственное и в чистом виде временнóе. Обсуждалось, как это семантическое различие находит отражение на уровне синтаксической структуры конструкции. К.А. Крапивина в своем докладе рассматривала конструкцию *не успел…, как …* Были выявлены основные семантические и синтаксические особенности этой конструкции, а также проведено сравнение сочетаемости отрицательной формы глагола *успеть* в независимом употреблении и в составе конструкции. М.А.Овсянникова изучала конструкцию *только и делает / знает / умеет, что…* Было показано, что наряду с семантикой фокального выделения данная

конструкция выражает качественную оценку действия (высокая частота или высокая степень интенсивности), а также его этическую оценку (негативная оценка). Предполагается, что материалы конференции будут опубликованы.

5.20. Разработка корпуса текстов русского языка, снабженного лексико-семантической и лексико-функциональной разметкой. Руководитель – д.ф.н. Игорь Михайлович Богуславский

Работа посвящена разработке корпуса текстов русского языка, снабженного лексико-семантической и лексико-функциональной разметкой. Данные виды разметки вводятся на массиве синтаксически размеченного корпуса русского языка СинТагРус, составленного Лабораторией компьютерной лингвистики ИППИ РАН.

Он-лайн версия корпуса объемом 41 000 предложений и свыше 500 000 словоупотреблений составляет интегральную часть Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и свободно доступна по адресу www.ruscorpora.ru. Синтаксически размеченный корпус русского языка – **единственное** на настоящее время собрание текстов разных жанров на русском языке, снабженное как морфологической, так и синтаксической разметкой. Это значит, что помимо морфологической информации, приписанной каждому слову текста, для каждого предложения задана его **синтаксическая структура**. Пример такой структуры приводится на Рис. 1. Синтаксическая структура предложения, используемая в корпусе СинТагРус представляет собой **дерево зависимостей,** в узлах которого стоят слова предложения, а ветви помечены именами синтаксических отношений. Такое представление о синтаксической структуре предложения восходит к лингвистической теории «Смысл ⇔ Текст» И.А. Мельчука. Конкретная синтаксическая модель, в соответствии с которой производилась разметка текстов, была разработана в Лаборатории компьютерной лингвистики ИППИ РАН для многофункционального лингвистического процессора ЭТАП. Синтаксическая разметка текста осуществлялась в полуавтоматическом режиме в три этапа: сначала текст обрабатывался процессором ЭТАП, который автоматически строил для каждого предложения структуру зависимостей; затем эти структуры проверялись и в случае необходимости корректировались лингвистом-аннотатором; затем результат работы проверялся редактором.

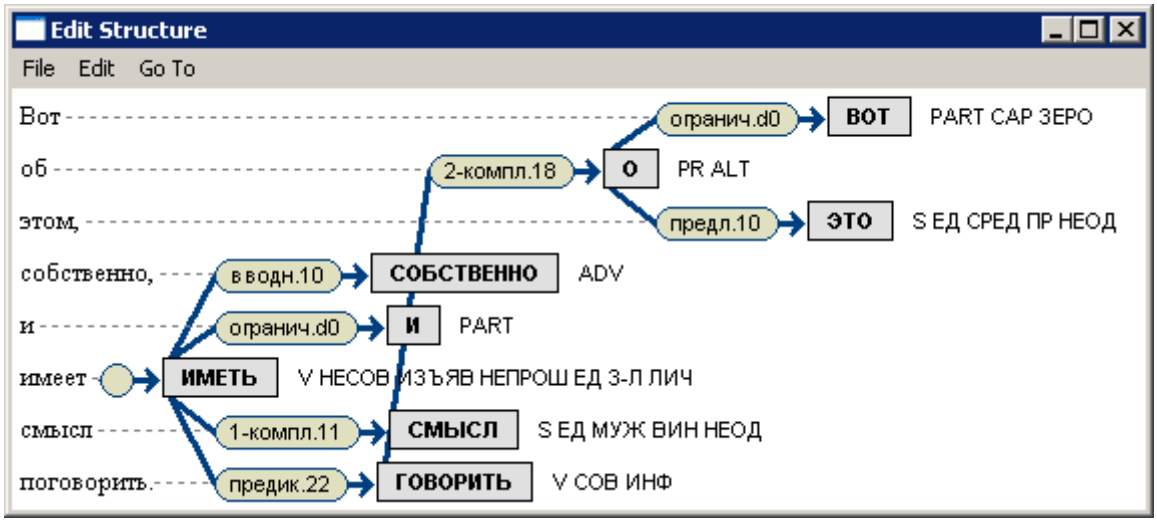

Рис.1. Морфо-синтаксическая разметка предложения

В работе по проекту основное внимание уделяется снабжению корпуса СинТагРус лексико-семантической и лексико-функциональной разметкой. Лексико-семантическая разметка состоит в том, что для каждого многозначного слова текста указывается номер его значения, реализованного в данном предложении, в соответствии со словарем системы ЭТАП. Лексико-функциональная разметка заключается в обнаружении в тексте значений широкого класса лексических функций и их маркировке. Пример такой разметки приводится на Рис. 2. Введение данных типов разметки имеет двоякую роль. Во-первых, оно обеспечивает пользователя расширенными возможностями поиска по корпусу. Во-вторых, оно создает условия для разработки компьютерных программ, основанных на машинном обучении, способных разрешать лексическую неоднозначность в текстах и обнаруживать в них лексические функции.

Лексико-семантическая разметка.

В соответствии с заявкой лексико-семантической разметкой было снабжено 2000 предложений корпуса СинТагРус. Для каждого слова указан номер лексемы в словаре системы ЭТАП, таким образом, снимается неоднозначность во фразе.

В задачи лексико-семантической разметки входит отождествить значения для всех многозначных слов. Разметка по значениям лексемы происходит полуавтоматически – вначале система ЭТАП строит представление фразы, используя контекст и наиболее вероятные гипотезы разбора, затем эксперт может проверить и подкорректировать сложные случаи. При выборе значения системой ЭТАП используется информация о различиях в поведении разных значений слова, отраженная в словаре системы ЭТАП. Одно из таких различий – это различие в модели управления слова, например:

Приходиться1 (‘о вынужденном событии’) в модели управления на первом месте инфинитив, на втором месте дательный падеж – **мне пришлось согласиться**, приходиться2 (‘доставаться, выпадать’) – на втором месте в модели управления предлог на1 – **на каждого пришлось 50 рублей**, приходиться3 (‘быть в родстве’) – кто, кому, кем приходится, приходиться4 (‘о трудной ситуации’) – **мне пришлось туго**, в модели управления на втором месте – дательный падеж экспериенцера, а на третьем – наречие образа действия (**как** приходится?). По этому примеру видно, как сильно различаются модели управления разных значений слова – и по набору валентностей, и по их количеству.

В ряде случаев необходимо было в ходе разметки выделить новые значения слов или новые валентности у уже имеющегося значения, не учтенные до этого времени в словаре. Таким образом, побочным результатом работы по разметке служит расширение и уточнение системы валентностей и значений, принятой в словаре системы ЭТАП.

Лексико-функциональная разметка.

В соответствии с заявкой лексическими функциями было размечено 1000 предложений корпуса. Эта разметка производилась в полуавтоматическом режиме: сначала каждое предложение в тексте обрабатывалось специальным анализатором многофункционального лингвистического процессора ЭТАП-3, разрабатываемого Лабораторией, в результате чего в этом предложении находились слова, для которых в данном предложении обнаруживаются значения каких-либо лексических функций. Затем полученный результат проверялся и при необходимости корректировался и дополнялся лингвистом.

При лексико-функциональной разметке используются два типа лингвистических ресурсов – комбинаторный словарь и специальные синтаксические правила.

Комбинаторный словарь лингвистического процессора ЭТАП-3 служит лексикографической основой для разметки. В нем для каждого слова указан перечень лексических функций, которые могут при нем выражаться, и значения этих функций. Например, в словарной статье слова ДРАКА записаны следующие лексические функции:

_V0:ДРАТЬСЯ

_SYN1:СТЫЧКА/ПОТАСОВКА

_MAGN:ОЖЕСТОЧЕННЫЙ/ДИКИЙ

_BON:ЧЕСТНЫЙ

_ANTIBON:НЕЧЕСТНЫЙ/ГРЯЗНЫЙ

_INCEPFUNC0:ВОЗНИКАТЬ/ЗАВЯЗЫВАТЬСЯ/ВСПЫХИВАТЬ/НАЧИНАТЬСЯ

_S0_INCEPFUNC0:ВОЗНИКНОВЕНИЕ

_INCEPOPER1:ЗАТЕВАТЬ/ВВЯЗЫВАТЬСЯ<B1>/ЗАВЯЗЫВАТЬ1

_LIQUFUNC0:ПРЕКРАЩАТЬ/ОСТАНАВЛИВАТЬ

_FUNC0:ИДТИ1

_FINOPER1:ПРЕКРАЩАТЬ

_S0_FINOPER1:ПРЕКРАЩЕНИЕ

_REAL1-M:ПОБЕЖДАТЬ<B2>

Однако для принятия решения о реализации в предложении некоторой лексической функции еще недостаточно найти в нем, наряду с некоторым ключевым словом (например, ДРАКА), одно из слов, указанных в словаре как лексическая функция от этого слова (например, ИДТИ = FUNC0). Необходимо еще убедиться в том, что слова ДРАКА и ИДТИ связаны в предложении вполне определенным образом. Например, в предложениях «**Драка шла** уже два часа» или «**Драка**, которая **шла** уже два часа, неожиданно закончилась» есть основания констатировать наличие лексико-функциональной связи между ДРАКА и ИДТИ, а в предложении «Мы **шли** по улице и вдруг увидели **драку**» такой связи нет. Выполнение необходимых синтаксических условий, накладываемых на соотношение между ключевым словом и значением его лексической функции, проверятся специальными правилами процессора ЭТАП. Для этих правил существенно не линейное расположение этих слов друг относительно друга, а синтаксическая конфигурация, в которой они участвуют. Эта информация процессору доступна, поскольку лексико-функциональная разметка производится в предложении, уже снабженном синтаксической структурой.

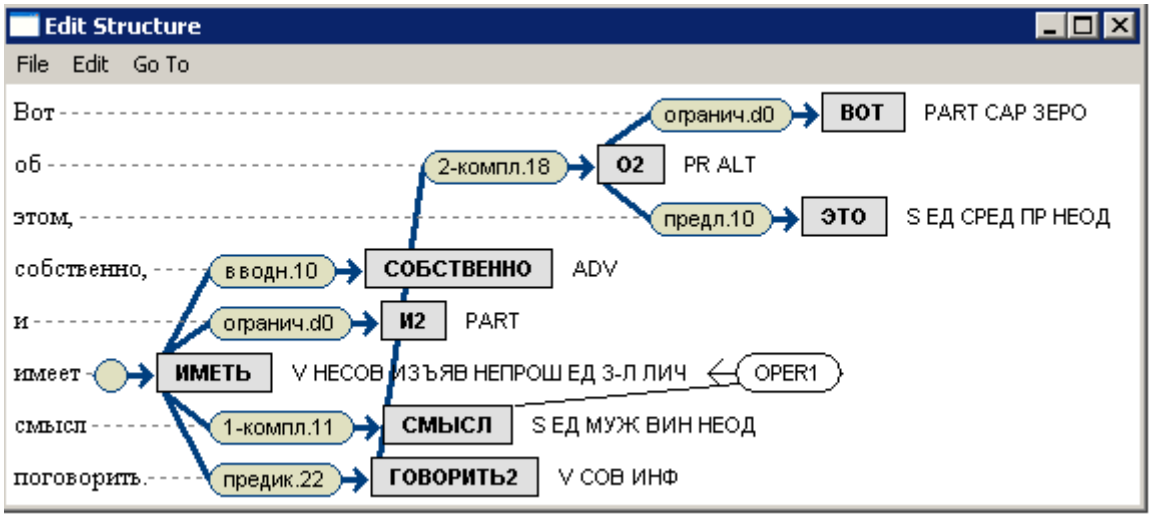

Рис.2. Лексико-семантическая и лексико-функциональная разметка предложения

Таким образом, пользователь, который формулирует запрос к корпусу, может искать все лексические функции данного слова или, наоборот, все примеры данной лексической функции в корпусе, а именно, лексическое наполнение той или иной лексической функции.

Русский язык пока в меньшей степени оснащен размеченными корпусами текстов, чем другие крупные мировые языки и, в первую очередь, английский. **Новизна** проекта в том, что СинТагРус – единственный корпус, размеченный лексическими функциями, и единственный корпус русского языка, в котором сочетаются лексико-семантическая и морфо-синтаксическая разметки.

Близким с лингвистической точки зрения можно считать проект «Синтаксически аннотированного корпуса чешского языка» (The Prague dependency treebank), в котором тексты аннотированы на морфологическом, поверхностно- и глубинно-синтаксических уровнях. На глубинно-синтаксическом (тектограмматическом) уровне сообщается информация о модели управления глаголов и отглагольных прилагательных. Каждому узлу в древесном представлении приписывается определенное количество атрибутов, таких как функторы для актантов (ACT – агенс, PAT – пациенс, ADDR – адресат и др.), функторы корней независимых клауз (PRED – главный предикат предложения, DENOM – именной корень клаузы, PAR – корень выражения в скобках), функторы для корней сочинительных конструкций (CONJ – сочинительная конструкция, ADVS – противительная конструкция и др.), функторы места (LOC – где, DIR1 – откуда, DIR2 – каким путем, DIR3 - куда) и времени (TWHEN – когда, TTILL – до какого времени, TSIN – с какого времени, TPAR – в течение какого времени и др.) и др.

По сравнению с тектограмматической разметкой Пражского корпуса, лексико-функциональная разметка синтаксически размеченного корпуса СинТагРус богаче с точки зрения количества отношений и применимости к различным частям речи.

Введение лексико-семантической и лексико-функциональной разметки имеет двоякую роль. Во-первых, оно обеспечивает пользователя расширенными возможностями поиска по корпусу. Во-вторых, оно создает условия для разработки компьютерных программ, основанных на машинном обучении, способных разрешать лексическую неоднозначность в текстах и обнаруживать в них лексические функции.

Кроме этого, лексические функции используются при обучении языку как носителей, так и иностранных студентов и преподавателей, этим обусловлена **актуальность** и **практическая значимость** возможности поиска по лексическим функциям. Аппарат лексических функций является средством представления данных о несвободной лексической сочетаемости, которые используются как при автоматической обработке текста, так и при обучении, в том числе электронном.

6. *Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников)*

7. *Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации (до 0,5 стр.)*

8. *Список опубликованных по проекту статей (объемом не менее 1 п.л.)*

Публикации статей по теме проекта планируются в 2010-2011 гг.

5.21. Электронный корпус диалектных текстов башкирского языка. Руководитель – д.ф.н. Фирдаус Гильмитдиновна Хисамитдинова

Согласно плану работы в 2009 году собраны и систематизированы материалы по южному и восточному диалектам башкирского языка объёмом в среднем 2500 предложений каждый, всего около 5000 предложений (*см. приложение отчета*). Весь этот материал введен в компьютер. Этот пробный корпус, объемом более 150 текстов, будет размещен на портале Института истории, языка и литературы УНЦ РАН www.mfbl.ru. Корпус диалектных текстов делится на подкорпусы, а они, в свою очередь, на отдельные тексты. Подкорпусы выделяются по принадлежности текстов к той или иной системе говоров: в частности, в нашем материале есть тексты из южных и из восточных говоров. В материалах пробного корпуса тексты не членены по темам.

В 2009 году работа велась в основном с уже имеющимися текстами. При этом на первом этапе были использованы материалы двух видов.

Во-первых, это собственные полевые записи участников проекта и других исследователей, которые изданы в последние годы.

Во-вторых, это самые старые публикации текстов, изданные или хранящиеся в архивах материалов экспедиций. А именно:

А. Экспедиционные материалы 1929 г. по изучению говоров и фольклора населения Карабольской, Буринской и Кунашакской волостей Аргаяшского кантона (*руководитель экспедиции З.Ш. Шакиров*). В этих записях подробно фиксированы и записаны рассказы из быта башкир данной местности, особое внимание уделено башкирскому народному творчеству: сказки, легенды, былины, исторические песни, пословицы, загадки и обрядовые песни.

Б. Научный отчет диалектологической экспедиции 1954 года на тему “Западный диалект башкирского языка” (*руководитель экспедиции: старший научный сотрудник, кандидат филологических наук Башшев Т. Г.*).

Введение архивного материала даст возможность рассмотреть диалектный материал в динамике.

Пунктуация в данных диалектных текстах башкирского языка не всегда будет следовать литературным нормам.

Распределение и выполнение работы между участниками проекта было следующее:

Хисамитдинова Ф.Г. — руководство проектом, редактирование и анализ собранного материала.

Суфьянова Насима Фатиховна — собран, систематизирован и введен в компьютер материалы по южному корпусу объемом около 500 предложений.

Сиразитдинов Зиннур Амирович — разработка программного обеспечения для электронного корпуса.

Хадыева Райса Нуримановна — собран, систематизирован и введен в компьютер материалы по восточному корпусу объемом около 500 предложений

Дильмухаметов Миндияр Ишбердинович — уволен 14.03.2009 г. по приказу №23 (6732) от 16.03.2009 г. в связи со смертью работника

Сулейманова Резеда Ахметьяновна — собран, систематизирован и введен в компьютер материалы по восточному корпусу объемом около 500 предложений.

Каримова Рамиля Нигаматьяновна — собран, систематизирован и введен в компьютер материалы по восточному корпусу объемом около 500 предложений, подготовлены тексты объемом более 150 текстов для пробного электронного корпуса.

Муратова Рима Талгатовна — собран, систематизирован и введен в компьютер материалы по южному корпусу объемом около 500 предложений.

Ишегулова Алсу Минифариевна — собран, систематизирован и введен в компьютер материалы по восточному корпусу объемом около 500 предложений.

Валиева Мадина Раилевна — собран, систематизирован и введен в компьютер материалы по южному корпусу объемом около 500 предложений южный корпус.

Батыршина Гульназ Рафаиловна — собран, систематизирован и введен в компьютер материалы по восточному корпусу объемом около 500 предложений.

Исхакова Гульназ Галеевна — собран, систематизирован и введен в компьютер материалы по южному корпусу объемом около 500 предложений.

Таким образом, в 2009 году создан электронный вариант диалектных текстов башкирского языка. Каждый текст снабжен информацией, включающей название диалекта, говора, место записи, место рождения, место жительства, год записи, пол информатора, образование, ссылкой на публикацию, указанием на жанр и время записи текста.

Актуальность проблемы определяется тем, что электронный корпус диалектных текстов башкирского языка является основой для перехода к новой ступени диалектологических исследований. Создание моноязычного диалектологического корпуса стало бы достоянием большого количества лингвистов, обеспечило бы возможность поиска труднодоступного для большинства исследователей фактического языкового материала и позволило бы проводить как внутриязыковые, так и ареальные исследования. Территориально ограниченные диалектные явления содержат ценный материал в плане

взаимодействия языков, представляют интерес с точки зрения генезиса языков разных систем и групп.

Таким образом, компьютеризация и размещение в открытом доступе труднодоступного диалектного материала позволит поднять на новый уровень исторические, сравнительно-исторические и сопоставительные исследования. Он расширит диалектную базу тюркских языков.

В перспективе текстовой материал будет полезен для исследователей тюркских и алтайских языков в целом.

10. Экспедиции, проведенные в рамках проекта

Также был организован 2 командировочных выезда в 2 района Курганской области: Сафакулевский – с 15 по 21 ноября 2009 года; Альменевской – 22 по 28 ноября 2009 года, был собран языковой материал по одному из изолированных говоров восточного диалекта аргаяшского говора.

Тематика исследований охватывает историю деревень, быт, культуру, народное творчество, мифологию и т.д. курганских башкир. Собранный материал обрабатывается, расшифровывается, систематизируется для электронного корпуса диалектных текстов башкирского языка.

С результатами пробного корпуса можно оознакомиться на портале ИИЯЛ УНЦ РАН www.mfl.ru

Направление VI. Текст в социокультурном и языковом пространстве. Куратор направления – д.ф.н. Демьянков В.З.

6.1. Религиозные тексты в социокультурном пространстве русских конфессиональных групп (молокане, духоборцы, старообрядцы). Руководитель – д.ф.н. Серафима Евгеньевна Никитина

- Проработана литература по тематике проекта
- Изучены греческие библейские тексты по выбранным сюжетам, а также тексты Толковой Библии, отчасти известные в трех исследуемых конфессиональных группах

- Выявлены основные антропонимы и топонимы в устной песенной культуре русских православных и русских народных протестантов. Впервые составлен список этих онимов и конкордансы
- Расшифрованы тексты интервью и бесед с молоканскими беседниками, пресвитерами и рядовыми членами общины
- Выявлены различные социальные страты по отношению к использованию Священных книг
- Проанализирована книга «Дух и жизнь», составленная из жизнеописаний и текстов молоканских пророков, прежде всего, М.Г.Рудометкина
- Написана и опубликована статья о книге молоканина Анфимова «Толкование на Песнь Песней» (1912 г.) как образце молоканской интерпретации библейского текста
- Проведен ряд бесед с членами московской молоканской общины, посвященных жизни христианской книги в их среде

6. Общее число опубликованных по проекту работ - 1

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации (до 0,5 стр.)

8. Список опубликованных по проекту статей:

Никитина С.Е. К проблеме народной герменевтики: «Песнь Песней» в молоканской интерпретации // «Слово – чистое веселье…». Сб. в честь А.Б.Пеньковского.М.: Языки славянской культуры, 2009. – С. 400-414. – 1 а.л.

9. Список книг, сданных в печать или поданных на издательские гранты (указать ожидаемое время издания, объем в а.л.)

10. Экспедиции, проведенные в рамках проекта (регион, руководитель, сроки, тематика исследований, полученные результаты, их значимость – до 2 стр.)

С.Е.Никитина, в течение 2009 г., регион – Москва, московское молоканское собрание, беседы с пресвитером и беседниками в Москве и в поселке Слободка. Расшифровка материалов предшествующих полевых исследований, произведенных в США, Армении, Средней России, Мелитополе, Ставропольском и Краснодарском краях. Полученные материалы имеют важное значение для изучения интерпретации сюжетов Библии как одного из направлений народной герменевтики

6.2. Перевод Библии в сохранении и развитии языков народов России. Руководитель – д.ф.н. Михаил Егорович Алексеев

За отчетный период (2009 г.) выполнена следующая работа:

I. Определены основные параметры роли современных переводов Библии на языки народов РФ в их сохранении и развитии. В частности, государственная политика Российской Федерации, направленная на создание правовых, экономических и социальных условий для сохранения и развития языков народов России, требует осуществления целого ряда мер по поддержке использования языков в различных сферах деятельности: общественно-административной, культурно-образовательной, научной и т.п., в связи с чем нельзя не считать оправданными те программы по сохранению и развитию языков, которые были в свое время приняты в разных республиках РФ. Если обратиться к конкретным положениям принятых в республиках программ по сохранению и развитию языков, перевод Библии на языки народов России изначально оказывается органичным компонентом всего перечисленного в них комплекса мер. Одним из существенных результатов работы по переводу Библии можно считать публикацию аудиоверсий на компакт-дисках: звучащее слово в некоторых ситуациях может скорее найти своего слушателя, нежели книга – читателя.

Обращено внимание на отдельные аспекты влияния переводов Библии на динамику языковой политики и языковой ситуации в Российской Федерации, которые требуют более детального рассмотрения. Так, в качестве первого стимулирующего фактора можно назвать роль перевода Библии в повышении престижа родного языка, особенно для тех языков, которые ныне специалисты называют «угрожаемыми, вымирающими, исчезающими» и т. п. и, как следствие, повышения интереса к нему как со стороны носителей, так и со стороны местных органов власти. Данная проблема представляется одной из наиболее важных, поскольку процессы вымирания языков нередко сопровождаются полным безразличием носителей к своему языку, который остается функционировать лишь в сфере семейного общения представителей старшего поколения. Между тем, культура каждого, даже самого малочисленного народа является частицей мирового культурного опыта, ответственность за сохранение и развитие которого несет все просвещенное человечество. Перевод Библии на один из таких языков служит

мощным импульсом для национального, культурного и духовного возрождения народа – носителя этого языка. Примером может служить перевод Евангелия от Луки на бежтинский язык [Лука… 1999], считающийся по-прежнему бесписьменным: увидев книгу на родном языке, бежтинцы по-иному стали осознавать родной язык, способный служить для распространения мирового духовного наследия.

Переводы на бесписьменные языки во многом решают и проблемы, связанные с созданием письменности и распространения грамотности на родном языке среди носителей бесписьменных языков, поскольку публикация соответствующих текстов предлагает выбор одного из вариантов алфавита и закрепляет этот выбор. Включение новописьменных языков в процесс начального и последующего образования наталкивается на существенные препятствия в связи с нехваткой учебников и учебных текстов. Это в определенной степени может компенсироваться возможностями, которые дает использование текстов перевода в школе на уроках родного языка и литературы.

В процессе перевода, особенно на языки бесписьменные или недавно обретшие письменность, нередко возникают проблемы, связанные с соотношением в том или ином языке литературной нормы и диалектных явлений. Дело в том, что далеко не во всех языках решены проблемы диалектной опоры литературного языка: во многом выбор здесь был произведен в 30-е годы прошлого столетия. Современная ситуация по крайней мере в некоторых языках сейчас в плане влияния отдельных диалектов на развитие языка в целом существенно изменилась, что приводит к требованиям пересмотра литературных норм. Переводчики, естественно, не могут оставаться в стороне от подобных тенденций. С другой стороны, само соотношение понятий «литературный язык» и «диалект» во многих языках оказывается весьма специфичным, поскольку литературный язык функционирует здесь лишь в письменной сфере, в то время как разговорная речь даже образованных людей характеризуется диалектными особенностями. Таким образом, перевод на литературные языки apriori означает некоторую искусственность, отрыв от живых диалектов. Здесь опять же важно следить за тенденциями развития языка и строить переводческую деятельность в соответствии с этими тенденциями, чтобы максимально способствовать развитию и совершенствованию языков.

Престижность результатов переводческой деятельности формируется не только объектом, но и субъектом перевода. Общественный статус и мастерство переводчика является немаловажным фактором повышения интереса к родному языку; равным образом неудачный опыт в выборе переводчика может заранее отвернуть общество от перевода.

Для малочисленных народов, в сообществе, где все друг друга знают, такой вопрос оказывается далеко не праздным.

Перевод Библии, возможно, даст дополнительные импульсы для создания единого лингвокультурного пространства в России: здесь, конечно, в первую очередь мы должны обратить внимание на колоссальную роль, которую сыграла Библия в формировании литературы и искусства христианских народов; думается, что использование библейской фразеологии, библейских сюжетов и образов в художественной литературе на языках народов РФ также может сыграть свою положительную роль. В связи с этим нельзя не указать на необычайную образность языка Библии, его непосредственную связь с различными сторонами народного быта – земледелием, скотоводством и т.п. Отмечается наличие явных параллелизмов библейских нравственных императивов, содержащихся в Новом Завете, и образцов устного творчества многих народов России.

Говоря о роли переводов Библии для сохранения и развития языков, нельзя игнорировать возникающие при этом аспекты взаимоотношений христианской, мусульманской, иудаистской, буддистской и иных культур. Дело в том, что при переводе Библии, в частности Нового Завета на те языки народов СНГ, которые не относятся к христианскому миру (в том числе исповедующих ислам и буддизм), возникают определенные проблемы, как для собственно процесса перевода, так и для восприятия его в соответствующем сообществе. Решение первого круга проблем прежде всего требует поиска языковых способов передачи понятий, не известных в культуре народов, впервые непосредственно соприкасающихся с Библией. Такие способы, которые, с одной стороны, должны быть достаточно точными, чтобы не искажать содержание оригинала, и, с другой стороны, приемлемыми и естественными для языка перевода, в случае успеха они могут обогатить концептуальный мир народа и, соответственно, послужить связующим мостом между различными культурами.

Второй круг проблем не связан непосредственно с переводческой деятельностью, но все же предъявляет определенные требования к тем, кто этой деятельностью занимается. Прежде всего это касается поисков открытого диалога с представителями различных конфессий, разъяснения целей и задач перевода – это не миссионерская деятельность, целью которой является обращение тех или иных народов, но просветительская, цель которой – приобщение народов к мощнейшему пласту духовной культуры, в основе которой лежат общечеловеческие ценности. С другой стороны, перевод Библии, демонстрируя постулаты, признанные всем человечеством, должен сыграть свою роль в процессе сближения народов, исповедующих различные религии. Во всяком случае нельзя

не заметить, что появление переводов Библии на ряде языков России стимулировало впоследствии и переводчиков Корана.

Среди переводчиков одним из наиболее дискутируемых вопросов является вопрос о соотношении заимствований, калькирования и смыслового перевода на разных этапах переводческой деятельности в связи со стремлением добиться максимальной адекватности перевода. Эта проблема отражается и на роли переводов в процессе развития языка, поскольку напрямую связана с такими аспектами этого процесса, как активизация внутренних ресурсов языка, прежде всего в связи с отражением инокультурных реалий. Как показывает практика, переводчики стараются избегать прямых заимствований из русского языка. В целом эту тенденцию следует признать правильной, поскольку она направлена на сохранение и развитие внутренних ресурсов языка (хотя нельзя в этом плане однозначно считать позитивным фактором замену русизма устаревшим арабизмом). Одновременно с этим нельзя отказываться от использования в переводе от русизмов, получивших «гражданство» в языке. При этом, как представляется, в этом вопросе следует ориентироваться не только на словари, но и живую речь (здесь существенную помощь оказывает процедура апробации).

Апробация переводов в целом предполагает тестирование грамматической структуры и словарного состава анализируемых текстов непосредственно в языковом сообществе и по своим основным параметрам может считаться самостоятельным полевым лингвистическим исследованием. Результаты такой процедуры позволяют, с одной стороны, верифицировать сведения о лексике и грамматике исследуемого языка, имеющиеся в специальной научной литературе, и, с другой стороны, обнаружить новые факты, не получившие в науке достаточного освещения. Это означает, что публикация итогов подобных процедур в лингвистических изданиях является весьма перспективным делом. Это, в свою очередь, может сказаться и на роли переводов Библии в развитии грамматической структуры и словарного запаса языков народов РФ в целом.

С этим связана и проблема соотношения «академического» и общедоступного» перевода. Если первый, стремясь к терминологической адекватности, максимально использует малоупотребительную заимствованную лексику, то второй ориентируется на передачу соответствующих понятий более доступными средствами. Оба подхода были в свое время реализованы в табасаранском переводе. При этом общедоступный перевод в большей степени может влиять на языковую ситуацию, способствовать сохранению языка. В то же время «академический» перевод более ориентирован на развитие языка с

уже сложившимися нормами и стилями, расширяя возможности его лексики и грамматики.

II. Исследованы в семантико-когнитивном, контрастивном, переводческом и лингвокультурологическом аспектах следующие библейские тексты:

1) современные русские переводы Библии: перевод еп. Кассиана (Безобразова); «Библия. Современный перевод библейских текстов» (1993; 1997 – перевод Всемирного библейского переводческого центра); «Слово Жизни. Новый Завет в современном переводе» (1991); перевод Нового Завета В.Н.Кузнецовой «Радостная Весть» (2001); перевод М.П.Кулакова (2000-е гг.);

2) современные английские переводы Библии:

а) современные переиздания Библии короля Якова (King James Bible (Authorized Version)): King James II Version of the Bible (1971), King James Version – New Century Edition (1982), New King James Version (1982), 21st Century King James Version (1991), Modern King James Version (1999), American King James Version (1999), King James 2000 Version (2000), King James Version Easy Reading (2001), Comfortable King James Version (2003), New Authorized Version (2006);

б) современные упрощенные английские переводы Библии: Bible in Basic English (1949), Bible in Worldwide English (1969), The Living Bible (1971), Good News Bible (1976), Simple English Bible (1978), New Life Version (1986), Easy-to-Read Version (1989), New Century Version (1991), Contemporary English Version (1995), God’s Word (1995), New Living Translation (1996), Easy English Bible (2001), The Message (2002);

3) современные немецкие переводы Библии:

а) последние редакции известных переводов: последняя редакция Библии Мартина Лютера (1984); Revidierte Elberfelder Bibel (1993);

б) современные упрощенные немецкие переводы Библии: Hoffnung für Alle (1996); Gute Nachricht Bibel (1997), Gute Nachricht Bibel (1997); VolXbibel (2006), Basisbibel (2006).

Разработаны понятия дезархаизации, модернизации и симплификации применительно к библейским переводам. Определены семантико-когнитивные, лексико-фразеологические, морфологические, синтаксические, стилистические критерии дезархаизации, модернизации и симплификации библейского перевода. Разработана

типология библейских переводов последних десятилетий в соответствии с разработанными критериями и результатами многопланового анализа.

Исследовано влияние экстралингвистических и лингвистических факторов на вербализацию ключевых понятий в исследуемых переводах. Выяснено, что экстралингвистические факторы социально-культурного, исторического и религиозного характера оказывают на библейский перевод гораздо большее влияние, чем собственно лингвистические факторы.

Определена специфика современных английских и немецких протестантских переводов. В них отчетливо прослеживается тенденция и упрощению и даже искажению исходного смысла. Авторы современных библейских переводов склонны к переосмысливанию библейских текстов и, в частности, к новым трактовкам нравственных и этических проблем. Вытеснение этими текстами авторитетных библейских переводов несет в себе определенную опасность.

Влияние английских библейских переводов ощутимо и в современных русских переводах Библии, активно создаваемых с 90-х гг. в протестантских кругах или имеющих невыраженную конфессиональную направленность. Многие из них являются переводами английских текстов. Так, «Слово жизни» во многом копирует The Good News Bible, «Перевод Нового мира» - The New World Translation. Пока еще среди этих переводов нет откровенно малопристойных обиходно-просторечных текстов, но элементы разговорной речи, невыдержанность стиля, приводящие к десакрализации текста, присутствуют и здесь. Попытки распространения этих переводов, внедрение этих переводов на российский рынок и отвоевывание ими позиций у православных переводов не может не вызывать беспокойства.

Анализ показывает, что неблагоприятные тенденции в библейском переводе, развившиеся в полную силу в англоязычных странах (замена полноценного перевода парафразом, структурное и смысловое упрощение, создание новых переводов для отдельных социальных групп населения, доведенное до абсурда применение принципа политкорректности языка, использование стилистически сниженной лексики, иронически-фамильярный тон) успешно развиваются в немецких переводах и понемногу проникают в русские переводы. Бурный рост модернизированных, в т.ч. упрощенных, библейских переводов способствует распространению ложных или некорректных библейских представлений у широкого читателя и представляет определенную опасность для современной культуры.

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников) - 5

6.3. Универсальные и идиоэтнические стратегии продуцирования и интерпретации текста; типология дискурсивных стратегий. Руководитель – д.ф.н. Валерий Закиевич Демьянков

5.1. Разработка методического подхода к проблеме, материал и предварительные результаты проведенного анализа

5.1.1. Исследование употребления и понимания ключевых терминов, связанных с проблемой универсального и идиоэтнического компонентов понимания текста

Текст обладает следующими свойствами:

- у него есть иерархические отношения, распознаваемые интерпретатором и позволяющие ориентироваться в тексте, а также предопределяющие интерпретацию его частей (например, анафорических и личных местоимений);

- значение каждого отдельного предложения выводится, среди прочего, из значения предшествующего текста;

- он может быть понят только при условии, что интерпретатор в состоянии запоминать и использовать информацию и логические выводы, полученные из прочтения предшествующего текста,

- эта хранимая информация позволяет сузить множество интерпретаций у каждого последующего предложения текста;

- предложения в тексты связаны между собой, обладают «коннекцией», на наличие которой можно найти указания в самом тексте.

Слово *дискурс* в современном русском языке не претендует на нетерминологический статус, оно стало термином класса «речь» (как в английском), хотя наиболее распространено ударение по латинскому/французскому, а не английскому образцу. Ср.: *Мы говорим не д**и**скурс, а диск**у**рс!* (Т. Кибиров). А противопоставление текста дискурсу стало очень значимым для филологического рассуждения по-русски.

В лингвистической литературе дискурсом чаще всего называют речь (в частности, текст) в ее становлении перед мысленным взором интерпретатора. Интерпретатор помещает содержание очередной интерпретируемой порции дискурса в рамки уже полученной промежуточной или предварительной интерпретации. В результате устраняется, при необходимости, референтная неоднозначность, определяется коммуникативная цель каждого предложения и шаг за шагом выясняется драматургия всего дискурса.

По ходу такой интерпретации воссоздается – «реконструируется» – мысленный мир (universe of discourse), в котором, по презумпции интерпретатора, автор конструировал дискурс и в котором описываются реальное и желаемое (пусть и не всегда достижимое), нереальное и т. п. положение дел. В этом мире мы находим характеристики действующих лиц, объектов, времени, обстоятельств событий (в частности, поступков действующих лиц) и т. п. Этот мысленный мир включает также домысливаемые интерпретатором (с его неповторимым жизненным опытом) детали и оценки. В русской философской литературе подчеркивается и то, что в дискурсе присутствует некоторый «ментальная точка отсчета» – то «Эго», которому эмпатизирует интерпретатор и без которго дискурс распадается, теряя свою связность: именно поэтому дискурсивность противопоставлена соборности. Для текста такое свойство не обязательно: дискурс как интерпретация текста восполняет и отсутствие явных указаний на «Эго», и присутствие многих «ментальных точек отсчета». Теперь становится ясным, почему существует много текстов о мире, существующем как бы без автора текста, но невозможен такой дискурс. И именно поэтому написать такой текст можно, а понять его адекватно, выстроить как связный дискурс, не вводя «Эго», нельзя.

Текст – не простой материальный объект, а интерпретируемый вербальный объект, за котором можно увидеть протекание дискурса. Чисто материальную сторону имеют в виду, употребляя лексемы типа *рукопись* и *манускрипт.* Именно поэтому выражения типа *интерпретировать и понимать рукопись* означают нечто иное, чем *интерпретировать и понимать текст*.

Эти разграничения сказываются на употреблении указанных слов в обыденной речи. Так, оратор может забыть дома текст, но не дискурс своего выступления на конференции, а актер – текст, но не дискурс пьесы – то есть, забыть рукопись. В то же время, актер, забыающий текст (но не дискурс) своей роли, и автор, уступающий права на текст (но не на дискурс) романа имеют в виду вербальную компоненту, формулировки в тексте – предложение за предложением, структура за структурой.

Показано, как эти и многие другие употребления терминов *текст* и *дискурс* связаны с историей возникновения и употребления этих терминов в западноевропейских языках и в русском языке.

5.1.2. Универсальное и идиоэтническое в сфере духовной культуры

Один из важнейших аспектов данного исследования связан с проблемой истолкования текстов духовной культуры, осмысления универсальных и идиоэтнических путей и принципов их интерпретации.

Материалом его являются тексты по теории языка, по философии языка. Особое место занимает также проводимое В.И.Постоваловой исследование религиозно-богословских и мистико-аскетических текстов христианско-православной духовной традиции. Содержание таких текстов, как правило, имеет наднациональный характер: доминантой является «ключ интерпретации», или «тональность понимания», диктуемая типом научного мировоззрения или даже (как в случае текстов религиозного содержания) конфессионального миросозерцания.

Например, языковые образы многих религиозных терминов, формируемые в рамках культурно-языковой картины мира какого-либо народа, указывают часто не на инвариантное содержание соответствующих концептов (скажем, в православии), а фиксируют внимание на смысловых оттенках воплощения данных концептов в религиозных миросозерцаниях определенного типа, например, в русском или греческо-византийском православии, а также в идиолектах отдельных личностей. Такие оттенки (обертоны) часто бессознательно привносятся в смысл концептов как случайные (фоновые) знания в силу специфики семантических особенностей слов, используемых в качестве соответствующих религиозных терминов. Для восхождения от подобных национальных и индивидуальных образов воплощения религиозных концептов к их инвариантным смыслам требуется особая терминологическая работа по преодолению мифологии языковых образов, стоящих за соответствующими религиозными терминами, и погашению избыточных смыслов (ложных или достаточно нейтральных), привносимых часто бессознательно в содержание религиозного концепта.

5.1.3. Интонационная реализация интерпретации текста

Было проведено также исследование интонационных показателей коммуникативного значения незавершенности текста в сопоставительном аспекте. Было показано, что русские и немецкие стратегии незавершенности включают мелодические средства изменения частоты основного тона, а также особые стратегии выбора носителей просодических пиков. Стратегии вносят различный семантический вклад в структуру текста. Они могут указывать на незавершенность в чистом виде, т.е. говорить о том, что текущее предложение не последнее и что продолжение повествования следует. Кроме того, семантика незавершенности может быть осложнена семантикой рассказа по порядку, т.е. в предложении может содержаться не только указание на то, что текущее предложение не последнее, но также и на то, что предложение, следующее за текущим, тоже не последнее.

Незавершенность может быть включена в контекст воспоминаний о череде событий, имевших место в прошлом, а также в контекст сюжета, каждый шаг которого мыслится говорящим как законченный и продвигающий повествование вперед. Сопоставительный русско-немецкий анализ стратегий незавершенности выявил интересные сходства и различия между двумя языками. Выяснилось, что нисходяще-восходящее движение тона в русском языке маркирует «рассказ по порядку», а в немецком языке служит немаркированным показателем незавершенности.

Между тем, показателем «рассказа по порядку» в немецком языке служит подъем на ударном слоге акцентоносителя незавершенности, за которым следует поступательное повышение на заударных слогах, если они есть. Эта последняя просодия русскому языку тоже не чужда, но в русском она маркирует другое значение – взволнованный рассказ об экстраординарных событиях. Кроме того, в русском языке эта просодия используется статистически редко, в частности, она отсутствует в номенклатуре русских просодий Е.А. Брызгуновой. В немецком языке она оказывается существенно более востребованной.

Средствами стратегий незавершенности служат не только собственно изменение частот в виде подъемов тона и типов наложения их на сегментный материал, но также и способ выбора словоформ-носителей просодических пиков. Это способ маркирования незавершенности широко представлен в русской разговорной речи, когда на конечном глаголе фиксируется подъем тона, а на предшествующем глаголе актанте – падение. Порядок слов в немецком языке в отличие от порядка слов во многих европейских языках тоже допускает конечное расположение глагола в предложении. Соответственно, немецкий язык располагает – по нашим данным – аналогичной линейно-акцентной

стратегией указания на незавершенноть текста. Между тем частотность этой стратегии в немецкой речи явно ниже русской. В целом, можно заключить, что в языках представлено богатое разнообразие просодических указаний на незавершенность дискурса.

Различные языки разработали не один, а известное разнообразие интонационных маркеров незавершенности, которые различаются не только просодически, но и по своему вкладу в семантику текста. С точки зрения просодии показатели незавершенности имеют различные типы наложения изменения частоты основного тона на сегментный материал (т.е. представляют собой разные типы восходящих интонационных фигур с различной стратегией наложения на структуру ударного и заударных слогов слова-носителя незавершенности), с точки зрения семантики – разные типы восходящих тонов вносят в дискурс разнообразные значения, сопутствующие незавершенности, и наконец, сопоставительный анализ говорит о том, что в русском и в немецком языках стратегии незавершенности могут быть очень близкими, т.е. они могут практически совпадать – как по мелодике, так и по функции, но они могут и существенно различаться. Так, идентичные с точки зрения просодии типы изменения основного тона в языках могут быть различны функционально. Феномен сходства и различия существен не только для описания просодии и семантики каждого из языков, но его учет очевидным образом имеет и большое методическое значение при преподавании русского и немецкого языка как иностранных, а также при переводе устной речи. Кроме того, наши наблюдения показывают, что интонация оказывается «слабым» звеном языковой системы, т.е. она легче других уровней поддается разрушению в речи, в частности, она быстро подвергается влиянию другого языка, поэтому анализ сходств и различий помогает преподавателю прогнозировать и устранять точки возникновения «иноязычного акцента» в речи учащихся.

Одна из интонационных стратегий состоит в маркировании незавершенности средствами подъема тона на ударном слоге и средствами подъема на заударных слогах при падении на ударном. Обращает на себя существенный факт языковой интерференции, который состоит в том, что русские люди, прожившие некоторое время в Германии, в незавершенном нарративе начинают использовать немецкие средства, т.е. они говорят так, как если бы они чаще русскоязычных людей, живущих в метрополии, излагали свои мысли «по порядку». Иначе говоря, они привыкают «злоупотреблять» просодией рассказа по порядку под влиянием немецкой модели, где эта просодия обозначает простую незавершенность.

Еще одна стратегия, которая фигурирует и в русском, и в немецком языках, представляет собой особый интонационный тип, использующийся при имитации мыслительной деятельности говорящего: рассуждения, недоумения, размышления о будущем, воспоминания, и припоминания череды событий. Именно контекст воспоминаний о том, какие события происходили в прошлом, позволяет включить этот тип в ряд стратегий незавершенности, хотя и выражает эта стратегия не собственно незавершенность, а близкое незавершенности значение воспоминаний о цепи событий. Говорящий перечисляет, что происходило в прошлом, или мечтательно рассказывает о будущем. Такое значение маркируется восходящим тоном на ударном слоге акцентоносителя плюс высокий ровный тон на заударных слогах и последующих словоформах вплоть до конца предложения. В русском языке это движение тона сопровождается существенным удлинением ударного слога и заударных, по сравнению с обычным произнесением.

5.2. Полученные результаты, их новизна, научная и практическая значимость, актуальность, соответствие мировому научному уровню

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной филологии огромное число работ посвящено прямо или опосредованно именно тому, как тексты создаются и понимаются, а также способам вычислить «истинный» смысл текстов. Так, воспринимая текст, интерпретатор реконструирует (иногда абсолютно неадекватно) личностные характеристики автора, обстоятельства создания текста и т. п.

Рабочая гипотеза нашего исследования: неполная адекватность в восприятии текста на чужом языке является не только следствием незнания реалий, окружавших или окружающих автора текста (т. е., следствием различия «вещных» миров), но и расхождением в идиоэтнических стратегиях восприятия текста (т. е., следствием различия «внутренних», «духовных» миров). Лингвистические аспекты установления этих расхождений являются нашей главной задачей, для решении которой необходимо создать методологическую базу.

Полученные результаты оригинальны, основаны на анализе новых языковых и культурологических материалов.

Научная значимость состоит в расширении теории текста и дискурса, в установлении связей между лингвистической теорией и теориями мышления.

Практическая значимость состоит в возможности сформулировать рекомендации для составления текстов и для адекватного (насколько это возможно) понимания их. Важно данное исследование и для построения программ компьютерного перевода, а также для подготовки кадров филологов широкого профиля.

Указанные задачи, а также подходы к их решению полностью созвучны процессам, происходящим в мировой науке, о чем свидетельствует огромное число отечественных и зарубежных публикаций в данной области, в которых постоянно ставятся вопросы о критериях адекватности понимания текста.

6. Общее число опубликованных по проекту работ (в том числе монографий и сборников) - 9

7. Список опубликованных монографий и сборников статей, с полным указанием выходных данных, объема /в п.л. и количество стр./, а также их краткие аннотации (до 0,5 стр.) - нет

8. Список опубликованных по проекту статей (объемом не менее 1 п.л.)

Демьянков В. З. Новаторство в рамках и за пределами языковой нормы // Вопросы филологии. Специальный выпуск. V Международная научная конференция «Язык, культура, общество»: Москва, 24–27 сентября 2009 г.: Пленарные доклады. Том 2. – М.: Московский институт иностранных языков, 2009. – С. 84 – 92.

Демьянков В. З. Лингвистика и ее объекты // Вопросы филологии. Москва: Московский институт иностранных языков, 2009. № 1. С.5-22.

9. Список книг, сданных в печать или поданных на издательские гранты (указать ожидаемое время издания, объем в а.л.)

Демьянков В.З., ***Порхомовский В.Я***., отв. редакторы. В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл (2010, выполняется по гранту РФФИ, 50 а.л.)